

Инесса Давыдова

Верона

Роман - трилогия

Часть вторая

Глава первая

Вера

Первый робкий солнечный луч щекочет мои ресницы. Он будто заигрывает со мной, манит и сулит новый замечательный день. Он не знает, как я опустошена и раздавлена, иначе оставил бы меня в покое. Да и откуда ему знать, он только что родился и по-детски исследует мир. Ему невдомек, что уже вечером он уйдет в забвение. Собственно туда же, где я нахожусь последние дни. Я потеряла счет времени. Не знаю, какое сегодня число, наверное, уже октябрь и все улицы окрасились кроваво-желтым багрянцем.

Пока на меня не нахлынула всепоглощающая тоска, представляю, как отталкиваюсь от кровати и возношусь к небу. Там нет боли, нет страданий, нет ничего, что расстроит меня или разочарует. Там только я и мое одиночество. Я – парящая душа среди облаков. Я в невесомости. Приятный порывистый ветерок треплет мои длинные белокурые волосы. Я словно белая хрупкая птица нежусь и греюсь в восходящих лучах...

– Просыпайся, Чучундра! – слышу решительный голос.

Моя подруга София распахивает занавески и открывает окно. В комнату врывается сгусток свежего воздуха и я делаю глубокий жадный вдох, словно только что вынырнула из глубины. Я еще не открыла глаза, а уже чувствую, что сегодня солнечный и безветренный день. За окном громко щебечут птицы, наверное, готовятся к скорому перелету в теплые края. Хочу с ними! В вечное лето! Боже, сколько же я не выходила на улицу?

– Верни мне мою кровать! Верни мне мою комнату!

Ох, чувствую, что на этот раз Софа взялась за меня всерьез. Это уже какая? Тринадцатая попытка? А я думала, что это число для меня счастливое, все-таки я родилась тринадцатого.

– Все! Хватит! Больше никаких слез! Никаких воздыханий! Поднимайся и возвращай себе свою жизнь!

– Жизнь послала меня на три веселых буквы и не подумай, что это «рай» или «дом», ну или «лес»... – я тяжело вздохнула. – У меня много в запасе вариантов.

– Я знаю эти три буквы! Душ! Он по тебе стонет и плачет уже три дня!

Я так и не пошевелилась, но Софа не собиралась сдаваться.

– Только не думай, что ты воспользуешься моим! Неа! Марш наверх в свою комнату!

– Нет! – я переворачиваюсь на спину и распахиваю глаза. – Я не смогу! Ты же знаешь! Он там спал... со мной... а теперь его нет... Это выше моих сил!

– И что? Будешь теперь искать места, где не ступала его нога? Что за глупости Верона! Марш наверх!

Я надуваю губы и хнычу, не хочу вставать. Не хочу подниматься по лестнице, на которой мы разругались с Руссо. Не хочу входить в комнату, где мы вместе спали и кое-чем занимались. Не хочу! Я еще не готова.

– Он меня бросил Софа! Он! Меня! Бросил!

– Нет, не бросил, вы просто поругались. Оторви свой зад от кровати и верни своего парня!

– Как?! Руссо невозможно в чем-то переубедить! Это все, Софа! Все!

Меня накрывает новая волна отчаяния. Реальность настолько невыносима, что мне хочется снова впасть в забытие и утонуть в воспоминаниях, там, где мы были вместе, где он ласкал и гладил мое тело, где мы чувствовали себя единым целым, где казалось, что никто и ничто не сможет нас разлучить.

Софа стягивает с меня одеяло и стаскивает с постели за ноги.

– Ай, пусти! – я брыкаюсь и пытаюсь вернуться в ее кровать.

Подруга никак не ожидала такого отпора, со второй попытки у меня получается вывернуться и снова забраться под одеяло.

– Предлагаю сделку! – Софа сдувает с лица назойливую прядь каштановых волос, встает передо мной, упирая руки в раскидистые бедра. – Quid pro quo! Я помогаю вернуть тебе Руссо, ты помогаешь мне закадрить своего брата.

– Ты что еще не уложила его в постель? Он же здесь бывает каждый день.

– Как? Ты же заняла мою кровать своим толстым задом!

Мой зад вполне миниатюрный, это она зря, по крайней мере, меньше ее точно.

– В коттедже мало свободных комнат? – ехидничаю я. – Софа Маркес теряет сноровку! И ей нужна помощь неопытной Чучундры, которая даже сексом ни разу не занималась.

– Хорош выделываться! Так по рукам? А то получается я зря все три дня, пока ты тут предавалась безудержному горю, собирала информацию о Руссо.

Если бы наш разговор она начала с этой фразы, то я бы вскочила как ошпаренная, что в принципе я сейчас и делаю.

– Что ты на него нарыла!? Показывай!

– По рукам? – Софа подставляет ладонь.

Авантюристка!

– Ладно, – бью ее по ладони, – будто у меня есть выбор!

– Но сначала ты примешь душ, а то от тебя несет за версту!

Выхожу из комнаты Софы и иду к лестнице. Я взяла слишком быстрый старт. Ноги заплетаются, голова кружиться. Кажется, еще один шаг и я упаду на плиточный пол. Держусь за стеллаж, что разделяет гостиную от коридора, и минуту прихожу в себя. Через стеклянную стену вижу, как Анна, другая моя подруга, сидит на диване в обнимку со своим парнем.

Не могу на это смотреть! Только не сейчас, когда мне так больно!

Пролетаю все ступеньки на одном дыхании. И лестницу эту ненавижу!

В моей комнате все так же как было три дня назад, когда Руссо собрал свои вещи и, громыхая демонстративно чемоданом, ушел. Звук дребезжащих колесиков по лестничным ступеням до сих пор эхом отстукивает стаккато в моих ушах. На кровати в складках одеяла вижу забытые им боксеры. В ванной комнате его зубная щетка, использованный бритвенный станок, ну и, конечно же, валяющиеся на полу полотенца. Он всегда их кидает туда после душа, будто моется не дома, а в гостинице, где по одному звонку тебе поменяют грязные полотенца на чистые.

Сердце бухает как после десятикилометровой пробежки, на глаза наворачиваются слезы. Хватаю ртом воздух. Не могу дышать! Как же больно! Не знаю, как мне все это пережить... Он бросил меня через десять часов, после того как я осознала, что люблю его. Ладно... он не бросал, я его попросила убраться, но я имела в виду, что не хочу его видеть в данный момент, а не всю оставшуюся жизнь.

У Руссо мало недостатков, но те, что есть, сильно влияют на наши отношения. Он скрытен и считает, что это круто. Вспыльчив и в этот момент

может наговорить такого, что волосы дыбом встают. Злой. Поэтому частенько решает вопросы на кулаках, слава богу, не со мной. А еще он сам наделил себя полномочиями принимать за меня решения. Справедливости ради нужно сказать, что большинство из них правильные, но сам факт, что кто-то диктует тебе, как нужно жить меня не веселит.

Софа права, нельзя опускать руки, я должна его вернуть. Ну, или хотя бы попытаться...

Первым делом я подсакиваю к своему телефону, конечно же, он сдулся. Ставлю его на зарядку, беру чистые полотенца и иду в ванную. Встаю под душ и с облегчением выдыхаю. Мама мия, как же хорошо! Я попадаю в аква-рай, где притупляется боль, уходят все сомнения и страхи.

– Верона! – стучит в дверь ванной комнаты Софа. – А ну тащи свой зад на кухню! Я не могу тебя ждать вечно!

Аристарх

– Руссо! Едрит Мадрид! Кончай это дерьмо! – рычит Годзилла и вырывает из моих рук пузырь вискаря.

Черт! Нянька хренова!

После моего очередного похождения братья по клубу выставили караул. Сегодня очередь Годзиллы. Его это, конечно, не радует. Ему бы сейчас домой, к троим спиногрызам и жене, а приходится возиться со мной. Проклятье! Как же меня все достали! Напиться и то не дадут! Мне нужно напиться! Иначе...

– Уже рассвело... нужно принимать решение, – Годзилла давит и давит.

Я смотрю на друга и ржу.

– Чего скалишься?

– Впервые за три года мне на все насрать!

Выхватываю бутылку и делаю большой глоток. Он сильный, а я шустрый. Порция алкоголя сдобривает мозги и разливается по всему телу.

Бр-р-р... Вот так намного лучше!

– Эта чикса тебе мозги взорвала, – бурчит Годзилла.

– Эй! Она не чикса! – накидываюсь я на друга и толкаю его в грудь, тот оторопело тарашится. – Она – моя девушка!

– Ты же расстался с ней! – Годзилла смотрит на меня с непониманием.

– Она послала меня куда подальше! Но я не собираюсь с этим мириться!

Кореш вздыхает с облегчением.

– Вот такой ты на себя больше похож!

Годзилла заламывает мне руку и отбирает бутылку, от греха подальше он выливает вискарь в раковину, давая понять, что на этом мое двухдневное randevу окончено. Вырываюсь и морщусь от запаха спиртного. Кореш прав, пора завязывать. Смотрю на свои окровавленные руки. В полночь я подрался с тремя блатными в баре. Уроды! Я взорвался от того как они тарашились на мои татуировки и ухмылялись. Я их уже одолел, но подтянулись еще двое и меня бы точно грохнули, если бы не подоспевший вовремя Годзилла.

– Кувалда давно нарывається! Нужно с ним разобраться!

Вот уже битый час кореш талдычит мне о нашем третьем партнере, который решил на свой лад перекроить бизнес, игнорируя наши протесты. Я сейчас такой злой, что выступать миротворцем между двумя бро-байкерами мне не под силу, но если не вмешаться, они поубивают друг друга к чертям собачьим. К тому же бои самый прибыльный бизнес и я не могу допустить, чтобы он накрылся из-за грызни партнеров.

– Лады, назначай сходку. Я в душ... – бурчу я со злостью и поднимаюсь на ноги. – Бля, как все достало!

– Не сдери с себя скальп, – ехидничает дружба.

Я кривлюсь от усмешки, Годзилла знает о моей брезгливости и думает, что я трахнул чиксу в клубе. Но он не знает, что сегодня Сэм впервые послал меня куда подальше и я его в этом не винил. Выйдя из подсобки, я разглядел телку при свете и чуть не блеванул. Я напел ей, что перебрал, даже для проформы пару раз изобразил позывные оперы «Блевантино» но, кажется, не убедил, а мне, собственно, ее мнение до лампочки! После всего этого мне стало так хреново, что я решил вволю оторваться и напился до чертиков в глазах. Я знал, что это ни к чему хорошему не приведет, что начну сейчас куролесить, но это был

единственный способ заглушить боль, которая поселилась во мне после скандала с Вероной.

Как же я сразу не догадалась? Ты ждал ее! Поэтому ни с кем не встречался! И вот она вернулась! Счастливый конец!

Слова Вероны о Лили буквально выжгли все внутренности. Мне не чем было дышать. Отчасти она была права. Я не выстраивал серьезных отношений из-за Лили, но не потому, что хотел ее вернуть, это был бы мартышкин труд, а потому, что больше не мог никому доверять. Это сука перевернула мой мир. Из-за нее я озлобился. После ее ухода прошло три года, а она до сих пор отравляет мне жизнь.

В первый день после разрыва с Вероной от мрачных мыслей меня отвлекла госпитализация матери. Пришлось напрячься и полдня вдавливать в ее занятую деканскую голову, что игра со смертью не игрушки и пока я не готов отпустить ее на тот свет. Она вроде поняла мой настрой и сказала, что делает это только ради моего спокойствия. Какое тут к черту спокойствие?!

Выйдя уже ночью из больнички я долго стоял на стоянке и пялился на луну, будто хренов оборотень перед преобразованием. Потом поехал домой и завалился спать, только не тут-то было. На меня навалилась такая тоска, что душу рвала на куски. Я метался по комнате как очумелый. Мне не хватало Вероны. Не хватало ее тела, ее запаха, ее голоса. Проклятье! Не могу больше спать без нее. Как только понял это, меня накрыло по полной...

Ладно! Хватит стенать! Надо принять рабочий вид. Встаю под душ. Я все еще пьяный. Последняя порция вискаря смешалась с ночной порцией коньяка. Прохладная вода приятно бодрит, но меня все еще пошатывает. Воспоминания уносят в тот день, когда мы с Вероной соединили свои тела. Нет, это не секс в обычном понимании. С ней я действую терпеливо и осторожно. По словам Вероны в тот день мы впервые доставили друг другу удовольствие. Помню ее полные любопытства глаза, когда она впервые сжимала Сэма. Как неотрывно смотрела на мое перекошенное от оргазма лицо.

«Боль и услада» – так она тогда выразилась.

Я знаю, что ей тоже хреново, поэтому и куролесил не так рьяно. Курт сказал, что она не выходит из комнаты подруги. Подсаженный на ее мобильник

«жучок» подтверждал его слова. От того что ей так скверно мне стало легче. Значит, она тоже не в силах забыть меня. Сейчас я хотел ее еще сильнее, чем раньше. Два дня назад мы должны были приземлиться в Вероне и впервые заняться сексом. Эта была ее дурацкая мечта, на которую я по нахлынувшей вдруг на меня слабости поддался. Сейчас я уже жалею об этом. Надо было трахнуть ее в тот день, когда она появилась на пороге моей спальни. Может, теперь была бы более сговорчивее.

Как-то она написала мне:

Ты в моей голове, в моем теле, в моей крови, в моей ДНК.

Вот теперь я понял, что это такое! Я не могу не думать о ней, она будто поселилась в моей башке, залезла в печеньку, а потом перебралась под сердце! Черт! Черт! Черт! Нужно все исправить. Только как?

Выхожу из душа и смотрю на себя в зеркало. Видела бы меня сейчас Верона, а впрочем, она, говорят, выглядит не лучше. Надо что-то с этим делать. Сегодня Курт справляет днюху. Он решил, что караоке-бар самое подходящее для этого место. Увалень тупоголовый. Ну, кто из братьев приедет в караоке? Хотя он мой кореш и брат Вероны, иногда мне хочется разmozжить ему башку. Именно из-за Вероны в последнее время мы не ладим. Может мне удастся сегодня с ним перетереть ситуацию и понять, что делать дальше. Навряд ли Верона приедет в это заведение и, слава богу, там я частенько снимал чикс. Не хочу, чтобы она на них случайно натолкнулась. Одно дело знать, другое – видеть.

– Кувалда приедет к восьми, – говорит Годзилла, когда я вхожу на кухню.

– Угу, – бурчу я, хватаю со стола мобильный и в очередной раз плююсь на экран.

Верона, черт возьми, ну почему ты мне не звонишь?! Почему не молишь о прощении?! Зеленый пульсирующий маячок говорит о том, что она все еще дома.

– За что она тебя турнула? – кореш сидит на кухне в моем любимом кресле.

Годзилла решил поиграть в «Почемучку». Не может понять, с чего это у меня крышу сорвало. Ненавижу такие разговоры!

– За то, что не рассказал о Лили, а эта сука заявила в бутик и закатила скандал при Вероне. Больше всего Верона зацепилась за то, что я скрыл от нее,

что делал Лили предложение. Типа такой факт нужно вывешивать на лоб крупным шрифтом, что б новая пассия это первым делом увидела. Бред! – я тряхнул башкой и чуть на бок не завалился. – Бр-р-р...

Открываю холодильник, нужно что-нибудь съесть, чтобы утихомирить желудок. Черт! Шаром покати! Я же сам сказал Марии – своей домработнице – ничего не покупать. Хватаю пачку хлопьев и засыпаю в рот.

– Странно, – пыхтит Годзилла и скоблит небритую щеку.

– Чего? – жую и таращусь на партнера.

– Да я про твою бывшую... Сидела на жопе три года, не булькала, а потом подрывается и закатывает скандал. Главное она это сделала, когда у тебя с сеструхой Курта все наладилось.

Черт! Отменная мысль! От прозрения я открыл рот, половина хлопьев вывалилась на пол. Почему я сам до этого недопетрил?

Вера

Вхожу на кухню и вижу подруг за кухонным столом. Они мирно беседуют о чем-то своем. Увидев меня, Анна вспорхнула со стула и приобняла меня.

– Как ты, Верона? – с нежностью осведомляется она.

– Прекрати с ней сюсюкаться! – ворчит Софа. – Ей это не на пользу! Три дня ты с ней носилась как насадка с цыпленком и никакого результата. Я взялась за дело, и видишь, она теперь здесь, впервые за три дня приняла душ, и поест не в моей постели, – она поворачивается ко мне. – Верона, ты устроила в моей спальне жуткий поросятник!

Через панорамное окно я вижу, что матрас и подушки с ее кровати сушатся на двух шезлонгах. Еще бы, я выплакала ведро слез. Никогда не думала, что в человеческом организме столько жидкости! Где-то я читала, что человек состоит из восьмидесяти процентов воды и выяснил это некий полковник Ягути – не знаю, почему я запомнила его фамилию, – служивший в японской императорской армии. Он проводил в фашистских лагерях на пленных варварские эксперименты: испытуемого посещали в закрытое помещение, сажали на стул и связывали, а затем нагнетали постоянный поток горячего сухого ветра. Примерно через семь

часов человек умирал от обезвоживания, а спустя еще девять часов его тело превращалось в полностью высохшую мумию, вес которой составлял около двадцати двух процентов от первоначального. Но мое тело этот эксперимент полностью опровергает, пила я эти дни мало, а плакала много, за счет чего пополнялся водный баланс не понятно. Наверное, дело в ветре. Подруги хоть и проветривали комнату, но сухих горячих ветров в России точно нет. Одно я могу сказать наверняка, душа моя сейчас точно похожа на мумию: высохшая, сморщенная и безжизненная.

Ох! Хватаюсь за горло. Что-то меня подташнивает.

– Верона будешь гречневую кашу?

Анна хочет перевести разговор на другую тему, я выплываю из своих раздумий и мотаю головой.

– Может сделать тебе яичницу с сосисками? Это единственное, что осталось в холодильнике.

Я изумленно смотрю на нее, до ссоры с Руссо холодильник был забит продуктами. Хоть это было три дня назад, вдвоем они точно не смогли бы все проглотить.

– Нет, спасибо, я не хочу есть, но вот кофе бы выпила.

Мой желудок предательски завывает, и я краснею. Ну, хоть бы раз мое вранье прокатило, так нет же...

– Жри мои сэндвичи! – бурчит Софа и придвигает свою тарелку.

Смотрю на идеальную ровную нарезку хлеба, ветчины и сыра и понимаю, что Софа даже сэндвичи делала не сама, а заказала по интернету.

– Нет, – мотаю головой, – я пас.

Раньше Софа так со мной не разговаривала, вглядываюсь в ее лицо и вижу, что она сильно нервничает. Интересно почему? Она не настолько может проникнуться нашей с Руссо ссорой. Это миссия Анны, она за всех переживает и выступает в роли жилетки. Ох, не зря Софа взялась за меня этим утром, у нее какой-то план и наверняка связано это с моим братом. Небось, узнала, что он приедет сегодня в коттедж и хочет, чтобы я посодействовала их сближению. Но как я это сделаю? Сделку-то я с ней заключила, а как помочь реально ума не

приложу. Но мне надо напрячься и что-то придумать, иначе она не станет мне помогать с Руссо.

Анна идет к кофеварке и возвращается с огромной кружкой, на которой написано «I love Verona». Я смотрю на кружку выпученными глазами, в сердце поселяется маленький лучик надежды.

– Откуда это здесь? – мой голос дрожит.

Подруги сникли, видимо, поняли, что я решила, будто заезжал Руссо.

– Софа купила нам на новоселье, – объясняет Анна и показывает свою кружку с надписью «I love Undina».

Я и забыла что это ее прозвище в готическом сообществе, которое она, слава богу, не приглашает в коттедж. Наверное, я единственная из ее друзей, кто проигнорировала это прозвище. Мне нравится имя Анна, оно ей очень идет и я не буду в угоду кому-то, даже ей, называть ее Ундиной.

С Руссо дело обстоит ровным счетом наоборот. Родители при рождении дали ему имя Аристарх, но у меня язык не поворачивается так его назвать. Руссо звучит мягче и как-то по-итальянски, а это созвучно с его внешностью. К тому же все знают, что он терпеть не может свое имя. Не представляю, что будет с тем человеком, кто его так назовет. Нет же! Господи, как я могла забыть? Накануне нашей ссоры его так назвала бывшая девушка, внезапно появившаяся на нашем горизонте. В итоге он схватил металлическую урну, хотел запустить в ее голову, но в последний момент передумал и разбил витрину. Ну, ладно... я немного утрирую... наверное, мне бы очень хотелось, чтобы так и было. Но нет, он сразу разбил витрину.

Лилианна! Так ее зовут. Руссо называет ее Лили. Тьфу! Нечисть какая-то! Нет, конечно, она чистая, даже очень... и красивая... ну ладно, она очень красивая. Ненавижу ее! Это она подожгла фитиль и взорвала бомбу замедленного действия в виде нашего расставания.

– Эй! Не уходи в себя! – Софа замаячила ладонью перед моим лицом и вернула меня к реальности. – Нам предстоит проделать много работы.

Я кивнула и отхлебнула большой глоток кофе. В мгновение ока на столе не осталось ничего, кроме моей кружки.

– Что ты делаешь? Я недоела! – возмутилась Анна и потянулась за своей тарелкой с остатками гречки.

– Потом доешь! – приказывает Софа. – Не уходи далеко, ты тоже нам нужна.

Софа предводитель нашей троицы. Никто не смеет ей перечить – тем более такие флегматичные клушки, как мы с Анной – уж если Софе что втемяшилось, бесполезно припираться, она снесет все препятствия, найдет кучу аргументов и даже если никого не убедит, в итоге все равно сделает по-своему.

– Верона, прежде чем мы начнем, скажу, что в вашей ссоре с Руссо я не на твоей стороне.

– Я уже это поняла, – за последние три дня до меня не раз доносились их шушуканья с Анной.

– Хотя ты можешь оставаться при своем мнении, дело твое.

Ну, спасибо за разрешение иметь свои мозги, дорогая подруга! Вслух, конечно же, я это не говорю, но на моем лице отражается скептическая гримаса, и так понятно.

– Ты тоже так считаешь? – с вызовом спрашиваю у Анны.

– Прежде я бы выслушала твою версию событий, – отвечает Анна и кидает на Софу красноречивый взгляд.

– Ладно, – соглашается Софа, – давайте выслушаем ее версию.

Вот это да! Вообще-то я пришла выпить кофе и посмотреть, что накопала в сети Софа про Руссо, а попала под суд присяжных. Душещипательные откровения сейчас в мой план не входили. Да, собственно, я не любитель делиться подробностями из личной жизни. Это только мое и Руссо, но раз уж все слышали нашу ссору, да еще и заняли его позицию, начинаю разъяснять:

– Он скрыл от меня факт существования Лилианны.

– Кто это? – Анна хмурится.

– Невеста, – выпаливаю я со злостью.

– Бывшая! Теперь она за мужем и у нее ребенок, – вставляет Софа.

И откуда она знает?

– Это не мешало ей заявиться в бутик и заткатить скандал. Она так наехала на Руссо, что тот от злости разбил витрину. Пока они ссорились было понятно, что между ними все еще сильные чувства...

– Ненависти, – опять вставила Софа, ее левая нога задергалась под столом.

Она точно нервничает и сильно возбуждена, вот только почему? Решаю спросить напрямую, но только после того как мы закончим с Руссо.

Игнорирую ее выпад и продолжаю:

– Она взывала к его совести, говорила, что он сильно изменился, – я строю рожицу и искажаю голос, изображая Лирианну: – Ах, Аристарх, – театральным всплеск руками, – я знала, что ты переживал после нашего разрыва, но не знала что так сильно! Ты бросил медицину! А кто это девочка? Ее мама знает, что ты с ней делаешь?

– Фак! – злится Софа. – Я бы ей наподдавала.

– А я вот впала в ступор! И до сих пор жалею! Но не это меня взбесило, а то, что он скрыл от меня, что они готовились к свадьбе, но за несколько дней до торжества она сбежала с другим.

– Ах! – Анна выпучивает глаза.

– У него была прекрасная возможность все мне рассказать, но он предпочел держать это в себе.

– И ты не можешь его в этом упрекать, – буркнула Софа.

– Это еще почему? – внутри меня закипает гнев.

– Потому! Это его прошлое. К тебе оно не имеет никакого отношения. Он заботится о тебе, а не о ней, – я пытаюсь возразить, но Софа жестом затыкает мне рот и продолжает: – Он любит тебя, Верона! Ее он ненавидит. Мы спрашивали, что случилось и его лицо передернулось, как в предсмертной агонии. А когда он говорит о тебе, то светлеет. А как он смотрит на тебя? С обожанием! Он гордится тобой!

– Скажешь тоже, – отмахнулась я, смущаясь. – Что во мне такого, чтобы он гордился? Я совершенно ему не подхожу. Вот Лирианна для него идеальная пара. Вы бы видели их вместе...

Подруги переглядываются, похоже, я их искренне удивила.

– Все еще хуже, чем я думала, – хмурится недовольно Анна. – У тебя заниженная самооценка.

– Да уж, упала ниже плинтуса, – Софа хмыкает и сплетает руки на груди.

Такой всеобщей мобилизации сторонников Руссо я не ожидала, да еще в собственных рядах.

– Почему вы его оправдываете?

– Не увильвай, – грубо одергивает Софа, – расскажи лучше, кто такой Адам и почему Руссо так злился из-за него. Скандал же начался из-за Адама!

Ох, Адам... я и сама сейчас на него зла.

– Он друг Кати и клиент бутика. Из-за болезни он сильно похудел и попросил нас переделать его гардероб. Я отправила ему первую партию костюмов, в благодарность он прислал цветы.

– Вы только послушайте как она перевракивает факты! – возмутилась Софа. – В благодарность прислал цветы... а свидание он просил тоже в благодарность?

«Перевракивает» – любимое словечко Сани, Софа сама не замечает, как цитирует его выражения.

– А чем он болен? – Анна на моей волне.

– Ха! Собрались тут две Матери Терезы! Не уводи тему, Анна! Меня интересует, на каком этапе клиент превратился в поклонника!

– Сама не знаю, – пожимаю плечами. – Все было в рамках рабочих отношений... правда я с ним ужинала...

– Вот с этого места поподробнее, пожалуйста! – рычит Софа.

Рассказываю детали, на этот раз ничего не утаивая, может, я и сама по ходу смогу разобраться, почему Адам стал себя так странно вести.

– То есть он уже предпринимал попытку увезти тебя из бутика и Катя этому воспрепятствовала?

Киваю и передергиваю плечами, вспоминая тот день.

– Когда мы уезжали, его машина стояла в проулке.

Подруги переглядываются.

– Проверил, что Катя не врет, – комментирует Анна. – Похоже, парень серьезно настроен.

– Он кто угодно, только не парень. Мне кажется, что он даже в детстве носил классические костюмы, слушал Бетховена и поучал собственную мать, как правильно его кормить грудью.

Анна прикрывает рот и хихикает. Лицо Софы непроницаемо.

– Я слышала, что Руссо хочет, чтобы ты не работала, почему ты противишься? – напоминает Софа одну из причин последней ссоры.

Такой решительно настроенной Софы я еще не видела.

– Во-первых, – вздыхаю я, – потому что не хочу быть от него зависимой. Во-вторых, я не могу повесить на Руссо все свои проблемы. Тем более – семейные.

Рассказываю про брата-инвалида, подруги переглядываются, они слышат об этом впервые. Я говорила Анне, что отец сидит и что он поколачивал всю семью, но про Пашку я не распространялась.

– Мне так жаль, Верона, – Анна поглаживает меня по плечу. – И как давно он в инвалидном кресле?

– Пять лет. Стоимость его содержания в интернате очень высокая. Так что мама и Саня берегут каждый рубль.

Софа вскакивает, упирает руки в бока и начинает расхаживать вдоль панорамных окон. Периодически она бросает на меня короткие изучающие взгляды. Похоже, своим рассказом я спутала ей планы. Наконец она возвращается к столу и говорит:

– Ладно, Верона, я поняла. Тебе пришлось нелегко, поэтому ты реагируешь на многие вещи не так как другие. Учту. Проехали.

Она плюхается на стул и разворачивает ко мне ноутбук.

– Я покажу тебе, что творил Руссо, когда вы поссорились, и ты поймешь, почему я так зла на тебя.

У меня разом пересыхает в горле. Вспоминаю, на какой скорости он обычно рассекает на байке или на «Мустанге» и нервно сглатываю. Боже, он в порядке?

– В первый день его никто не видел и не слышал. На второй день он появился в бутик... пьяный и потребовал контакты Адама...

– Откуда ты знаешь?

– Нам Санчес сказал, – ответила за Софу Анна.

– ...потом поехал к нему в офис, – продолжила Софа стальным голосом. –

Подрался с охраной и кричал, что не позволит никому выставлять его лохом.

Я зажимаю рот рукой, господи, бедный Руссо, на что я его толкнула.

– Его забрала полиция, но он по горячим следам отмазался, потому что уже через два часа кинулся на автопарк Адама и разбил окна всех машин.

Софа включает мне видео, на котором очевидцы запечатлели эту жуткую сцену. Действие происходило на подземной стоянке. Глаза Руссо горят злобой, он невменяемый. Что-то кричит. Охранники Адама пытаются его утихомирить, но он каждый раз вырывается и продолжает бить лобовые стекла.

– Тут спускается Адам и уводит его в офис.

– Что?! – я бледнею, не трудно представить, что было после того, как они остались наедине.

– Не пугайся, Верона, все обошлось, – успокаивает меня Анна. – Они поговорили, Руссо вышел на своих двоих и сел в такси.

– Я не за Руссо боюсь, а за Адама! – восклицаю я, подруги переглядываются в недоумении и хмурятся.

– Он совсем слабый, через пару дней он едет на очередной курс химиотерапии, – пытаюсь объяснить свою реакцию.

– У Адама целая армия телохранителей, а Руссо был один. И ты все равно переживаешь за Адама?! – Софа в гневе. – Теперь понятно, почему Руссо считает, что между вами все серьезно!

– Это не так... – я облизываю пересохшие губы. – Далеко не так...

– Сомневаюсь, особенно, глядя на тебя.

– Просто мне не нравится, когда меня позорят. Это ведь позор! Мой парень выясняет отношения с больным клиентом, да еще так, что теперь пол-Москвы об этом знает.

– Полмиллиона, – уточняет Анна и показывает на количество просмотров.

– Мама миа, – я закрываю рот рукой.

– Проехали! Дальше! Вчера его похождения продолжились. Пил с самого утра. Начал с того, что разнес бар на Цветном бульваре.

Софа открывает очередное видео, где Руссо требует выпивки, а когда ему указывают на дверь, начинает пинать деревянную стойку. Он кричит, матерится, оскорбляет барменшу. Он сам на себя не похож и я начинаю понимать, о чем говорила Лилианна. Если мне это видеть, мягко скажем, неприятно, то какого было ей. Стоп! Я снова думаю о Лилианне! Сдалась она мне, как русалке лыжи!

– Опять приехала полиция, но на этот раз он успел смыться. Сел пьяным на байк и рассекал по Москве, пока не собрал за собой целый полицейский мотоотряд.

Новые ролики повергли меня в шок. Руссо, словно каскадер, вытворял такое, что волосы вставали дыбом. Выезд на встречу, где от него шарахались все машины, а парочка даже столкнулась, был его самым безобидным поступком.

– За ним гонялись по всему центру, но с помощью подоспевших друзей ему все же удалось улизнуть. Теперь он в розыске.

– Боже мой... Руссо... – только и смогла я вымолвить.

– Вечером его видели в ночном клубе, там он, опять же пьяный, гонялся за какими-то наркошами. Думаю, что на этом его приключения не закончились... но информации нет, и это меня пугает...

Софу прервал звонок моего мобильного телефона. На экране высветился номер Санчеса.

– Санчес? – ответила я.

– О! Верона! Наконец-то ты сама взяла трубку, мы здесь все с ума сходим! – его голос взволнован. – Я уже хотел взять адрес и приехать к тебе...

– Мне уже лучше, – поспешила я его заверить, – спасибо, что беспокоишься.

– Михей спрашивает, что делать с ремнем?

– С ремнем? – я все еще в прострации после видео и не понимаю, о чем он.

– Подарок для Курта, сегодня же его день рождения.

– День рождения! – я вскакиваю. Как я могла забыть! – Подарок!

– Очнулась, Царевна Несмеяна! – Софа закатила глаза.

Так вот почему она так зла! У Сани днюха и для нее это великолепный шанс переломить ситуацию. Теперь я понимаю, почему она подорвалась и вытащила меня из постели.

– Ремень готов, можешь забрать, но Михей рвется к тебе, хочет сам лично его вручить, – смеется Санчес, я слышу мужские голоса, один из которых точно принадлежит Михею.

– Спроси, сколько я ему должна?

– Вы сами там между собой разберетесь, – отвечает Санчес, – у него есть к тебе парочка встречных предложений.

– Предложений? – эхом разносится мой голос по кухне. – Ладно, пусть приезжает.

Я диктую адрес и, закончив разговор, плюхаюсь на стул. Ссора с Руссо выбила меня из колеи настолько, что я даже забыла про день рождения Сани. Набираю номер брата и слышу родной голос, по сердцу сразу разливается тепло. В последнее время наши отношения из-за Руссо были немного напряженными, настало время все исправить.

– Саня! – кричу я радостно и копирую его манеру: – Поздравляю с днем рождения! Как ты сам всегда говоришь, чтобы было ого-го, а не охо-хо!

– Рад тебя слышать, Верона! – Саня смеется. – Не думал, что ты сегодня позвонишь... с учетом... ну... сама понимаешь чего...

Я трещу без умолку, конечно, я вся на взводе, чуть не забыла о важном событии, тем более, что готовилась к нему всю прошлую неделю. Заканчиваю свой словесный поток вопросом:

– Саня у меня есть для тебя подарок, мы можем где-нибудь встретиться?

Софа больно бьет меня по ноге и я взываю.

– Что такое? – обеспокоенно спрашивает брат. – Ты в порядке?

– Ударилась о ножку стула, – вру я и тычу кулаком Софе в лицо, она рьяно жестикулирует, испугалась, что я упущу подходящий момент. – Так ты будешь сегодня отмечать?

– Да, Аквамарин арендовала караоке-клуб. Мне все это не по душе, но у нас только-только все наладилось, не хочу сейчас ее раздражать.

– Вы снова вместе? – с грустью спросила я.

– Сам не пойму, – огрызается Саня, настроение портится, – ты придешь?

– Приглашаешь?

– Приезжай, без тебя будет совсем тяжело.

Недолго думая, соглашаюсь, записываю адрес клуба и заканчиваю разговор.

– Я знаю этот клуб, – говорит Анна, – приличное место.

– Как ты планируешь провести нас с собой? – спрашивает Софа.

Опля! Я планировала поговорить с Саней наедине, разведать, так сказать, обстановку, но Софа как всегда забегает вперед.

– У меня есть идея!

Анна поднимает руку, как школьница, мы воззрились на нее вопросительными взглядами.

– Все вместе подкатываем к клубу. Верона заходит внутрь и дарит подарок. Брат говорит ей, оставайся, а она типа такая, не могу, меня подруги ждут в такси, мы хотели где-нибудь посидеть и втроем скрасить вечерок. Он говорит, а пусть они к нам тоже присоединяются. Если его подруга начнет брыкаться, то выставит себя стервой. Так что ей придется согласиться.

– Гениально! – выдыхает с облегчением Софа и чмокает Анну в щеку.

Мне так не кажется, но другой идеи ни у кого не возникло, поэтому на том и порешили.

– А тебя не смущает, что он будет там со своей подругой? – осторожно интересуюсь я у Софы.

– Неа, она не проблема. Он – проблема.

Я вопросительно изгибаю бровь.

– Как я ни старалась, он не обращает на меня внимания.

У меня еще в памяти были свежи воспоминания о провальном совместном ужине, после которого Софа и Саня остались в столовой наедине. Мне казалось, что они поладили... но, видимо, я ошиблась. Провожу с Софой краткий ликбез, что Саня терпеть не может в женщинах и почему. У Софы глаза из орбит, по ее словам, она как раз все делала наоборот. Ну, вот тебе и ответ...

Аристарх

Солнце припекает лицо через открытое окно тачки. Я неотрывно таращусь на экран мобилы, маячок показывает, что Верона все еще в коттедже. Газ-тормоз,

газ-тормоз. Проклятье, я сейчас блевану! Уже час мы стоим в пробке, от нечего делать я маюсь дурью. Надо было взять фляжку с вискарем и догнаться в дороге. Теперь сижу, ни рыба ни мясо. Вроде бухой, а башка ясная. Теперь там роются мысли о проектах, с которых мне нужно спрыгнуть, о Вероне и чертовом Адаме Ландау.

– Годзилла, хочешь мою долю в стрип-клубе перекупить? – ухмыляюсь я, заранее зная его ответ.

– Гребанулся? Жена меня сразу кастрирует, – отмахивается от меня Годзилла как от нечисти и перестраивается в соседний ряд, где машины поехали чуть быстрее.

Пока Годзилла переваривает затравку, вспоминаю, как я схлестнулся с Ландау. Как только увидел этого прыща, хотел врезать ему в челюсть, чтобы мозги встали на место, но тот заранее начал харкать кровью. Рак – гнусное дело и если не я, то он его точно добьет. Поговорка «Смерть забирает лучших» на Адаме Ландау отдыхает. Такого скользкого и мерзкого типа я еще не встречал. Он сходу заявил, что Верона его никогда не интересовала как женщина, только лишь как сотрудник бутика, в котором он отоваривается, но тут же добавил, что он еще никогда не встречал такого наивного и нетронутого цивилизацией существа. Я почувал, а чуйка меня никогда не подводит, что если бы этот упырь знал, что Верона девственница, то разговор со мной был бы короткий и не исключено, что уже к вечеру я загремел бы в СИЗО, а оттуда пошел по этапу. Но Ландау думает, что я трахаю Верону, а я не стал его переубеждать. По его отговоркам я сразу понял, что он не на шутку запал на мою девочку и у меня реальные проблемы.

За час, что я провел в его кабинете, он успел предложить мне совместный бизнес, пообещать купить еще два байка, а закончить предложением походить на его яхте, которая стоит на причале в Сардинии. Тьфу! Я в открытую поведал этому прыщу, что думаю о нем и его противозачаточной внешности, тот долго и нервно смеялся. Он меня реально бздел, даже с тремя телухами за моей спиной. В итоге вызвал двух юристов и те нудно и долго разъясняли мне, что будет после того как они вызовут полицию. Когда я уезжал он прибывал в иллюзии, что мы достигли договоренности: он сходит с горизонта Вероны, а я возмещаю нанесенный ущерб. Ща! Как же!

Пусть упырь Ландау думает, что я буду оплачивать счет за разбитые лобавухи его поганых тачек. Никто, даже глава службы его гребанной безопасности не знает, что я поставил в кабинете два жучка и теперь Дракон прослушивает его офис. Пока не знаю, куда это меня заведет, но я не намерен выпускать из рук этого скользкого угря.

– А чего тебе не сидится в стрипе? – интересуется Годзилла, по прищуре понимаю, что я его зацепил.

– Есть опасения, что Бармалей досуг толстосумам мутит.

– В таком бизнесе логично приторговывать живым товаром, – выдает с философским видом кореш. – И чего ты завелся? Он зажал твою долю?

– Не в этом дело, с долей все в ажуре. На счет этого у Бармалея все как в аптеке. Просто я в эти игры не играю, – завожусь я и снова пялюсь на экран мобилы, Верона все еще дома. – Только чистый бизнес. Со всеми одна и та же договоренность.

На самом деле выйти из стрипа для меня теперь дело чести. Особенно после того как нас с Вероной столкнула судьба с типом по имени Эмиль. На примере моей малышки я лично убедился, как отлавливают девочек для подобного занятия. Верона просто чудом не пострадала. Ей повезло, что в тот день я наметил наш разговор и ездил за ней попятам. Пусть я сумел ее защитить и теперь тот ушлепок греется на нарах, все как в том анекдоте: ложечки-то мы нашли, но осадок остался.

– А как же со мной? – от нечего делать Годзиллу пробило на трескотню. – Наш бизнес чистеньким не назовешь. К тому же за мной блатные.

– Пока они за тобой, проблем нет. А вот если полезут вперед и начнут дирижировать – я пас.

– Да знаю я... не полезут. Им воду мутить нет резона.

– Все когда-нибудь меняется, бро, так что я тебе на будущее. Без обид.

– Да какие обидки? Все путем...

Годзилла бросает на меня опасливый взгляд. Знаю, о чем он думает. Кореш в своих кругах пользуется большим авторитетом, поэтому его договоренности со мной принимают во внимание. Если бы не это, блатные давно бы уже прибрали бои к рукам, а если бы я заартачился, то в лучшем случае остался без вложенных

в дело прайсов, в худшем – мое тело нашли бы в каком-нибудь гиблом месте. Поэтому Годзилла так упрямятся на счет расширения бизнеса. Если блатные прознают, что мы позволили Кувалде транслировать бои и кто-то на этом будет нехилые деньги поднимать, начнется война. Да, собственно, война неизбежна, если до кореша это еще не дошло, то у меня сомнений нет. Ссора с Вероной очень кстати. Мне не придется о ней беспокоиться и прятать на время разборок.

Тачка Годзиллы поравнялась с местом аварии, из-за которой растянулась многокилометровая пробка, и мы оба уставились на три разбитых в хлам джипа.

– Кровищи-то! Бля! Там мертвяк! – Годзилла показал на вторую тачку, которую помяли с двух сторон. – Едрит Мадрид!

Мы выдвигаем несколько версий произошедшего и как только вырываемся из пробки, Годзилла топит педаль газа в пол, мотор ревет, и мы несемся на стрелку с Кувалдой. Какое-то время оба переваривали то, что увидели, затем Годзилла снова задает вопрос.

– Сколько ты в стрипе в месяц поднимаешь?

Все! Дело сделано! Рыбка на крючке! Я назвал примерную цифру, Годзилла впялился в меня недоверчивым взглядом.

– А сколько лове вложил?

– Ты это из любопытства или все-таки хочешь обдумать?

– Сам не потяну, но знаю, кого это может заинтересовать.

Я знаю схему Годзиллы, он предложит мою долю кому-нибудь из своих братков, с условием, что будет поставлять людей в секьюрити и иметь с общего дохода один процент. На это все ведутся. Что такое один процент? Тьфу! А на деле: с миру по нитке – голому рубаха. Так Годзилла пустил свои щупальца в десятки проектов. Он всегда в тени, не принимает участие в делах, практически ничего не делает, его забота только найти людей для охраны бизнеса, но прайсы-то капают... и не маленькие...

Делаю расклад по своей доле и условиям выплат, Годзилла в думках, трет подбородок. Предложение заманчивое. Кажется, я только что разрулил еще один геморрой своей жизни. Вот только зачем? Зачем я его разрулил? Вероны-то со мной больше нет! От этой мысли меня накрывает очередная волна горечи и тоски.

Не представляю жизни без нее! А от одной мысли, что кто-то другой будет ее лапать и лобзать прихожу в бешенство!

Вера

Когда в дверь в воротах позвонили, я с придирчивостью рассматривала миндально-апельсиновые флорентины. Подруги уже кружили вокруг кухонного острова как заметившие добычу грифы. Софа схватила с подноса еще неостывшее печенье и, обдувая его по пути, побежала встречать гостя. Через минуту она вернулась с Михеем. Увидев меня, он с порога заулыбался. На нем была вязанная шапочка, которая скрывала его модную прическу. Квадратные очки в черной оправе придавали ему загадочный вид. Но самое главное, что шокировало и приятно поразило – он сбрил бороду!

– Привет Синеглазка! – задорно поздоровался Михей.

Прежде чем я смогла хоть как-то отреагировать, он прижал меня к себе и чмокнул в щеку.

– И тебе привет, Лысый Подбородок, – усмехнулась я и увидела, как выпучили глаза подруги.

Наше приветствие вышло слишком бурным, слишком личным. Мне нравится Михей, но я бы хотела с ним дружить, а не встречаться. Не сводя взгляда с подноса с печеньем, он сказал, что планировал отвезти меня позавтракать в кафе, но теперь передумал и вежливо поинтересовался, угостят ли его чаем. Я засмеялась – впервые за это утро.

– Синеглазка? – прищурилась Анна и подмигнула. – Мне нравится!

Я познакомила Михея с подругами, они обменялись легкими кивками и он выразил восхищение по поводу дома. Анна разглядывала гостя с интересом, Софа метала в него копыя и стрелы. Когда с любезностями было покончено, Михей показал мне ремень. От восторга я чуть не промахнулась мимо стула. Просто удивительно, как какой-то карандашный набросок обрел жизнь в реальном предмете, да еще в таком красивом. Ощущения потрясающие! У меня перехватило дыхание. С трепетом я взяла ремень и ощупала каждый шовчик и

пряжку. Тонкая, буквально ювелирная работа по металлу. Кожа ремня гладкая, отлично выделанная. Строчки безупречные.

– Михай! Это просто супер! – я все еще таращила глаза. – Он великолепен.

Пряжка – произведение искусства.

– Серега переживал, понравится тебе или нет.

– Как же может такое не понравиться? – я протягиваю ремень подошедшим подругам. – Это подарок для Сани, я сделала эскиз, а ребята из пошивочного цеха воплотили его в жизнь.

– О, – Анна, придирчиво изучает ремень и кивает в согласии. – Ты сама нарисовала сову?

– Сделала набросок, – уточнила я. – Санчес обработал его в фотошопе, сделал рисунок ровным и симметричным.

Софа хранила молчание, ну конечно, это ведь не «Dolce&Gabbana».

После чаепития, Михай повел меня на патио поговорить о чем-то важном. Я напряглась, столь теплое приветствие навело меня на мысль, что это будет личный разговор, поэтому бросала на подруг обеспокоенные взгляды.

– Слушай, я тут подумал, – начал Михай, беря меня за руку. Вид у него был взволнованный, и от этого я еще больше смутилась и покраснела. – Вернее меня на эту мысль навел мой друг, а что если замутить на этом бизнес?

– Что? Ты о чем? – я невольно отпрянула, но испытала такое облегчение, что чуть не брякнулась на шезлонг.

– Ты будешь делать эскиз изделия, Санчес обработает изображение, потом мы подумаем, что может из этого получиться. Сначала сделаем парочку вещей для себя, посмотрим реакцию людей, а потом поймем, можно ли на этом сделать бизнес.

– Ну... я... это так неожиданно... – я буквально потеряла дар речи.

Последние три дня были на грани умопомешательства, потом видео с Руссо, а теперь предложение о бизнесе.

– Не говори «нет», просто подумай. В этой идее очень важен эскиз. Задумка. Чутье. Понимаешь?

Я киваю, хотя ничего не понимаю.

– Когда будешь рисовать, ты должна заранее планировать какое это будущее изделие и отсеять все лишние детали, чтобы не усложнять работу мастеру и минимизировать бюджет.

– Отсеять все лишнее, – выдаю я, мозг работает на автомате, я где-то далеко. – Вроде поняла.

– Отлично! Попробуй! Сфотографируй наброски и присылай мне. Окидоки? – он поднимает мой подбородок и заглядывает в глаза.

– Хорошо, я попробую.

– Здорово! У нас все получится, вот увидишь.

Я проводила Михея до его машины, это оказался красный «Фольксваген Сирокко». Мое внимание привлекла красочная брошюра на переднем пассажирском сиденье и, приглядевшись, я поняла, что смотрю на рекламу какой-то дизайнерской школы.

– Выбираешь место для учебы?

– Да, – кивает Михей и протягивает мне брошюру, – остановился на Миланской школе фэшн-дизайна Марангони. Выбирал между Парсонс в Нью-Йорке и Миланом, но Марангони закончил Доменико Дольче и этим все сказано, – он манерно закатил глаза и жеманно повел плечами.

И тут я мгновенно прозрела! Боже мой! Как я раньше не догадалась? Как это стало принято выражаться «Он игрок за другую команду»? Смотрю на него как на дивное изваяние, ну еще бы, я никогда раньше не встречала мужчин нетрадиционной ориентации. Теперь понятно, что никакой симпатии у него ко мне нет. Мама миа, да он же ведет себя со мной как подружка! Мужчина-подружка! Вот это да! Если рассказать девчонкам из поселка – не поверят!

Как только я прозрела, больше не шарахалась от него как от чумы, позволяла себя чмокать – Михею не давали покоя мои ямочки на щеках – и больше не краснела.

– Я хочу стать фэшн-дизайнером, у меня получится! – он сказал это так, словно хотел себе это вбить в голову раз и навсегда, и я поняла, что он тоже сомневается в своих силах.

Как же мы с ним в этом похожи!

В его глазах искрилось солнце, улыбка заражала весельем. Именно в этот момент я почувствовала, как сжимающая тоска отхлынула от сердца, и я вздохнула с облегчением. Сегодняшний день действительно будет особенным. Я это чувствую!

– Боже мой! – всплеснула руками Анна, когда я вышла из салона красоты. – Как же тебе идет челка! А глаза-то, глаза! Они у тебя и так огромные, а сейчас просто гигантские, да еще и томные. Ух! Я уже предчувствую горячее примирение! Руссо не устоит, вернетесь вы сегодня точно вместе.

Я так не считала, Руссо не из тех, кто быстро забывает об обидах, но вымучила улыбку и взяла подругу под руку. Челка мне действительно идет, я это знала и даже пару лет сосуществовала с ней в мире и согласии, но потом прочитала где-то в интернете, что челки носят девушки со скудным умом, а считаться таковой мне не хотелось.

В салоне красоты я дала подругам карт-бланш и не пожалела об этом. Они не стали меня размалевывать. По словам Софы, раз Руссо обратил на меня внимание, когда я ходила как бледная поганка, он приверженец стиля «Натюрель».

– Вообще-то это ты сегодня преобразилась до неузнаваемости.

Анна перекрасила волосы, теперь она шатенка и ей очень идет.

– Еще не привыкла, – Анна наматывает длинный локон на палец и придирчиво разглядывает, – мне кажется, что я стала простушкой. Такой каких много.

– Это твой цвет, поверь!

Следом за мной вышла Софа, сегодня она впервые слушала мои советы по имиджу. Бедняжка, на что только она не идет, лишь бы захомутать Саню. И чем он ей приглянулся? Она красивая, броская, из обеспеченной семьи, а он гол как сокол, да еще и с дурным характером. Я его люблю, он мой брат и мы многое вместе пережили, но выбор Софы не понимаю. Не знаю, чем в итоге обернется наша авантюра, но Софа сегодня выглядит превосходно. Я ей благодарна уже за

то, что она не стала рисовать черные жирные стрелки «А-ля Эми Уайнхаус», которые делали ее старше и агрессивнее.

Мы сели в такси и поехали в караоке-клуб.

Мой наряд подружки продумали до мелочей. Им хотелось, чтобы я с одной стороны слилась с общей атмосферой тусовки, а с другой, чтобы предстала перед Руссо совершенно в новом образе. На меня напялили черные узкие брюки и такого же цвета кожаную куртку. Туфли и браслеты с черными заклепками, кулон в виде звезды, усыпанный стразами. Увидев меня на пороге своей спальни, Софа воскликнула:

– Вот теперь ты – девушка Руссо!

Тут бы я поспорила. Руссо редко комментировал мой гардероб, но однажды, когда разорвал на мне одежду, повез в бутик и сам выбрал два платья. Брюки и байкерский стиль он даже не рассматривал. На сегодня назначена тайная операция под кодовым названием «Объединимся и вернем Руссо», поэтому я придерживаю язык и оставляю реплику подружки без комментария.

– На, держи, – Софа перекидывает мне с переднего пассажирского сиденья распечатанный лист бумаги с каким-то текстом. – Это твоя песня, учи текст.

– Что? Нет! – я швыряю листок обратно. – Не буду я петь! Что за вздор!

– Мы едем в караоке-клуб! Хочешь вернуть Руссо? Будешь петь эту песню, – голос Софы звучит как приказ командира, а, как известно, приказы не обсуждаются.

Листок снова летит в мою сторону, я еле успеваю его ухватить, как раз тогда, когда он чуть не вылетел в приоткрытое окно. Читаю слова и ужасаюсь, да мне не выучить их и до следующего года! Мало того что песня на английском языке, так она еще и сложная в исполнении. На меня накатывает страх, от волнения сердце готово вырваться из груди.

– На, послушай! – Софа передает мне свой телефон с наушниками.

Я трижды прослушиваю песню и понимаю, что никогда не смогу ее спеть.

– Не думала, что ты меня так ненавидишь! – накидываюсь я на подружку. – Это может спеть только профи! Я буду выглядеть как писклявая овца!

Я чуть не плачу, но Софа непреклонна.

– Пойдешь, когда все уже будут датые, – успокаивает она меня. – Ты думаешь, другие гости будут петь как профи? Ты что никогда не была в караоке? Все напьются и будут орать попсу.

– Или «Владимирский централ», – вставила Анна и разрядила накалившуюся атмосферу.

– Если честно, песню выбрала Анна, так что предъявляй ей претензии, – оправдывается Софа и кидает на подругу ехидную улыбочку.

– Вот как? – ну теперь все понятно. Только она могла выбрать такой трагизм. Поворачиваюсь к Анне и говорю: – Я расплачусь, пока буду петь, и вся твоя работа по макияжу накроется медным тазом.

Анна отмахивается, мол, справишься.

– Я сразу сказала, что ты ее не споешь, – продолжает ехидничать Софа. – Cut your coat to suit your cloth¹.

Из всего, что она сказала, я не уловила ни слова. Глядя на Анну, я поняла, что не одинока в своем невежестве. София прожила в Лондоне почти пять лет, на английском строчит без акцента, не раз я заслушивалась, как она общается по Скайпу с друзьями из колледжа. По ее ехидному тону я поняла, что подруга берет меня на «слабо» и тут же завелась. Разобьюсь в лепешку, но песню спою!

Нависла пауза, чем я тут же воспользовалась и углубилась в зубрежку, но тут Анна спрашивает:

– Знаешь, чем похожи Габриель и Руссо?

Я поднимаю на нее глаза и мотаю головой.

– У обоих комплекс брошенных парней. С такими до жути сложно. Они очень восприимчивы к ссорам. Особенно к тем, что ведут к расставанию. Постарайся больше его не отталкивать. Как бы ни было сложно, перебори себя, но не решай все сгоряча.

– Ну, конечно! – вставляет язвительно Софа. – Каждого второго парня хоть в раз жизни бросила девушка. Если руководствоваться твоей версией, так все они с комплексом брошенки?

¹ Cut your coat to suit your cloth (англ.) – По материи и пальто крои. Английский аналог русской поговорки «Не по Сеньки шапка».

– Я говорю о тех, у кого девушки сбежали без видимых причин практически из-под венца. У Габриеля девушка отменила свадьбу за день до торжества.

Немного подумав, я решила, что Анна права. Мои мысли вернулись к Руссо, к нашей ссоре и разногласиям. Был бы у меня второй шанс, никогда бы не попросила его уйти. Убежала сама, но его бы не выгоняла. Где он провел вчерашний вечер? Где он сейчас? На меня наваливаются сомнения по поводу его местоположения.

– С чего вы взяли, что Руссо будет в клубе?

– Он уже там, – констатирует Софа, а у меня от ее слов задрожали коленки.
– Разведка донесла.

До меня постепенно доходил масштаб собственной трагедии. Все три дня Руссо хранил молчание, ни одной смс, ни одного звонка. С чего я взяла, что он захочет меня видеть? Вспоминаю его перекошенное болью и злобой лицо. Господи, да он меня на дух к себе не подпустит! Титаническим усилием воли подавляю слезы. Мне нельзя раскисать, иначе я буду похожа на амебу.

Такси подвозит нас к клубу, как раз в тот момент, когда я прихожу к выводу, что вся эта затея наиглупейшее решение в моей жизни. Руссо не из тех, кто будет выносить личные проблемы на всеобщее обозрение. Он предпочел бы, чтобы я сидела в своей комнате и просто ждала, пока он остынет.

Выйти из такси меня заставил взгляд Софы. Я представила, что сейчас начнется, если я скажу что даю отбой. Софа превратится в Снежную Королеву и заморозит меня в одну секунду. Плетусь в клуб, не чувствуя ног. На парковке нет ни «Мустанга», ни байка Руссо. С чего Софа взяла, что он здесь?

Вижу брата у входа с двумя друзьями. Они курят и над чем-то дружно хохочут. Как удачно и заходить не нужно, а если он не будет настаивать на том, чтобы я осталась, мне не придется позориться перед Руссо.

– Привет сестренка! – восклицает Саня и прижимает меня с силой. От него пахнет спиртным и новой туалетной водой. – Думал ты уже не придешь.

– Рано радуешься, – я улыбаюсь и протягиваю ему подарочную упаковку. – Это тебе, Саня–Патланя, – так я называла его, когда он был обладателем роскошной шевелюры, – открой.

Друзья брата, оба широкоплечие и высокие брюнеты, тоже с интересом наблюдают, как Саня распаковывает подарок.

– Офигенно! – Саня присвистывает, его пальцы ощупывают пряжку.

– О-о-о! Сова! – выдает один из его друзей.

– Ты где такой отхватила? – интересуется брат.

– Я нарисовала, – краснею от всеобщего внимания. – А знакомые ребята сделали. Тебе правда нравится?

– Высший пилотажменд! И от того, что это твоя задумка еще приятнее, – он прижимает меня, целует в щеку и надавливает на одну ямочку, – спасибо, сестренка!

Далее идет быстрая замена ремня с заклепками на подаренный. Саня красуется перед друзьями и те искренне восторгаются. Я никак не ожидала такой реакции и подумала, что слова Михея имеют под собой почву. Возможно, мне нужно развивать свое хобби.

– Неплохо бы сделать такие ремни всем «Ночным совам».

– А это идея, – Саня смотрит на меня. – Сможешь это устроить? Я скажу позже точное количество.

– Наверное, – я пожимаю плечами, честно говоря, я хотела, чтобы только у Сани был такой ремень. – Я поговорю с ребятами из цеха.

– Пойдем, Верона, познакомлю тебя со всеми, – Саня обхватывает меня за плечи, но я противлюсь. Он замирает и вопросительно на меня смотрит: – Ты чего?

Его друзья тоже застывают в ожидании.

– Я хотела подарить подарок и уехать с подругами. Они меня ждут в такси.

– Уехать? Куда? – Саня растерян.

– Не знаем пока, – я пожимаю плечами, все как учила Анна, – может, сходим в ночной клуб.

– Ты издеваешься? Какой клуб? Нет! Верона! – он поднимает голову, ищет глазами такси.

Софа как по команде тут же выпархивает из машины. Он машет ей рукой и уже через минуту она рядом.

– С днем рождения! – ее голос звучит томно и немного дерзко.

К поздравлениям присоединяется Анна.

– Ты перекрасилась! – улыбается Анне брат и снова поворачивается к Софе, улыбка медленно сползает с лица.

Пауза затягивается, все видят, что Саня ведет себя, мягко сказать, необычно. Только я понимаю, что лед тронулся. Один из его друзей нервно кашляет. Саня переводит на него взгляд и приходит в себя.

– Курт, где ты таких красоток от нас прятал? Правильно тебя Руссо тихушником называет.

От упоминания имени Руссо я вздрагиваю, Саня бросает на меня обеспокоенный взгляд.

– Девчонки, шпиндуем все за мной, у меня сегодня днюха, отказа не принимаю, – бросает на ходу Саня, хватая меня за руку и ведет в клуб.

– Один танец за мной, – шепчет мне на ухо один из брUNETОВ.

Я не могу ему даже ответить, так как вынуждена смотреть под ноги, чтобы не упасть. Саня тащит меня за собой как тягач и игнорирует мою просьбу немного сбавить темп.

Глава вторая

Аристарх

Кабинет Фариды, моего партнера по караоке-клубу, а между друзьями просто Фары, забит до отказа. Кувалда зачем-то приволок с собой еще двоих корешей, хотя это обычная рабочая встреча. Дым стоит столбом и я скрываю глаза под очками, а рот прикрываю арафаткой. Не могу сидеть в накуренном помещении, уже через пять минут начинаю задыхаться. Только что я протрезвел и все тело потрясывает. Долго сидеть мне здесь не в тему, хочу скорее свалить на хату и ударить крепким сном по мукам совести.

– Да что ты кудахчешь как пуганая курица! – ревет со злостью Кувалда и зыркает на Годзиллу своими чернющими, как у цыгана глазами. – Волков бояться в лес не ходить. Все же решили, чего вы подорвались?

Разборки между братьями в клубе обычное дело, меня на них частенько приглашают исключительно как арбитра. Говорю мало, но по существу. Бои без

правил – сложный, но хорошо налаженный бизнес. А теперь Кувалда надумал его расширить, а нас с Годзиллой это не радует. Лично я люблю перемены, но только не в этом бизнесе. Все попытки что-то модернизировать в самом начале провалились и стоили нам немалых прайсов. Кувалда, видимо, об этом подзабыл и наша задача загасить в нем жажду перемен.

– Не лепи горбатого! – рычит Годзилла. – Последний разговор был про «сисястые» бои. Выставляем пробные две пары три недели подряд, потом принимаем решение. А вот за онлайн-ставки мы сразу пошли в отказ. И про чужаков не из клуба тоже. Ты сказал «да», мы с Руссо – «нет».

– Согласен, – вставляю я и отодвигаю ото рта арафатку на время разговора. – Пока бои идут в рамках заявленных клубов все придерживаются устава, но если выпустить чужаков, то начнется бардак.

Я понимаю, что Кувалда сам бы не зашевелился, в обычный день его с места не сдвинешь. Значит, есть кто-то, скорее всего, эти двое, что сидят по обе стороны от него, кто хочет вбросить пресс прайсов. Вопрос только в том, на кой черт им это нужно? Отмыть прайсы? Так есть способы более эффективнее.

– Интерес к боям растет, – продолжаю я втирать и смотрю на партнеров.

Кувалда курит и покручивает сигаретой. У Годзиллы нервяк – наяривает круги.

– За три года прибыль взлетела с восемнадцати процентов до шестидесяти пяти. Это лучший показатель из того чем занимается мото-братва. Зачем нам рисковать хорошо отлаженным бизнесом?

– Да все будет в ажуре! Не сыте, Маруси! Привлечем ставками извне приток бабла, игра пойдет по-крупному. Все будут сыты.

– И ты все похеришь, вот что будет! Накатят бобики и всех повяжут! На крупняк у них нюх отменный! За нами и так годами охота идет! – ревет как медведь Годзилла, изо рта от злости выступила пена. – Что тут обсуждать? Я против – конец базара, – он поворачивается ко мне. – Если ты хочешь с ним и дальше быть в доле, факел тебе в руки, живите долго и счастливо! Но я – пас. Либо все как раньше, либо я выхожу из игры. А смотреть, как загибается дело моей жизни, я не буду.

Всем стало понятно, что Годзилла, в случае его замены, собирается составить нам конкуренцию, ни мне, ни Кувалде это не нужно.

– Никаких фараонов, – толковывает мне Кувалда, на Годзиллу он даже не смотрит, – все ставки в тырнете. Есть люди, у которых все с этим на мази.

Кувалда взглядом показывает на сидящих рядом. Проклятье! Я так и знал! Его прижали и, видимо, сильно, раз он мне ничего не сказал. Да и когда? Я же последние два дня был в закидоне и сбрасывал все звонки.

– Все легально, не подкопаешься. К тому же в реале мы не будем иметь к этому никакого отношения. Нам будут отстегивать за онлайн–трансляцию.

Ушлепок что слева от Кувалды кидает на стол гибкую синюю папку.

– Вот наше предложение, изучите и дайте ответ, – потом поворачивается к Кувалде, хлопает его по плечу и весомо добавляет: – Завтра!

Твою ж мать! Волна горечи подкатывает к горлу. Срабатывает чуйка, и я пристально разглядываю чужаков. Что-то тут не то...

Годзилла вскакивает, но я жестом показываю, чтобы остыл и он замирает, злобно сверкая своими поросычьими глазенками.

Кувалда выходит вместе с «конвоирами» и тут у одного я вижу за поясом ствол, раньше он прикрывал его круткой. Он его спецом засветил! Черт! Все еще хуже, чем я думал. Кувалда у них под колпаком и это была показательная демонстрация.

Похоже, что до Годзиллы тоже дошло. Когда троица отчалила, он плюхнулся на диван и выпалил:

– Черт, Кувалду взяли за яйца!

– Поэтому мы будем тише воды и ниже травы...

Годзилла таращится на меня с непониманием.

– Изучим их бумажки, поторгуемся для проформы, потом дадим согласие. Пусть ставят камеры и собирают прайсы, а мы пока к ним присмотримся. Приставь сразу за ними смотрящего, да попроворнее, чтобы даже обученные не заметили. Я обеспечу тебя «жучками», натыкаешь их базу. Это были полевые солдатики, – я показываю на дверь, – а нам нужно найти того, кто дает им приказы. Только тогда начнем шевелиться.

– Надо сказать Демону.

Годзилла говорит о новом лидере нашего клуба «Ночные совы».

– Ни в коем случае! – рявкаю я и злобно зыркаю на кореша. Ишь чего удумал. – Все должно выглядеть как обычное расширение бизнеса. Демон получит с этого свою долю и все шито-крыто.

– Ты никому не доверяешь... Да? Руссо?

Я киваю и отвожу взгляд.

– Дай я хотя бы своих братков подтяну.

– Нет-нет, никому ни слова. Пока рано. Вот узнаем, кто за кем стоит, тогда и будем мосты сводить. Спрячь жену и детей в безопасном месте. Лучше отправь на отдых за кордон. Куда нить на острова. Утыкай дом и тачку камерами. – Годзилла отпрянул от меня как от прокаженного. Я делаю глубокий вздох и выдаю на одном дыхании: – У нас хотят отжать бизнес, бро.

Годзилла рвет и мечет. Даю ему время успокоиться и продолжаю втолковывать:

– Остынь! Голова сейчас должна быть как айсберг! Это не произойдет с наскока. Будут присматриваться. Изучат структуру и слабые стороны. Потом начнут перетягивать бойцов заманчивыми обещаниями. Ты вот что... – Годзилла заглядывает мне в глаза, – узнай, кто может твое место занять? Кто твой конкурент? Не из братвы, не из «Ночных сов», кто-то со стороны. Он уже пробует себя в коммерческих боях. Очень борзый и амбиционный. Делает первые успехи, но не хватает терпения. Если найдешь такого, считай, половину дела сделали.

Годзилла чешет затылок. Пусть и со скрипом, но чердак заработал.

– Иди, мне нужно подумать, заодно просмотрю их бредятину, – кивком показываю на папку все еще лежащую на столе.

– Ты забыл, Золотой Мальчик? Я в карауле, – напоминает мне партнер.

Я кидаю на него такой свирепый взгляд, что он мигом подрывается и выскакивает из кабинета. Конечно же, не из-за страха передо мной, он понял, что мне уже не до randevu и на ходу прикидывает варианты, куда переправить семью.

Отхожу в дальний угол кабинета и смотрю через одностороннее окно в зал, где Курт расположился с гостями. Складываю руки на груди, изо всех сил пытаюсь сохранить равновесие и устоять на ногах. В сознании замаячила табличка «Warning Danger». Мне предстоит вступить в борьбу, не знаю с кем и

когда. Я не могу сейчас продумать способ защиты. Понятия не имею, каким образом противник собирается нанести нам первый удар. Внутри поднимается волна ярости. Кто стоит за наездом?

Мой блуждающий по залу взгляд натывается на ту, что не ждал здесь увидеть. Черт! Верона! Она все-таки пришла! Из груди вырывается мучительный стон. Сердце забило как бешенное. Дыхание перехватило мне, будто врезали в солнечное сплетение. Я согнулся пополам. Когда дышалка восстановилась, поднимаю голову и снова смотрю на нее. Глаза большущие, испуганные, сейчас она похожа на затравленного зверька. Что-то в ней изменилось, я долго не могу сообразить что именно, пока до меня не доходит, что у нее новая прическа. Черт! Какая же она красивая! Смотрю на нее, и сердце сжимается в кулак. По телу пробегает мандраж. Больше всего на свете я хочу сейчас оказаться рядом с ней, сгрести ее в охапку и не отпускать, но после того, что произошло в этом кабинете, понимаю: мне к ней подходить нельзя. Впереди война и я подставляю ее под удар. Будет трудно, но мы оба переболеем и в конечном итоге угомонимся. Прости Верона, ты будешь меня ненавидеть, как и все те, кого я впускал в свою жизнь, даже ненадолго, но выбора у меня нет. Тебе нельзя быть со мной.

«Преступление против любви», – звучит в моей голове ее голос.

Наверное, так бы она сейчас выразилась, узнай о моем решении. Да, детка, я совершаю преступление, но ради твоей безопасности я готов на любые жертвы.

Вера

На входе нас оглушает громкая музыка. Кругом все блестит и переливается. Пустующая сцена, где в ожидании одиноко стоят два барных стула, окрашена в розово-фиолетовые цвета. Две девушки на круглых подиумах по бокам от сцены извиваются в такт музыке в черных блестящих боди. Танцевальная площадка поделила зал на две части. Саня подводит меня и подруг к центральному столику, за которым сидят Аквамарин и брюнетка лет тридцати пяти. Плюхается на свой стул. Тут же подвигает другой стул и притягивает меня к себе.

– Садись, – приказывает брат. – Аквамарин, это моя сестра Верона. Верона, это Аквамарин... – он хотел что-то добавить, но передумал. – А это ее подруги, София и Анна.

При виде меня Аквамарин расплылась в виноватой улыбке и к моему удивлению чмокнула меня в щеку, но когда к столику подошли мои подруги, она сразу вспыхнула:

– Курт, мест нет! Где ты их собираешься размещать?

Аквамарин метнула злой взгляд на Софию, именно в ней она безошибочно угадала соперницу.

– Мы заберем их за свой столик, – сказал тот, что просил меня о танце и, обняв девчонок за плечи, потащил на другую половину зала.

Гости тоже поделились на две части. Байкеры, их было не так много, держались в дальней части зала у бара. А те, что одеты не в кожу и с дамами, разместились за столиками. И та и другая часть гостей чувствовала себя не в своей тарелке. Торжество, по-видимому, только началось, гости еще трезвые. Я рассматриваю столики, Руссо нигде не видно. Софа тоже крутит головой, наши взгляды встречаются, я пожимаю плечами, мол, его нет. Через минуту получаю от нее смс.

Он здесь! В кабинете владельца на переговорах.

Поднимаю глаза, Софа взглядом показывает на затонированное окно в конце зала. Сердце сжимается, а потом стучит как бешенное. Значит, он совладелец, иначе, зачем ему в таком месте вести переговоры.

Я хочу к вам.

Нет! Позже. Без тебя мы больше узнаем.

Что за глупости?!

Верона, они и так только о тебе спрашивают, а если ты придешь, то отвлечь их уже не удастся!

О боже, мне здесь только романтических ухаживаний не хватало. Тогда Руссо точно уже не подойдет.

Аквамарин без конца у меня что-то спрашивает, я отвечаю сухо и односложно. Иногда Саня приходит мне на помощь. Он заставляет меня сделать

заказ. Выбираю отбивную по-венски и жареную картошку, больше ничего в меню подходящего не нашла, это заведение не сильно кухней.

Саню не узнать, выглядит все еще растерянным, словно только что сделал открытие и теперь пытается его осознать. Его взгляд периодически скользит в сторону того самого столика, где разместились мои подруги. Я это вижу, а острые наблюдательные глаза Аквамарин и подавно.

– Теперь понятно, почему ты откисал в том коттедже последние три дня, – шипит она на брата, – и не плети мне брехню о разбитом сердечке твоей сестры.

– Не выдумывай, – Саня даже не пытается быть убедительным и сразу переводит взгляд на Софу.

– А ну-ка выйдем! – бурчит она и уводит его в сторону, при этом кидает на меня такой уничтожающий взгляд, что мороз пробегает по коже. Ну, конечно, я же во всем виновата.

Пока они выясняют отношения, я учу слова песни. Не думаю, что они мне пригодятся, но нужно чем-то заняться, а говорить с брюнеткой, которая выглядит, как натянутая восковая маска мне не хочется.

Приносят мой заказ. Я понимаю, что мне без алкоголя не расслабиться и прошу официанта принести коктейль с клюквой, здесь он почему-то называется «Зимняя вишня».

Саня с подружкой возвращаются к столику. Вид у обоих озлобленный и возбужденный. На щеке Сани красное пятно, видно Аквамарин отвесила ему пощечину. Хорошо, что я этого не видела.

– В вашей семейке принято не только приходить без приглашения, но и тащить за собой кучу всякого дерьма, – Аквамарин уже не скрывает злобы.

Она смотрит на брата, но я понимаю, что это камень в мой огород.

– Заткнись! – рявкает на нее Саня. – Как я и сказал, не нравится – проваливай!

– А кто заплатит за этот зал, Курт? Ты что ли? – она насмешливо кривится, глаза злые.

Саня сжимает кулаки. Брюнетка похрюкивает, это она так смеется. Мне до жути противно и обидно за брата. Аппетит тут же пропадает, я отодвигаю тарелку.

– Ты думаешь, я не в состоянии заплатить за зал? – хрипит Саня с покрасневшим от гнева лицом.

Ого! Запахло жареным, он взбесился.

– Собирайся! Ты уходишь!

Саня вскакивает, хватая Аквамарин за руку и тащит ее к выходу, она язвительно хохочет, но не сопротивляется. Брюнетка подчеркнуто не торопится, берет со стола свой клатч, надувает губы, и я представляю, как еще чуть-чуть и они у нее лопаются. Она хмыкает и с важным видом уходит, виляя бедрами. Мне кажется или в зале все с облегчением вздохнули?

На сцену выходит ведущая, худющая девушка с ассиметричной стрижкой, по ее же словам ди-джей на радио. Она говорит, что раз зал уже поделен на две части, то можно сегодня не просто попеть, но и посоревноваться.

Заметив отсутствие Аквамарин, мои подруги переместились за наш столик.

– Что случилось? – глаза у Софы горят.

Дураку понятно, что Саня при первой же возможности избавился от уже бывшей подружки.

– Она тебя оскорбила? – Анна бросает испуганный взгляд в сторону входной двери.

– Нет, ее оскорбило то, как Саня на Софу тарачился.

На мгновение Софа застывает, потом по лицу расплзается победная улыбка. Но в дверях появляется Саня и она делает вид, что хмурится. Брат видит, что подруги перебрались за наш столик и невольно замирает.

– Объявили конкурс, – приходит на выручку Анна. – Не хочется, чтобы Верона была за другую команду.

– Да, она сильный соперник, – кивает Саня и жестом подзывает официанта, показывает на свою рюмку и просит повторить.

Подруги уставились на меня как на предательницу. Да, я пою и говорят, что неплохо, ну и что? Почему я должна кричать об этом на каждом углу?

– Насколько сильный? – спрашивает Софа у брата и сверлит меня испытывающим взглядом.

В этот момент ведущая приветствует первого участника конкурса, парня с банданой на голове и звучит мелодия к песне «Как упоительны в России вечера».

– Помнишь его? – спрашивает Саня и подмигивает, я мотаю головой. – Это Волк, ты на него накинулась с кулаками.

– А-а-а, – тяну я, – теперь вспоминаю, как же давно это было...

Это было в тот самый день, когда я познакомилась с Руссо.

Софа спрашивает, что за история. Понятное дело, ей нужно завязать разговор, а я лучшая тема для обсуждения. Саня рассказывает про судьбоносную ночь, теперь уже немного с юмором, со своими коронными словечками, которые понимает только он.

– Сваливаю с ринга, а она загорает на капоте «Мустанга» Руссо, – заканчивает свой рассказ Саня, притягивает меня за плечи и подмигивает, – вот тогда между ними и пробежала эта пресловутая химиёвина.

Девчонки смеются и попивают свои разноцветные коктейли. Песня заканчивается и ведущая обращается к нашей группе. Но никто не хочет, выходить первым.

– Спойет моя сестренка, Верона! – кричит Саня на весь зал и я тычу его в ребро.

Он ухмыляется, говорит, что после проигрыша по моей вине это меньшее, что я могу для него сделать. Вспоминаю про его долг и краснею. Саня не дает мне опомниться, подталкивает по направлению к сцене. Делать нечего, все на меня смотрят. Под всеобщее улюлюканье встаю и иду как на казнь. Руки дрожат, ноги заплетаются, я чуть не навернулась на ступеньках. Судорожно пытаюсь вспомнить слова песни, что заучивала последний час, но страх парализовал два жалких процента и так плохо функционирующего мозга. Говорю ди-джею, что я буду петь песню «Реки любви» группы «Би-2». Уж ее-то я спою даже без сознания. Представляю, как вытянутся лица моих подруг. Но я им скажу, что Руссо все еще нет, а значит, и петь не для кого.

Звучит вступление и я подхожу к микрофону...

Аристарх

На сцене запела какая-то девчонка. После душераздирающих воплей Волка, от которых я чуть не сдвинулся, немного успокаиваюсь. Голос приятный,

мелодичный. Черт! Хорошо поет! Поднимаю глаза от расчетов. Проклятье! По телу прокатывает озноб, во рту мгновенно пересыхает. Это Верона! Из груди вырывается мучительный стон. Детка, зачем ты раздираешь мне душу в клочья?

Легко сказать отступи, как это сделать в реале? В голове назойливо крутится текст сообщения, который я бы мог ей написать, чтобы она свалила из клуба. Я уже вижу, как она бежит в слезах. Пусть ей будет так же больно, как и мне! Черт! О чем я помышляю? Псих конченый!

– Реки любви-и-и, – вытягивает Верона со сцены, а я вскакиваю и нарезаю круги, как Годзилла.

Нужно напиться! Напиться! Тогда немного полегчает.

Тянусь к телефону и пишу Фаре смс.

Пришли мне вискаря.

Фара не из мото-клуба, он не знает про мои заскоки после выпивки, но я решаю, что налегать на бухло не буду, просто смочу горло и приду в себя. Нужно добить расчеты и понять, как лучше действовать дальше. Отрываю взгляд от Вероны. Пытаюсь вникнуть в текст, но все тщетно.

Официант приносит выпивку, я тут же опрокидываю стакан и прошу еще. Верона все поет и поет. В голове проносятся сомнения. Стоило ей только появиться, как меня опять затягивает в ее воронку. А что будет, если она со мной заговорит? Когда официант возвращается, я одним рывком опрокидываю обжигающую жидкость в глотку и смотрю на объект своих мучений.

Песня закончилась, моя малышка сходит со сцены. Черт! Мангуст уже раскатал на нее губу! Верона даже не смотрит на него, меня это немного успокаивает, и убегает к своему столику. По всему телу разливается тепло. С каждой секундой мне все труднее ее разглядеть. Перед глазами все плывет, не могу сфокусироваться. Голова осоловевшая. Ладно, детка, хочешь петь, значит, сегодня будем петь...

Вскакиваю и иду к двери. Меня качнуло и прибило к стене. Хватаюсь за дверной проем и пытаюсь перевести дух. Эко меня развезло! Еще бы! Пью ведь третьи сутки! Желудок от голода скрутило. Надо немного посидеть и прийти в себя.

Вера

Что было на сцене стерлось из памяти, помню только, что после раздались аплодисменты. Громче всех, конечно, хлопали Саня и мои подруги. На лестнице меня подхватили крепкие мужские руки, я взвизгнула, и только спустившись со сцены, поняла, что это все тот же настойчивый брюнет.

– Меня зовут Олег, но для друзей я Мангуст, – он доводит меня до столика, помогает сесть, и прежде чем уйти шепчет на ухо: – Я тоже буду петь песню «Би-2».

– Верона! Почему ты не сказала, что у тебя такой красивый голос? – Анна надувает губы. – Теперь я даже не знаю, стоит ли мне петь после тебя?

– Жизнь прекрасна и удивительна, если выпьешь предварительно, – Софа как всегда в своем репертуаре.

– В точку. Я всегда говорю: «Истина на дне рюмки», – вторит ей Саня и снова подзывает официанта.

Похоже, они нашли, что их объединяет, надеюсь, это не первое и последнее. Вижу, как стул Софии, словно одушевленный предмет, движется все ближе в сторону Сани. Тот тоже видит, но старательно делает вид, что ему до лампочки. Периодически к нему подходят только что прибывшие гости, поздравляют, суют конверты. Как я поняла, в его кругу принято дарить деньгами. Саня выглядел напряженным, тяжело вздыхал, нога дергалась под столом ровно до того момента, пока к нашему столику не подошел владелец клуба. Они отошли за перегородку и до меня донеслись обрывки их разговора, из которого я сделала вывод, что в качестве подарка Фарид уполовинит счет за мероприятие. Вернулся брат уже совершенно в другом настроении, на лице сияла улыбка. Он кому-то послал короткое сообщение «Спасибо, бро!» и тут же получил ответ «Оторвись по полной». Может, это от Руссо?

После моего выступления атмосфера в зале заметно потеплела. Музыка еле перекрывала гул голосов. Громче всех общались байкеры. Три раза Олег посылал через официанта мне и подругам всякие вкусности. Стол уже завален, мы еще не доели предыдущий заказ, а нам принесли новую порцию красиво оформленных фруктов. Саня что-то бормочет под нос и шлет Мангусту в сообщениях хлесткие

комментарии. Уж не знаю, чего этот Мангуст так разгорячился, но судя по реакции, брат не в восторге. Пока на сцене сменяется один гость за другим, я продолжаю учить текст песни. Что-то мне подсказывает, что нужно довести дело до конца.

Через час мы с девчонками уже порядком навеселе идем в туалет. Подруги хохочут над очередной шуткой брата, а я зыркаю глазами по сторонам. Ожидание становится невыносимым. Я снова начинаю сомневаться. А здесь ли Руссо? Может, уже ушел? Софа улавливает мое настроение, как барометр.

– Синеглазка опять заскучала, – вещает она Анне пьяным голосом и, глядя на меня, добавляет: – Не дрейфь, мы его сегодня из-под земли достанем.

Она открывает дверь мужского туалета, сталкивается с Олегом и говорит:

– Упс, а я думала «М» это Мадамский!

Тот смеется и просит нас ей больше не наливать.

– Я свою меру знаю, упала, значит, хватит! – Софа поворачивается к нам и спрашивает: – Я падала?

Мы с Анной мотаем головами.

– Значит, продолжаем пить!

Она ныряет в мужской туалет, а мы заходим в женский и разбегаемся по кабинкам. Через пять минут возвращаемся в зал, следом спешит Софа. Сани нигде нет. Не успеваем мы сесть за столик, как Софа меня уверяет:

– Руссо точно в кабинете владельца. Мне подтвердил это бармен. Ему официант относил две порции односолодового виски.

Сначала на душе потеплело, он здесь! Как же мне быть? Пойти к нему и поговорить? А если он там не один? А вдруг у него важные переговоры, а я заявлюсь... Потом до меня доходит, что окно кабинета как раз напротив сцены, а значит, он меня не только слышал, но и видел! Этот факт резанул меня по сердцу. Смотрю на экран телефона, ни одной смс. Ох! Прошел целый час после моего выступления, а он ни слова не написал! Не знаю, что меня сподвигло, но я быстро напечатала и отправила ему сообщение.

Ты за тем большим затемненным окном. Смотришь на меня и злишься.

Он не заставил себя долго ждать и тут же ответил:

Не знаю о чем ты.

Ты меня не обманешь! Я знаю, что ты там! Сейчас поднимусь и проверю.

Ладно, я тут и что?

Ох! Как же больно получать такое сообщение. Но я сама виновата...

Ничего... прости, если оторвала от дел... и еще за то, что закатила скандал. Я просто хотела остыть, а ты собрал вещи и ушел. Прости!

Проходит пять минут, но Руссо не отвечает. Я вся извилась. То и дело посматривала на затемненное окно. Отстукивала ногой ритм очередного «музыкального шедевра» доносившегося со сцены и теребила волосы, не знаю, на что похожа теперь моя прическа.

Не молчи... скажи, что больше не злишься на меня...

Но он не отвечает. Это сводит с ума. Я готова разрыдаться прямо здесь. Подруги понимают, что я затеяла с ним переписку. Анна вздыхает и подбадривает меня тем, что хорошо, что он вообще ответил. Но меня такое заверение мало успокаивает. Прошло еще пять минут. Я искусала себе губы. Больше не верчу головой, смотрю перед собой в одну точку. Неужели, это все? В голове зудит навязчивая мысль, что мне никто кроме Руссо не нужен. Не могу себе представить, прикосновения и поцелуи другого мужчины. Как мне жить без него? Как я вернусь в свою спальню в коттедже и лягу спать в кровать, в которой мы ласкали друг друга. Боже мой! Неужели я его потеряла?!

Не могу больше сдерживаться и убегаю в туалет поплакать. Но мне помешали две брюнетки, застывшие с помадой в руках перед зеркалом. Забегаю в кабинку и пытаюсь подавить накатившиеся слезы. Из зала доносится такой необычный бархатистый мужской голос с хрипотцой, что кровь стынет в жилах.

– Ах! – восклицает одна из брюнеток. – Это Руссо! Узнаю его голос!

– Ха-ха! Скажешь тоже! Руссо никогда в жизни не будет петь в караоке.

– Он пел раньше в группе... давно... говорю тебе, это он.

– Чего это он так расчувствовался, что запел?

– Да леший его знает, может, не трахался давно?

Брюнетки ехидно хихикают. По дальнейшим репликам понимаю, что обе не раз посещали его квартиру. Сжимаю кулаки. Мне больно и обидно. Не могу сдерживать рвущуюся наружу злость.

Выхожу из кабинки и вспоминаю слова Кобры про выработку иммунитета. На деле это гораздо сложнее, но все же из последних сил беру себя в руки.

– Ты сестра Курта? – спрашивает одна из брюнеток, пока я мою руки.

Конечно! Балда Ивановна! Он ведь сказал об этом во всеуслышание!

– Да! – резко бросаю я и как бы, между прочим, добавляю: – А для тех, кто еще не в курсе, я – девушка Руссо!

Надолго запомню выражение их лиц – шок в тысячной степени!

Так и есть! Это Руссо! Сидит на сцене в солнцезащитных очках, ноги свешены с подиума. Микрофон держит как заправский певец. Песня Leonarda Cohena «A Thousand Kisses Deep²» звучит на разрыв моего сердца. Я застываю у стены, не могу пошевелиться. Кровь пульсирует в голове, как удары молота по наковальне. Голос с хрипотцой. Слова пронизаны такой грустью и отчаянием, что слезы снова заливают мне лицо. Ох, зачем я вообще накрутилась, ведь знала, что буду плакать. Я всегда при нем плачу.

– You win a while, and then it's done – your little winning streak. And summoned now to deal, you live your life as if it's real, A Thousand Kisses Deep³.

Не знаю, настанет ли день, когда Руссо перестанет меня удивлять. Сегодня он мне открылся еще с одной стороны. У него идеальный слух и чувство ритма. Его голос завораживает. Мама говорит, что я упорно не хочу замечать недостатков в людях, что возвожу их на пьедестал идеала, а позже чувствую горечь разочарования потому, что эти люди никогда не были такими, какими я их себе представляла. Надеюсь, с Руссо я не поступаю так же, иначе это будет самым моим большим разочарованием в жизни. Пьедестал, на который я его возвела, очень высок, даже не знаю, кто может с ним сравниться...

– And sometimes, when the night is slow, the wretched and the meek, we gather up our hearts and go, A Thousand Kisses Deep⁴.

² A Thousand Kisses Deep – (англ.) Сквозь бездну тысяч ласк.

³ Ты куш сорвал, но проиграл. Удача – не для всех. И в этот миг ты вдруг поймешь, что жизнь не удавалась, но ты живешь и вновь идешь сквозь бездну тысяч ласк.

⁴ Но иногда в ночной тиши, в несчастный тихий час, летят, сплетаясь, две души сквозь бездну тысяч ласк.

Песня длится больше пяти минут. За это время я побывала в раю и в аду. Смотрю на его длинные до плеч волосы и вспоминаю, какие они шелковистые и как щекотали мой живот, когда он ласкал меня. Как блуждали по моему телу его руки, то нежно, то с таким нажимом, что дух захватывало.

Песня заканчивается, ведущая выходит на сцену.

– За какую вы команду выступали?

– Сами разберетесь! – злобно бурчит Руссо и встает.

– Грубый джентльмен выступил вне конкурса, – выходит из положения ведущая.

Она тянется к микрофону, но Руссо не спешит с ним расставаться.

– Курт! С днюхой, бро! Увидимся! – бросает он и спускается со сцены.

Вот так просто! На меня никакого внимания.

Брат свистит ему и благодарит за подарок, отчего-то мне кажется, что не за только что прозвучавшую песню.

Вокруг Руссо уже вьются девчонки, одна даже пыталась повиснуть ему на шею, но Руссо мягко отстранился. Она предпринимает вторую попытку – не поняла с первого раза. Руссо рычит: «Отвали!» и повязывает арафатку на шею. Его глаза от окружающих скрыты очками. В этот момент я решила, что ни за что не подойду к нему сама. Я не из тех, кто будет унижаться, выпрашивая прощения.

Руссо идет к выходу! Боже! Он собирается уехать! Меня колотит от мысли, что я никак не могу переломить ситуацию. Ему наплевать на мои смс, на то, что я здесь, прямо перед ним. Я все это знала и притащилась сюда как идиотка! Судорожно пытаюсь что-то придумать, но от страха мозг блокируется.

Неотрывно наблюдаю за Руссо, уже на выходе его окликает один из друзей, он возвращается, здоровается, оттягивает арафатку, но очки не снимает.

– Песня! – кричит мне Софа.

Она тоже понимает, что второго такого шанса у меня не будет. Чем дальше мы уходим от ссоры, не выяснив отношения, тем больше вероятность, что расставание неизбежно. У меня будто открывается второе дыхание, тело наполняется живительной энергией, а страх потерять его блокирует все остальные эмоции. Бегу к сцене, объясняю ди-джею, что хочу спеть композицию «Ve

Together» группы «Major Lazer», но сначала хочу сказать пару слов. Она кивает и включает микрофон.

– Эту песню я хочу посвятить своему парню... – я нервно сглатываю, во рту пересыхает как в пустыне, на Руссо не смотрю, иначе заплачу, – мы на днях повздорили и теперь он на меня злится.

– Брось его к чертям собачьим, сестренка! Он тебя не заслуживает! – кричит Саня, но без злобы, тут же получает от Софы под дых и ржет.

– Прости милый, не знаю, что еще сказать, надеюсь, что мы все-таки полетим в Верону, иначе мне до завтрашнего утра не дожить.

Даю знак ди-джею, что можно включать музыку и вцепляюсь в микрофон двумя руками. Сейчас я уже ничего не боюсь. С первых аккордов преодолеваю волнение и смотрю на Руссо. Я не вижу его глаз и не могу понять его реакцию. В одном ухе у меня наушник, голос Натали Бергман, как путеводитель ведет меня за собой.

– Let me escape in your arms. Baby I'm yours, baby I'm yours. Love don't come easy at all. I missed you so much, I missed you so much. Tell me, is this freedom, baby? Chasing after danger, making my heart race⁵.

В зале все стихают и слушают. Даже байкеры притихли и не галдят как пираты на шхуне. Мой голос взрывается, и я почти кричу припев.

– Maybe if the stars align, maybe if our worlds collide. Maybe on the dark side we can be together, be together. Maybe in a million miles, on a highway through the skies, someday soon, we'll be together⁶.

Руссо отталкивается от бара, упирает руки в бока и выпрямляется во весь рост. Смотрит на меня неотрывно. Все уже понимают, кому я посвятила песню и от этого по залу пробегает удивленный шепоток. Лица вытягиваются, все знают, у Руссо нет девушки. Пою второй куплет и двигаюсь в такт музыке. Руки взлетают над головой и тут же летят вниз, плавно очерчивая волны. Сердце готово вырваться из груди. Закрываю глаза, вспоминаю его прикосновения и улетаю от

⁵ Позволь мне скрыться в твоих объятиях. Малыш, я твоя, малыш, я твоя. Любовь вовсе не просто достается. Я так по тебе скучала, так по тебе скучала. Скажи мне, это свобода, малыш? Гнаться за опасностью, заставляя мое сердце выскакивать из груди.

⁶ Возможно, если звезды станут в ряд, возможно, если столкнутся наши миры. Возможно, на темной стороне мы сможем быть вместе, быть вместе. Возможно, через миллион миль по дороге в небеса, однажды совсем скоро мы будем вместе.

переполняющей меня неги. Снова припев и снова крик отчаяния. Господи, только бы не заплакать! Мой голос дрожит, но я справляюсь с волнением и перехожу к следующему куплету вполне уверенно.

Руссо проводит рукой по волосам, облизывает губы, от чего они под светом рампы становятся блестящими и так манят меня...

Когда заканчивается песня, он поворачивается к барной стойке и сгибается, словно сейчас переломится пополам. Господи, он страдает, так же как и я! Не могу больше на это смотреть. Весь зал стих и приуныл, словно всем собравшимся передалась наша боль. К моему удивлению ди-джей поставила песню в оригинале. Зачем? Чтобы все смогли оценить мое бездарное исполнение?

– Милый, потанцуй со мной, – говорю я в микрофон.

Руссо вздрагивает, выпрямляется и застывает на месте. Я знаю, сам он не сделает ко мне ни шага – чертов упрямец – поэтому спускаюсь со сцены и сама иду к нему. Хватаю его за куртку и притягиваю к себе. От него разит спиртным. Его тело напряжено, но он не сопротивляется. Снимаю с него куртку и отбрасываю ее на ближайшее кресло. Стягиваю с шеи арафатку и отправляю ее туда же. Затем тянусь к очкам. Он дергается, отводит голову назад. Я смотрю на него с укоризной и протягиваю руку, пусть снимет сам.

На танцпол выходят Софа и Саня. Олег пригласил Анну. На какой-то момент все внимание приковано к этим двум парам. Руссо снимает очки. Я распахиваю глаза и ахаю. Под глазами залегли черные круги, на виске большой кровоподтек. Глубокий порез рассек левую бровь. Ох! Руссо! Кто же тебя так? Его глаза горят гневом, подогретым алкоголем. Мама миа, как же он зол на меня!

Беру его руку, целую окровавленные костяшки пальцев – они у него никогда толком не заживают – и веду на танцпол. Он резко притягивает меня к себе. Его руки обвивают меня так крепко, что мы совсем не похожи на танцующих. Мы как два раненных зверя, вцепились друг в друга, чтобы не упасть. Музыка сменяется на что-то более романтическое. Я уже не могу различить ни танцующих рядом, ни слов. Все мое внимание приковано к Руссо. Меня наполняет его терпкий запах. Я чувствую, как меня уносит водоворот ощущений. Внизу живота вспыхивает пожар.

– Я люблю тебя, Руссо, и я не знаю, что ты будешь с этим делать, – губы дрожат, плечи сотрясаются от плача.

Руссо сжимает меня еще крепче, мне нечем дышать. Затем он вытирает мои слезы и впивается в мои губы. Мы долго целуемся, а когда он отстраняется, говорит:

– Не делай так больше, детка, никогда не делай. В следующий раз я не смогу тебя простить.

Я киваю и говорю, что не буду. Мои руки крепко обвивают его шею. Мы покачиваемся в такт музыке. Его тело постепенно расслабляется, но дыхание становится все тяжелее и тяжелее. Он запускает пальцы в мои волосы. Кусает мочку уха и шепчет:

– Ты воровка, Верона, – я откидываю голову, ловлю его взгляд, он поясняет: – Ты украла мое сердце, я даже не понял, когда ты это сделала.

– Но сначала ты украл мое, – мои руки ныряют под его футболку, хочу прикоснуться к его горячему телу.

Он громко вздыхает, тянется к моим губам, а когда я распахиваю их в ожидании поцелуя, спрашивает:

– Детка, где твой загранпаспорт?

После нашего мучительного примирения Руссо сразу вызвал такси. Из клуба мы поехали в коттедж. По пути он постоянно с кем-то переписывался, но со мной и словом не обмолвился. Мне уже показалось, что он передумал. Выглядел он отстраненным и безучастным, но когда такси остановилось, он взглянул на меня покрасневшими от алкоголя глазами и полупьяным голосом пробурчал:

– Бери только паспорт. Никаких шмоток. Поедем налегке.

Скажи он мне это три дня назад, я бы непременно подняла шум, но сейчас, когда мы только помирились, я не осмеливаюсь с ним спорить. Киваю и бросаюсь к воротам. Пока поднимаюсь по ненавистной лестнице, меня не покидает страх, а что если Руссо передумает и уедет?

Хватаю паспорт и бегу назад к такси. С облегчением выдыхаю, увидев, что Руссо все еще ждет. Запрыгиваю в машину и со всей силы прижимаюсь к нему. Он словно разгадывает причину моего страха и говорит:

– Не бойся, детка, теперь даже если захочешь, от меня не отвяжешься, – он называет адрес своей квартиры водителю.

Меня наполняет его терпкий запах кожи, смешанный с алкоголем и табаком, им пропахли волосы и арафатка, что обмотана вокруг шеи. Он сжимает мою руку и смотрит в окно. Как бы мне хотелось узнать, о чем он сейчас думает. Он весь в себе, в своих мрачных мыслях. А то, что они мрачные я не сомневаюсь. Между бровями залегли две параллельные складки. Полные губы теперь сомкнулись в одну сплошную линию. Челюсть напряжена, желваки играют.

– Милый, ты все еще злишься? У меня ведь тоже есть причины злиться, но я все оставила позади.

– Верона, расслабься, ты тут ни при чем. У меня проблемы в бизнесе.

– Что-то серьезное?

– Настолько серьезное, что я собирался в ближайшие месяцы держаться от тебя подальше.

– Ох! – мне больно это слышать. – Почему же ты изменил свое решение?

– Твоя песня заставила меня это сделать! И это еще раз доказывает, что я не могу тебе противостоять. Это знаю я, значит, узнают и мои враги...

Враги? О чем он говорит? Я все переживу, только не его потерю. Опускаю голову на его плечо и закрываю глаза. Наши пальцы сплетаются. За окном огромный ночной город живет своей жизнью. А я здесь, с Руссо в такси, и мой мир снова захлопывается на нас двоих, словно остальное не важно.

Из забытья меня вывела рука Руссо, он протягивает мне наушник, и я слышу песню «Be Together», которую ему пела в клубе. Он выставляет полную громкость, и мы снова погружаемся в голос Натали Бергман. Одной рукой он сжимает мне грудь под курткой, другой тянется к поясу брюк. Он дышит мне прямо в ухо и от этого по коже пробегают мурашки. Алкоголь все еще гуляет в его крови, движения резкие и неуклюжие. Это не чувственный и нежный Руссо, это кто-то другой, дерганый и неуверенный в себе. Его движения становятся все

требовательней. Я широко распахиваю глаза, кидаю опасливый взгляд в сторону водителя.

– Не надо, – шепчу я и краснею.

Боже мой! Что он задумал?

На лице Руссо не дрогнул ни один мускул. Его длинные пальцы расстегивают пуговицу на поясе моих брюк и оттягивают бегунок молнии вниз, затем настойчиво пробираются к заветному месту. Я выгибаюсь и шикаю на него, но он кидает на меня такой арктический взгляд, что я замираю.

– Давай, детка, покажи мне, как ты любишь меня. Кончи для меня...

– Что? Здесь? Нет! – кивком я показываю на водителя. – Что за шантаж? То есть если я откажусь, то выходит, я тебя не люблю? Ты бьешь меня по самым незащищенным местам.

– Ты тоже, когда прогоняешь меня из своей жизни, – рычит он.

– А ты не вынуждай меня это делать, – я откидываю его руку.

– Вот опять! Не смей меня отталкивать! – рывкает он на меня.

– Прекрати, пожалуйста, – на глаза наворачиваются слезы. Ну вот, я опять плачу, ненавижу себя за это. – Я не отталкиваю. Просто ты ведешь себя непристойно.

Смахиваю с лица слезы, бросаю наушник ему на джинсы, отодвигаюсь к окну, застегиваю молнию и поправляю пояс. Эмоции и тело живут совершенно разными жизнями. Стоит ему только дотронуться до меня и я уже не в состоянии себя контролировать. Лицо пылает, внизу живота разгорается желание.

Думала, что мои слова вызовут волну негодования. У него явно воинственное настроение, но он резко переводит тему и как ни в чем не бывало, придвигается ко мне ближе.

– А мне больше у этой группы нравится вот эта песня.

Он вставляет в мое ухо наушник, немного грубо и я морщусь от того что он зацепил прядь волос. Двумя руками он хватает меня за голову и разворачивает к себе. Он груб и пьян. Слышу электронные звуки, это вступление к песне. Звучит женский голос. Руссо начинает синхронно переводить, но не поспевает и это превращается в прерывистый монолог:

– Что ты творишь со мной? Это словно удар молнии, когда я плыву в море... с того самого раза как мы влюбились... с того раза, когда соприкоснулись...

Мои глаза распахиваются, дыхание становится тяжелым, я уже не плачу.

– Когда твое тело над моим... меня уносит на небеса, к самым звездам... я чувствую опустошенность, мне нужна любовь. Ты заряжаешь меня словно электричество, ты заводишь мое сердце своей любовью.

Я закрываю глаза и тону в неге от его бархатистого голоса, сейчас он такой злой, но в то же время такой сексуальный.

– Я не могу уйти, даже если бы ты захотела потому, что нечто тянет меня к тебе... – он прерывается, сглатывает с шумом, его глаза пронизывают меня, как рентген и я ежусь.

Что с ним творится? Господи, скорее бы доехать до его квартиры.

– Заклучи меня в объятиях. Меня словно обжигает огонь, бьет электричество. Когда ты рядом со мной... я чувствую искры. Меня уносит в бесконечность...

Он резко отталкивает меня. Лицо покраснело, на лбу вздулись вены. Звучит припев, Руссо начинает выкрикивать слова мне в лицо. Жестко, хлестко, будто кидается в меня ими, делая акцент на «powerful».

– There's an energy when you hold me. When you touch me, it's so powerful. I can feel it when you hold me. When you touch me, it's so powerful⁷.

Когда песня заканчивается, я замираю и еле дышу.

– Вот что ты делаешь со мной, Верона! Сводишь с ума! Каждым своим поступком, каждым словом. Я за тебя готов лишиться себя всего, что дорого, вот что такое любовь! А ты? Что ты готова поставить на кон?

Я хлопаю ресницами и молчу. Куда его несет?

– Ты говоришь, что любишь. Но ты не знаешь, что это такое! Любовь, это когда твой мир сужается до одного человека, на остальных тебе наплевать с высокой колокольни. Это когда нет рамок, нет правил, нет ограничений. Есть только твое и желание твоего любимого! А ты отталкиваешь меня... каждый раз отталкиваешь, когда я уже так близко!

⁷ В твоих объятиях есть энергия. Твои прикосновения таят такую силу! Я чувствую ее, когда ты обнимаешь меня.

К счастью такси останавливается у его дома, Руссо кидает водителю: «Жди» и выходит. Я спрашиваю, сколько мы должны и расплачиваюсь за такси. Кошелек пуст, я отдала последние деньги. Он слышит звук мотора и резко оборачивается, видит, что я иду за ним, и с облегчением вздыхает, но его настроение тут же меняется и уже через секунду он кричит на меня:

– Что ты делаешь?!

Мимо проходят жильцы дома и с любопытством на нас поглядывают.

– Я сказал тебе ждать!

– Мне ты ничего не сказал, – огрызаюсь я, меня уже достало его дурное настроение, я не намеренна свой самый романтический день в жизни разделить со «Злым Руссо».

– Я хотел взять паспорт, отлить и вернуться в такси! У нас регистрация через полтора часа, а до Шарика еще надо доехать!

– Никуда мы не летим! – кричу я ему в лицо.

– Я уже понял! – кричит он в ответ и скрещивает руки на груди. – Ты передумала! Я так и знал!

– Нет, не передумала! Но как ты собираешься заниматься... этим... в таком состоянии? Ты как вулкан извергающий поток злобы! Нет! Нет! И нет! – перевожу дух и смотрю ему прямо в глаза, я его не боюсь. – Ты хочешь меня наказать, а не любить!

Я попала с точку! Руссо вздрагивает, разворачивается и идет к подъезду, я за ним. Проходим через просторный холл к лифту. Он нажимает на кнопку вызова и кидает на меня гневный взгляд. Я уже жалею, что вышла из такси. Нужно было ехать в аэропорт, за три часа полета он бы отоспался и пришел в себя. Вот так всегда, сначала делаю, потом думаю. В кабине лифта он молчит, боковым зрением вижу, что он злой как черт.

В квартире тишина, слава богу, Марии нет, мы оба не в том состоянии, чтобы объяснять посторонним что происходит. Руссо скидывает куртку на пол и в тяжелых ботинках на тракторной подошве плетется в гостиную к бару, собирая по пути все дверные косяки. Откупоривает бутылку виски и выпивает прямо из горла

одну треть. Не знаю, что на меня нашло, но я повторяю его действия. Тоже скидываю свою куртку на пол и иду к бару. Достаю бутылку красного вина и ухожу за штопором и бокалом на кухню.

– Что ты задумала? – рычит он, когда я с жадностью опустошаю половину бокала.

– Мы в разных весовых категориях, – вспоминаю его выражение и показываю на выпивку.

– Поверь, если ты выпьешь столько, сколько я – умрешь.

– Даже не сомневаюсь! – огрызаюсь я.

Скатываюсь по стене на пол и со стоном выпрямляю ноги. Алкоголь печет желудок и разливается по телу. Я наливаю себе вторую порцию вина и смотрю на Руссо. Он сидит на полу у стены, его левая сторона освещена языками пламени от био-камина. Узкие черные джинсы с множеством молний и карманов плотно облегают его стройные ноги. Чернящие, почти сросшиеся на переносице брови нависают над зелено-изумрудными блестящими глазами и придают его взгляду свирепости. Я разглядываю каждую его черточку лица. Не могу судить тех девчонок, что вешаются ему на шею, он любую доведет до сумасшествия, только глянув вот так. В этот момент мне кажется, что я центр его вселенной, что я особенная. Наверное, девчонки, что с ним спали, тоже так думали...

Дрожь пробивает все мое тело. Я одна из многих!

О Боже, как я могла попасться в лапы этому сердцееду? Я ведь клялась себе, что никогда этого не сделаю. И что теперь? Пришла сюда за ним в его квартиру и заливаю в себя вино! Что я наделала? Надо бежать отсюда пока мы снова не наговорили друг другу гадостей. Моя рука уже тянется к куртке... и, конечно, он как радар улавливает мое настроение и стягивает с себя футболку и ботинки.

– Доводи до конца то, что задумала, детка, – в голосе чувствуется издевка.

– А что я задумала?

Он пожимает плечами.

– Понятия не имею, но ты явно что-то задумала и я хочу знать что именно.

Я смотрю на его татуировки, задерживаясь на надписи «Verona». Он тянется к поясу джинс, расстегивает пуговицу, подцепляет бегунок молнии и

медленно тянет вниз. Вот уже виден широкий пояс от боксеров. Я облизываю губы и передергиваю плечами. Этот гад знает, что делает со мной. Господи, какой же он красивый! Да мне никогда не уйти от него. Нет ни одного шанса...

Наливаю себе третий бокал, я сегодня упьюсь в доску и не эротично заблую его гостиную. Вот так тебе, гад! Будешь знать, как надо мной издеваться!

– Смотрю, ты настроена решительно! Чего ты хочешь, Верона? Скажи мне! Что именно ты хочешь? – его голос звучит так сексуально... так чувственно...

Как же я ненавижу его! Господи, да кому я вру?

Он включает опять ту самую песню, что ставил в такси. Мы неотрывно смотрим друг на друга. Его взгляд такой призывный и дерзкий, что мороз пробегает по коже. К чему он меня подталкивает? Хочет, чтобы это случилось сейчас? А я этого хочу? Ну, конечно, да! Я же это решила, когда расплачивалась за такси! Сколько можно уже мучить друг друга? А мечта? Да ничего глупее я не могла придумать в свои тринадцать лет! Опля, опять тринадцать! Меня преследует сегодня эта цифра. Ох! Что-то меня качает... надо сесть... или уже сразу лечь?

Когда фокус восстанавливается, смотрю на Руссо, внутри разгорается пожар. Вот он здесь со мной, готовый на все, лишь бы почувствовать мою любовь. В памяти проносятся его слова: «Детка, покажи, как ты любишь меня». Да, Софа права, Руссо нужен секс, только так он может меня почувствовать и понять. Его глаза горят в свете всполохов пламени. Я делаю к нему шаг, но он жестом останавливает меня.

– Стой там, – его слова звучат как приказ, – снимай с себя все! Все, Верона! Хочу видеть тебя обнаженную!

Нервно сглатываю и начинаю раздеваться. На пол летят брюки, топ, нижнее белье. Почему-то я нисколько его не стесняюсь, словно он единственный, кто имеет право на меня смотреть. Мне кажется, мы подошли к черте, которая олицетворяет рубеж между старыми и новыми отношениями. А может, их поделила ссора.

Песня заканчивается, Руссо облизывает губы и ставит ее на повтор.

– Ложись на пол, детка, – хрипло просит он, – раздвинь ноги!

Я повинуюсь. Его грудь вздымается от частого дыхания. Он больше не пьет, это хорошо, иначе мне бы пришлось его догонять. Даже отсюда мне видно как искрятся его глаза, рот напряженный, губы сомкнуты.

– Я посмотрю на нее, детка, – его голос дрожит от волнения, он подползает ко мне ближе и раздвигает ноги шире. Слышу его громкий вздох, – доставь мне такое удовольствие. Я ведь вижу ее такой в последний раз!

Градус моего волнения зашкаливает. Так значит, он тоже хочет, чтобы мы это сделали сейчас? Не могу сдерживаться и начинаю шептать:

– Руссо, ты спрашивал, что я могу поставить на кон...

– М-м-м...

– У меня есть только одно...

Он нервно сглатывает, кадык дергается вверх-вниз. На мои глаза снова наворачиваются слезы.

– Только прошу тебя... ты сейчас пьян... я немного из-за этого нервничаю... пожалуйста, будь со мной нежным.

Он вскидывает голову, убирает с вспотевшего лба назойливую прядь слипшихся волос, глаза сверкают от ярости. Боже, что я такого сказала?

– Зачем мне быть с тобой нежным?! – кричит он. – Чтобы потом, кто-то другой, не я, получал удовольствие?!

– Другой?! – не могу вздохнуть, я, будто получила удар в солнечное сплетение. – Для тебя это что разовый секс?

Его слова так меня задели, что ни думать, ни действовать адекватно я уже не могла. Вскрываю на ноги, наотмашь отвешиваю ему пощечину, он мог увернуться, перехватить мою руку, но не стал этого делать. Его лицо перекашивает злобная гримаса. Быстро натягиваю на себя белье и топ.

– Какая же я дура! Господи! Какая же я безмозглая дура! – хватаю брюки и со второй попытки попадаю в брючину ногой. – Тебе нужна не я! Тебе нужен просто секс! Но знаешь... Для этого у тебя есть... как ты их называешь? Чиксы! А я подожду того самого!

Выскакиваю из гостиной, хватаю куртку и бегу в холл, он за мной. Надеваю туфли, ловлю на себе его ошарашенный и все еще затуманенный взгляд.

– Давай, беги! – подбадривает он меня. – Ты всегда бежишь!

Решаю ему все высказать, мне уже терять нечего. Знаю, я больше его не увижу, мы не сможем друг друга простить. Только не мы!

– Это я-то бегу?! – толкаю его в грудь, он ударяется спиной о стену. – Я призналась тебе в клубе, что люблю! Я только что готова была отдаться тебе по-настоящему! И я бегу? Нет! Это ты меня все время отталкиваешь! Потому что знаешь, если займешься со мной любовью, не сможешь убежать, как от тех других! И тебя это злит и пугает! Ты хочешь сам решать, с кем быть и когда! А со мной у тебя так не получается! Потому что ты не можешь контролировать свои чувства. Нам обоим голову друг от друга сносит! Мы любим друг друга! Только у меня хватило смелости в этом признаться, а тебе – нет! Говоришь, что каждый раз, когда ты близко, я отталкиваю тебя? Это ты все делал, чтобы меня оттолкнуть! Не говорил о Лилианне, о своих делах, не знакомил со своими друзьями! Это ты не впускаешь меня в свой мир! Да пошел ты, Руссо!

Открываю входную дверь. Его телефон разрывается знакомой трелью, тот, кто звонит, есть в его телефонной книге, раз на него Руссо установил индивидуальный рингтон. Или на нее... Но он игнорирует звонок и не сводит с меня глаз.

– Ты так часто крал любовь на час, что даже не в состоянии отличить истинные чувства от притворных! Но у меня-то глаз не замылен, Руссо! Для меня ты был единственным! Господи, я такая была дура, что подумала, ты и есть тот самый, кого я ждала...

Выхожу из квартиры, иду к лифту, он идет за мной в одних трусах и босиком, смотрит на меня, будто впервые видит.

– Я сказала тебе убираться из моей жизни, потому что у тебя был шанс и не один, рассказать мне все, но ты этого не сделал.

– Ты была в шоковом состоянии! Я не мог!

– Лучше б сказал! – кричу я во все горло. – Чем узнать о том, что ты делал этой сучке предложение во время ссоры! Ты словно ударил меня ножом в спину! Ты мне не доверяешь! Каждый раз затыкаешь, словно я шавка! Собачка приبلудная! – нажимаю на кнопку вызова, слышу, как поднимается лифт. – Я и похожа на твою собачку! Стоило тебе немного открыться в такси, как я забыла обо всем и побежала за тобой! Но теперь все, Руссо! Теперь, действительно, все!

Прижимаю ладони к пылающим щекам. Только бы не заплакать при нем! Пытаюсь отвлечь себя мыслями. На чем я поеду, если последние деньги отдала таксисту? Но потом решаю позвонить Софе и попросить вызвать и оплатить такси по кредитной карте. Ощупываю карманы куртки, телефон на месте.

Двери лифта распахиваются, я захожу в кабину. Руссо не двигается. Дыхание прерывистое, тяжелое. Провожает меня злющим, но в то же время потрясенным взглядом. Этот взгляд – последнее, что я вижу перед тем, как закрываются двери.

– Прощай, Верона! Тебе будет без меня лучше! – слышу я через закрытые двери, потом два сильных удара. Я вздрагиваю и прижимаюсь к дальней стене.

Лифт едет вниз, я даю волю слезам. Мне кажется, что мой плач разносится по всем этажам. Боже, как же больно! Как бы мне хотелось сейчас прижаться к Анне и рассказать ей все, что наговорил со зла Руссо! Может, тогда станет немного легче. Только близкая подруга смогла бы разделить со мной эту боль. Спускаюсь по стенке на пол. Лифт останавливается на первом этаже, двери распахиваются. Я сижу на полу, не могу пошевелиться и как назло вокруг ни души, кто бы вывел меня из ступора своим присутствием. Тело больше не принадлежит мне, я словно в невесомости. Двери лифта закрываются, свет в кабине гаснет. Мне так больно, что хочется выпрыгнуть из тела и больше никогда в него не возвращаться. И тут истошный крик разрывает тишину.

– Верона! Верона!

Я вздрагиваю. Руссо!

Слышу, как он мечется по холлу, открывает двери, видимо, выглядывает из подъезда, потом снова возвращается. Я сижу тихо как мышка. Не знаю, сколько прошло времени, пока он меня искал, для меня так целая вечность. Двери лифта открываются. Запыхавшийся Руссо с дикими глазами врывается в кабину, одним рывком поднимает меня с пола и впивается в мои губы. Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь.

– Детка, я твой, тот самый! Но я так зол на тебя! Так зол... но ты права... мы любим друг друга...

Аристарх

– Приму душ, – говорю Вероне, когда буквально втаскиваю ее назад в квартиру, – только не сбегай!

Она еле заметно улыбается, видимо, уже не злится. Мою погоню Верона оценила, но, честно говоря, увидев, в каком она состоянии, я думал, меня не просто пошлют, а раз и навсегда вычеркнут из жизни. Уф, меня шкалит как при качке. Заскакиваю в ванную и встаю под холодный душ. Нужно протрезветь ради себя, ради нее, пока еще каких-нибудь дров не наломал! То я злюсь на нее, то хочу ее до спазмов, то боюсь ее, будто она прокаженная. Тру лицо ладонями. Приди в себя, Руссо! Мать твою! Она хочет, чтобы ты лишил ее девственности! Сейчас! Черт! У меня это тоже впервые! Кажется, она права, я волнуюсь больше чем она!

Что я ей такого сказал, что она так рванула к лифту? Шизец! Ничего не помню! Помню, что она говорила, но свой ответ потонул в алкогольной трясине. Вроде лежала передо мной голая, вдруг разозлилась, заплакала и начала одеваться!

Холодные потоки воды уносят все мои сомнения. Ладно, детка, я сделаю все, как ты хочешь! Черт! Я постараюсь, хотя не знаю наверняка!

«We'll be together⁸» – звучат в моей голове слова песни, что она пела в караоке.

Моя малышка борется за наши отношения и мне это нравится. Похоже, именно этого мне и не доставало! Хочу знать как я ей дорог! Хочу, чтобы днем и ночью она говорила мне о своей любви! Хочу, чтобы умоляла меня быть с ней! Проклятье! Да что со мной такое? Псих конченный!

Дверь открывается, Верона на ходу снимает одежду и просит сделать воду погорячее. Прижимаю ее к себе, потоки воды скатываются по ее волосам.

– Детка, мне так жаль. Я наговорил черте чего, прости! Я так не думал... просто злился, – мои руки на автомате намыливают ее гелем для душа.

– Тс-с-с-с... – она встает на цыпочки и шепчет на ухо: – Никаких больше разговоров. Они нам не помогают. Только делают больно. Я хочу тебя, милый, сейчас хочу...

⁸We'll be together (англ.) – Мы будем вместе.

Сэм встает и дергается как бешенный, из груди вырывается рык, сжимаю челюсть так сильно, что аж зубы скрепят.

– Верона, не беги от меня!

– Больше никогда, милый... больше никогда!

– Поцелуй меня!

Наклоняю голову. Она впивается в мои губы с такой силой, что чувствую привкус крови. Ее пальцы так нежно скользят по Сэму, что аж дух захватывает. От одной мысли, что так теперь будет всегда, внутри разливается бальзам.

– Скажи, что любишь меня! Хочу это слышать снова и снова! – требую я и трясусь за плечи.

Черт! Меня никогда еще так не штормило! Обычно это из меня тискаами вытягивали признание!

– Да что с тобой, Руссо? – она заглядывает мне в глаза, пытаюсь понять, откуда дует ветер моих сомнений.

– Просто скажи, мне это нужно!

Я дрожу, мой взгляд неотрывно следит за ее мимикой. Что она сейчас думает обо мне? Что я шизоид?

Вдруг она изливается таким потоком, что мне крышу сносит.

– Милый, я не знаю, что сделать, чтобы ты меня услышал и почувствовал! – она берет мою руку и накрывает ею свой лобок, из моей груди вырывается стон, я с жадностью ловлю каждое ее слово. – Я люблю тебя! Ты для меня все! Ты – моя жизнь! Мое дыхание! Мой тернистый путь! Глядя на тебя, каждый раз задаюсь вопросом: «Почему именно я?». Вокруг столько красивых женщин, а ты выбрал меня...

Я удивлен, не знал, что она думает обо мне в таком ключе. Ведь я думал тоже самое. Почему я?

– Детка, как бы я хотел накинуть на тебя холщевый мешок, чтобы никто... понимаешь? Никто... не смотрел на тебя! Мне просто крышу сносит, когда ты открыта миру, мне кажется, что тебя непременно у меня отнимут! Я останусь один. Но теперь мое одиночество будет уже не таким, как прежде... – голос дрожит, я крепко сжимаю ее в объятиях и подавляю слезы.

Впервые мне пофиг, что обо мне подумают. Я хочу оголиться перед ней до костей! Пусть знает, кого она выбрала, кого она просит взять то, что хранила для того самого.

– Пойдем! – она тянет меня из душа.

Ох, детка, если бы ты знала, что сейчас тебя ждет, то не была бы так смела.

Она хватает фен и пытается высушить волосы, руки дрожат, я говорю ей:

– Я сам.

Забираю у нее фен и терпеливо высушиваю каждую прядь волос, все это время она изучает мое отражение в зеркале.

Когда мы выходим из ванной, выключаю телефон и веду ее в спальню. Чувствую, как она напряжена. С каждым шагом, что приближает к той самой минуте, смелость ее покидает.

– Ложись на спину, – прошу я как можно нежнее, подводя ее к кровати.

– Руссо, просто сделай это! – настоятельно просит она. – Без всяких прелюдий!

Киваю и ложусь сверху. Она дрожит, то ли от возбуждения, то ли от страха. Мои руки и губы скользят по ее груди. Приподнимаю ее бедра и сжимаю ягодички.

– Детка, вся боль в голове. Чем больше ты будешь бояться, тем больнее тебе будет. Поняла?

Проклятье! Откуда мне знать? Я сыплю фразами из инета.

– Я не боюсь! Войди в меня!

Я стону, но мой стон больше похож не на проявление вожделения, а на рык загнанного в клетку зверя. Сэм так напрягается, что головка синеет.

Черт! Не хочу делать ей больно!

– Прости меня, детка... – не даю ей опомниться, и направляю Сэма туда, где только что царили спокойствие и безмятежность.

Как же сейчас все в ее жизни изменится! Навсегда!

Я измучил ее и себя. Хотел войти как можно медленнее, но потом понял: мне бы вообще войти! Верона никак не хотела меня впускать, от каждой попытки

сжималась и корчилась в мучительной гримасе. Я смачивал слюной, но никак... ласкал, но все бесполезно. В итоге нашел в аптечке более-менее подходящую смазку и только с третьей попытки Сэм проник внутрь, да и то, пока не до конца.

– Черт! Верона, какая же ты узкая!

По ее щекам текут слезы. Верона выгибается, хватая ртом воздух, кричит что есть мочи и со всей дури вонзается зубами в мое плечо. Проклятье! Мне самому больно и я радуюсь, что еще не весь алкоголь выветрился из моей башки! У меня искры летят из глаз. Уже не понятно, кто кричит громче, она или я, мне реально больно – плечо жжет, Сэм в тисках.

– Расслабься... Малышка... Впусти меня...

– Что? Он что еще не весь вошел? – в ее глазах ужас.

– Нет, пока не весь, – сжимаю ее ягодицы и переворачиваюсь на бок вместе с ней.

Прокладываю дорожку из поцелуев от шеи до ключицы и обратно, припадаю к соскам, затем впиваюсь в ее губы и долго-долго целую.

– Детка, я люблю тебя больше всего на свете. Ты моя, Верона, моя!

Из ее груди вырывается вздох облегчения, она раскрывается передо мной вся, как на ладони. Сэм, не теряя времени, добирается до заветной цели. Она снова кричит, извивается, на этот раз мне удастся головой заслониться от ее зубов.

– Больно! Больно! Как же больно!

Она дубасит меня по голове и груди со всей силы, пытается вывернуться.

– Ч-ш-ш-ш, детка, не шевелись, сейчас начнется самое главное...

– Что? Ты с ума сошел?! Мне больно! Отпусти меня! Ай! Сейчас же!

Я начинаю медленно двигаться взад-вперед, она распахивает глаза и таращится на меня как умалишенная.

– Руссо! Ай! Что... ты... а-ах... как... – глаза темнеют, тело расслабляется.

– Что, детка? Не ожидала, что за такой болью может скрываться что-то приятное?

– Да! Мне хорошо! Милый... а-ах... не останавливайся...

– И не подумаю... – бурчу я. – Вот чего ты меня лишала, Верона...

– Не только тебя... но... и себя... а-ах...

Видимо, боль все же отошла на задний план, она так осмелела, что начала подмахивать мне бедрами, от чего я мигом завелся и начал трахать в привычном режиме, но Верона снова заверещала и вцепилась ногтями в мою спину.

– Верона, не дразни меня, – рычу я на нее и на несколько секунд замираю.

Она успокаивается, восстанавливает дыхание, я снова задвигался. Сначала медленно, но дождавшись ее первых стонов, потихоньку набираю темп.

Моя девочка! Моя!

Мне стоит огромных усилий, чтобы сдерживать пыл Сэма. Когда же я смогу получить от нее то, что мне нужно? Кажется, что этот момент вот-вот наступит, но чем дальше мы продвигаемся, тем больше мне приходится себя сдерживать.

– Детка, не молчи, – шепчу ей на ухо. – Ты как?

– Хорошо... не останавливайся! – Верона хватается за ягодицы.

Черт! Не ожидал от нее такой прыти с первого раза!

– Мне больно, очень больно, но я сейчас кончу!

Хочу сказать, что это физически невозможно, но тут моя малышка взрывается от оргазма, а я вслед за ней.

Это был не оргазм, а какой-то взрыв! Казалось, я распался на миллионы атомов и разлетелся по всей вселенной.

– А-а-а-ах! Верона! Малышка! Черт! У-у-уф!

В глазах потемнело, я тряхнул башкой, чтобы прийти в себя, но не тут-то было. Меня штормило, комната ходила ходуном, но это уже не от бухла. Я снова закрыл глаза и прижался к Вероне. Вдохнул аромат ее волос и громко застонал. Если это наш первый раз, что будет потом?

– Боль и услада, – говорит она, когда мы немного отдышались.

– Первое вторжение закончено, – смеюсь я и напеваю имперский марш из «Звездных войн».

Обычно на этом мое общение с женщиной заканчивается, но только не с Вероной. Несколько минут я даже не двигаюсь, не хочется покидать ее лоно. Я целую ее в ямочки на щеках. Сжимаю ее так крепко, что она снова морщится от боли.

– Прости, детка, я тебя сегодня затискал.

Выхожу из нее с большой неохотой, но если этого не сделать, Сэм пойдет на второй заход. Она ахает и выгибается. Скатываюсь на бок, убираю с ее лица мокрые пряди волос и облизываю кровоточащие губы. Верона искусала себя и меня, пока я долбился в нее.

– Я и не знала, что Сэм будет так дергаться... ну... когда ты кончаешь. Это так... необычно, приятно и чувствительно... у меня чуть глаза из орбит не выпали, – ее ладонь ложится мой живот. – Руссо?

– М-м-м... – припадаю к ее шее.

– Надеюсь, все наши размолвки позади, я не переживу еще одной ссоры. Я чуть с ума не сошла. Будто я попала в ад: там невыносимо дышать, жуткая боль сдавливала сердце, казалось, еще чуть-чуть, и я физически умру, – она зажимает мою ладонь между коленей и слегка трется, голос дрожит. – Не представляю жизни без тебя. Я не смогу... не смогу...

Поднимаю голову, смотрю в ее бездонные глазища и тону... я пропал... черт... меня больше нет...

Вера

Просыпаюсь от саднящей боли и морщусь. Ох! Любое движение причиняет дискомфорт. Руссо как обычно перебрался ко мне на живот, и я осторожно отодвигаю его тяжеленную голову. Он переворачивается на другой бок, мельком я замечаю на его плече кровавый глубокий след от укуса. Ну, я его и цапнула! После душа мы поменяли простынь, но во мне все еще что-то урчит и изливается наружу. Смотрю на свои ноги – кровь! О, господи! Я залила сукровицей весь матрас! Сколько же это продлится? Ощупываю промежность, вроде кровь уже не идет. У меня нет сменного белья и одежды... Что же делать?

Поднимаюсь с кровати и иду в гардеробную. Хватаю боксеры Руссо и краем глаза вижу три коробки, которых раньше здесь не было. Мне хочется заглянуть, но я сдерживаюсь. Руссо не понравится, если я буду здесь шарить. Мало ли что он там может хранить...

Встаю под душ и вспоминаю все, что было после «первого вторжения». Я еле дошла от кровати до двери, Руссо сказал, что теперь я хожу как курица лапой

и отнес меня в душ на руках. Пока он меня нес, шутил, что теперь мне нужно заказать специальную обувь для «Неповоротливых Куриц», за что тут же получил по макушке. Мы долго целовались под потоком горячей воды. Губы у обоих в крови, это все я... покусала его и себя. Он долго меня не отпускал, гладил и целовал, пока я без сил не скатилась на мраморный пол. Потом он закутал меня в полотенце и отнес в кровать.

Мы долго болтали. Наконец-то я узнала кое-что об их отношениях с Лилианной. Теперь я поняла, что если бы она не стала встречаться с олигархом, Руссо никогда бы не сделал ей предложение. По его словам, в нем проснулось чувство собственности и соперничества, она это тоже понимала. После этого он поклялся, что встречи с девушками переведет в режим отношений на одну ночь; что никогда не будет работать «на дядю» и скопит свой первый миллион к двадцати пяти годам. Я не стала спрашивать, исполнил ли он свою мечту, ведь ему, наверняка, уже больше двадцати пяти.

Эта ночь многое во мне изменила, я дала себе зарок, что больше ни о чем не буду его спрашивать. Если он посчитает нужным посвятить меня в свои дела, то сделает это по своему усмотрению, а не под моим напором.

Когда Руссо уснул, я всерьез задумалась об Адаме. Теперь я понимала, что для Руссо он как красная тряпка для быка. Уж больно эта ситуация смахивает на дежавю. Опять к его девушке проявляет интерес богатый бизнесмен. Адам – клиент бутика и единственный способ не видеть его, это уволиться. В принципе это то, что просил меня сделать Руссо. После возвращения из Владивостока, он не раз давал понять, что мне незачем работать, что он позаботится обо мне. Понимаю, что мама мой поступок не одобрит, но выбора у меня нет, еще одну ссору я не переживу.

Выныриваю из воспоминаний и выключаю воду. Надеваю боксеры, футболку и выхожу в гостиную. Из спальни мне навстречу летит Руссо. Видимо, проснулся и не обнаружил меня в постели. В глазах тревога, но увидев меня в своих боксерах, начинает хохотать.

– Детка, ты такая смешная, – он с жаром целует меня в шею и пытается снять с меня свои трусы.

Только что каждый шаг доставлял мне боль, но вот появился Руссо и мне напрочь сносит голову. Игриво уворачиваюсь, хихикаю и бегу от него со всех ног. Несколько минут я дразню его, бегая вокруг мебели, но долго продержаться не удастся, как только Руссо понимает, что я сама не остановлюсь, делает обманный маневр и хватает меня за руку.

– В гардеробной три коробки твоего шмотья, а ты схватила мои трусы!

– Мне нравятся твои трусы! Особенно эти! – потом до меня доходит смысл его слов и я ахаю. – Это коробки с моими вещами?

Я удивленна, с учетом того, через что мы прошли за последние три дня.

– Да, еще перед ссорой я попросил Катю заказать тебе шмотки, а то я с некоторых пор взял привычку рвать их на тебе. Вчера привезли.

Вспоминаю разговор Кати и Егозы в примерочной бутика. Замираю, наверное, сейчас мои глаза как два больших блюда. Ничего себе! У него ведь была возможность отказаться от доставки, но он этого не сделал... боже мой... он тоже надеялся, что мы помиримся!

– Я люблю тебя, – выпаливаю я и бросаюсь к нему на шею.

Он хватает меня на руки и кружит. Запрокидываю голову и вытягиваю руки. Не помню, когда я так в последний раз хохотала, разве что в раннем детстве. Руссо смотрит на меня не так как раньше. Да, прошлая ночь все изменила. Теперь та самая энергия, что связала нас в первую встречу, постоянно тлеет во мне. Чтобы она проснулась, нужен всего один поцелуй или его томный взгляд, тогда она охватывает меня, словно бурлящий поток, и я перестаю что-либо соображать.

Господи, какой же он красивый! Не могу от него оторваться...

В один миг мы оба перестаем улыбаться. Он останавливается и ставит меня на ноги. Я целую татуировку со своим именем, затем покусанное плечо и крепко прижимаюсь к его груди.

– Ты меня пометила, – шутит он и пальцем проводит по кровавому следу. – Как ты там вчера кричала? Ты моя собачка?! Если и так, то ты бешеная собачка! Нормальные собаки не кусают своих хозяев!

– Мне было больно! – от собственных слов меня уносит в ночные воспоминания, я шумно сглатываю и невольно закрываю глаза.

– Даю честное байкерское слово, что не трону тебя два дня и две ночи.

– Ох, ну не знаю... я думала, что мы утром продолжим... – я хитро шурюсь.

– Нет-нет, детка, тебе нужен отдых.

– Скорее отдых нужен тебе, после всего, что ты натворил за последние два дня, – я шутливо бью его по груди и хочу высвободиться.

Руссо удерживает меня в объятиях, потирает подбородок и спрашивает:

– Теперь-то ты готова лететь в Верону?

– Что? – я отстраняюсь, чтобы лучше разглядеть его лицо. – Нам уже незачем туда лететь...

– Я все распланировал. Один день и две ночи в Вероне на твою романтическую блабуду. А глядя на твои мучения этой ночью, я поклялся себе, что все стойко выдержу. Один день в Милане на шопинг и два дня на Сицилии, вот там я доберусь до тебя по-настоящему, детка. И только попробуй выставить мне оральный контрацептив, сказав «нет».

– Оральный контрацептив? Это что-то новенькое! – смеюсь я.

– Если верить прогнозам, в ближайшие дни на Сицилии будет довольно тепло, температура воды двадцать три градуса. Ну? Что скажешь?

Я прижимаюсь к нему так крепко, что и дураку понятно, каков мой ответ. Он бросает меня на диван и ложиться сверху. Мы долго целуемся, затем Руссо резко отрывается от меня и смотрит в глаза.

– Детка, ты такая сладкая. Ты сводишь меня с ума, – он начинает напевать слова той самой песни, что звучала в такси.

Улыбаюсь и глажу его резко очерченные скулы и подбородок.

– There's an energy when you hold me. When you touch me, it's so powerful. I can feel it when you hold me. When you touch me, it's so powerful⁹.

Тянусь к его трусам и сжимаю Сэма, Руссо стонет от боли и морщится.

– Ох! Прости! – я одергиваю руку.

Он выуживает Сэма из трусов и я застываю от ужаса.

– Что это с ним?

– Сэм получил вчера ранение и ему требуется реабилитация.

⁹ В твоих объятиях есть энергия. Твои прикосновения таят такую силу! Я чувствую ее, когда ты обнимаешь меня.

– Хорошо, что он не пал смертью храбрых, – шучу я, но лицо Руссо мрачнеет и я тут же извиняюсь.

Он вскакивает, поправляет трусы и хлопает меня по попе.

– Поднимайся и марш на кухню, я хочу жрать!

Вскакиваю с дивана, бросаю на него игривый взгляд. Но контакт потерян, Руссо уже весь в своих мыслях. Тяжело вздыхаю и поджимаю губы. О чем он сейчас думает?

– И не шути так про Сэма больше, детка, – слышу я уже за поворотом.

Боже мой, какой же он чувствительный!

Аристарх

Если бы мне хоть одним глазом позволили заглянуть, как пройдет эта Варфоломеевская ночь, я бы наотрез отказался от экзекуции и послал бы Верону на хирургическую дефлорацию. Уж лучше рассечь плеву скальпелем, чем смотреть, как мучается твоя любимая. Нет, конечно, мои собственные ощущения зашкаливали и затмевали все, что было до Вероны, но я шизец как перетрухал за ее психику. Ни на минуту я не забывал о тиране-отце и, что ей бедняжке пришлось пережить в детстве. У большинства таких детей потом проблемы в отношениях, а зачастую и с сексом. У ее брата они точно есть!

Когда я проснулся, то боялся обнаружить ее где-нибудь под столом раскачивающейся и поющей ту самую дурацкую колыбельную песню. Черт! Никогда ее не забуду! Слава богу, мои опасения не подтвердились, Верона была не просто в порядке, а святилась от счастья.

Увидев ее в своих боксерах, я испытал такой драйв, что сгреб ее в охапку и долго кружил как шизоидный романтик. А еще я вздохнул с облегчением, когда понял, что Верона сгребла с полки мою одежду, но не полезла шарить по запечатанным коробкам. Она прошла мой первый тест под названием «Любопытство». Где-то я читал, что любопытство – это дочь невежества, полностью с этим согласен. Терпеть не могу, когда телки роются в моих вещах. Я не раз заставлял их за копанием в телефоне, или бумажнике. После такого я уже им никогда не перезванивал. Именно за любопытство и тотальный контроль я

ненавидел Лили, она приходила в бешенство от того, как рьяно я сопротивлялся и выставлял между нами границы.

Пока Верона колдует на кухне, в моей голове свербит навязчивая мысль: «Что она приготовит? В доме шаром покати». Я зашел в ванную, принял душ, затем побрился и встал перед аптечкой. Нужно найти что-нибудь, что подлатает Цепного Пса Сэма. Морщась от боли, я стянул облезшую кожу с головки и намазал мазь густым слоем. Черт! Ну, надо же было так ухитриться и ведь это со смазкой!

Выхожу из ванной голым. С каменным лицом сажусь за стол.

– Что на завтрак?

Пахнет, кстати, круто, но ей не говорю, хмурюсь, пусть понервничает.

Сегодня я садюга! Ну, еще бы, мазь-то шипит!

– Ты что в таком виде будешь завтракать? – она тарашится на меня как на экспозициониста.

– Намазал Сэма живительным эликсиром, пусть впитается.

– О-о! Все так плохо?

Она кусает губы и краснеет.

– Не парься, детка. Переживу. Хочу жрать. Что ты там сварганила?

– Честно говоря, гордится нечем, даже не знаю, понравится тебе или нет, – куксится Верона, пытаюсь оправдаться. – Как говорится, я это слепила из того что было. Получилась грибная запеканка с макаронами под соусом песто. Мария что, уволилась?

– Нет, я дал ей выходные. Я же думал, что мы улетим.

Верона открывает духовку и вынимает что-то там с запеченной золотистой корочкой. Я облизываюсь. Сейчас я готов сожрать целого барана. Она делит блюдо на две неравные части, мне достается львиная доля. Я протестую, но она шикает и машет на меня рукой.

– Не могу есть, меня немного подташнивает, – признается она.

– Ты в порядке?

– Так всегда бывает, когда я перенервничаю. А вчера был тот еще денек.

– Это точно, – соглашаюсь я, но раз мы уже заговорили о здоровье, напоминаю о предстоящем визите к гинекологу.

– Мне надо записать день и время, – она кидается в прихожую, где лежит ее клатч.

Я оцениваю ее походку, она явно приходит в норму, ночью на нее невозможно было смотреть. Хотя я шутил и подкалывал ее, но на душе скреблись кошки. Она возвращается на кухню с телефоном и записывает время приема у врача. Я пробую ее стряпню и тихо офигиваю, как можно приготовить такую вкуснятину из ничего?

– Верона! Вкусно как всегда! Ты прелесть!

Вытираю рот и целую ее в щеку. Она улыбается и поглаживает мое покусанное плечо.

– Кстати, надо согласовать еще две встречи, на которые нам нужно ехать вдвоем. – Она поднимает удивленный взгляд. – После Италии встретимся с риэлтором. Я выставил эту квартиру на продажу, нам нужно определиться какую квартиру мы хотим...

– Нам?! – она таращит на меня свои глазища. – Ты... ты хочешь... чтобы мы съехались?

– Вроде мы это уже обсуждали, – я нервно сглатываю.

Вид у нее сконфуженный, она хочет что-то сказать, но из последних сил сдерживается.

– Давить не стану. Переедешь, когда сочтешь нужным. Главное, чтобы та, другая квартира тебе нравилась. Понимаешь ход моих мыслей?

Она кивает.

– Все предельно ясно.

– Отлично, – уф, я выдохнул и разом покончил с завтраком.

Смотрю на пустую тарелку, кажется, с Вероной я выживу и на Марсе.

– А вторая встреча? – напоминает она и убирает посуду со стола.

Вот это будет сложнее, я дождался, когда она села на стул.

– Детка, – накрываю ее руку своей ладонью.

От страха она вжала голову в плечи, чувствует неладное.

– Нужно раз и навсегда решить финансовый вопрос. Не хочу, чтобы ты каждый день согласовывала со мной свои траты. Откроем в банке на твоё имя банковскую карту, я буду перечислять на нее согласованную сумму ежемесячно.

Если тебе понадобится больше, тогда ты мне скажешь. Для этого нужно один раз вместе съездить в банк. Лады?

С минуту мы молчим, она изучает меня пронизательным взглядом, потом еле заметно кивает.

– Раз уж зашел такой разговор, то я должна тебе кое-что сказать... – она нервно откашливается, я хмурюсь и убираю руку. – Не хочу, чтобы ты нервничал... э-э-э... вообще... я решила уйти из бутика.

Уф! С облегчением выдыхаю. Неужели все налаживается? После ее слов с моих плеч свалилась трехпудовая гора. Я не говорил ей, но в последнее время у меня с Катей начались проблемы. Раньше я был очень тверд в своих решениях, но теперь, когда в бутике работает Верона, смягчился и дал маху.

– Спасибо, – приглаживаю ее волосы, меня обдает волной благодарности, я знал, как трудно ей было принять это решение. – Поцелуй меня!

Верона чмокает меня в щеку и опасно смотрит на Сэма, тот тут же качается. Усмехаюсь, подхватываю ее со стула, пересаживаю к себе на колени. Моя сладкая девочка!

Я уже был готов плюнуть на все обещания, так сильно Верона жалась ко мне и постанывала, но мой настрой резко сбил телефонный звонок. Проклятье! Смотрю на дисплей Нтс, это рабочий телефон Бизона.

– Детка, иди, собери свой чемодан. Нам через два часа выезжать из дома.

– Ты же сказал, что мы поедем налегке...

– Я так сказал потому, что на сборы не было времени, а теперь у нас есть два часа. Успеешь?

Она радостно кивает и бежит в гардеробную.

– Бизон? – отвечаю на телефонный звонок.

– Приезжай. Надо перетереть на счет бабла, – рычит Бизон.

– Я сейчас не в Москве, – не хочу, чтобы этот придурок помешал моим планам, – приеду через четыре дня.

Бизон материться, как бомж с Курского вокзала и бросает трубку.

Да пошел ты!

Глава третья

Аристарх

Не думал, что мы можем поругаться с Вероной из-за какого-то дурацкого купальника. Все началось во время сбора вещей. Она завела меня своими нарядами, то и дело, выпархивая из гардеробной в новом образе. Каждый раз она изображала на лице новую гримасу и пританцовывала, показывая свое отношение к прикиду. Я, то ржал, как подорванный, то ерзал от нахлынувшей страсти. Мысленно я уже попрощался с ее шмотками и заказал новые, так мне хотелось сорвать с нее все и на хрен никуда уже не лететь. Но тут Верона услышала от меня, что на вилле у нас будет свой частный пляж. Поэтому последним в этой бесконечной веренице был выбор купальника. Катя положила в коробку три на выбор. Ох, доберусь я до сеструхи и долбану по ее семи чакрам!

– Ты в гимнастический зал меня отправляешь или на пляж? – показывает она на закрытый черный купальник и мечет на меня гневный взгляд. – Может, паранджу еще на меня наденешь?

– Неплохая, кстати, мысль, – я шурюсь и, глядя на нее, разваливаюсь на диване, руки сцепляю за головой. Вид блаженный.

– Я не пойду в таком виде на пляж!

– Ладно, готов пойти на компромисс, надевай следующий.

Во второй ее выход со мной чуть не случился сердечный приступ. В какие-то считанные секунды меня накрывает волна ревности и гнева, лицо краснеет, на лбу вздуваются вены. Я вскакиваю с дивана и ору:

– Ты с ума сошла?! Это купальник?! Нет, нет и нет! Это какие-то две веревочки!

Оттягиваю полоску на трусах, резко отпускаю, жгут больно бьет по коже. Она вскрикивает.

– Снимай немедленно! Пока тебя никто не увидел, а мне не пришлось окатывать зевак из огнетушителя!

– Я беру его! И точка! – кричит Верона.

– Нет, не берешь!

Я рву три треугольника, полоски лопаются, она опять вскрикивает и, в чем мать родила, бежит в гардеробную.

- Надевай третий! Или вообще полетишь без купальника!
- Прекрасно! Буду купаться голой! – кричит она мне из коридора.
- Верона! – рычу я. – Не дразни меня!

Третий выход был в белом раздельном купальнике. Я замираю. Слов нет. Черт! Это круто!

- Ладно, детка, остановимся на этом, – хриплю я.
- Заметь, ты сам на это согласился, – ее глаза горят, чую подвох.

Она поворачивается и виляет попкой. Проклятье! Ягодицы почти обнажены. После пятиминутного бега по квартире мне удалось поймать эту Ходячую Дерзость и стянуть с нее купальник. Но уступать она не собиралась. Уперла руки в бока и сказала, что именно в этом купальнике она намерена поджарить себе ягодицы на солнце и мне нечего бояться, так как я буду рядом и контролировать ситуацию.

Вы когда-нибудь спорили с голой женщиной? Нет? И не пытайтесь! Вы все равно проиграете! Голая добьется всего! Вот и Верона демонстративно бросила купальник в чемодан, застегнула молнию и с вызовом поставила на него ногу. Уф! На Сицилии я преподам урок этой упрямце! Она еще вспомнит этот момент и горько пожалеет!

Я рано расслабился! Все, что было в моей квартире, были цветочки. Ягодки начались, как только мы приехали в аэропорт. Верона в новом черно-белом коротком платье и зеленых туфлях притягивала внимание всех мужиков. Черт! Я сам завелся перед выходом из квартиры, когда увидел ее прикид и только раненый Сэм спас положение.

Из-за плотоядных взглядов я не мог отойти от нее ни на минуту, пришлось отвечать на звонки партнеров, сидя рядом и держа ее за руку. Мне хотелось всему миру заявить на нее свои права, чтобы ни у одного хрена в голове не возникло даже намек на желание обладать тем, что принадлежит теперь мне. Я так накрутил себя, что метал яростные взгляды во всех, кто поворачивался в нашу сторону. Когда мы прошли регистрацию, я перешел к активным действиям. Одному поставил подножку, пока Верона рассматривала часы в дьюти-фри. А не хрен пялиться на ноги моей малышки! Другому, как бы невзначай, наступил на ногу. Тот по ходу тоже потонул в синих бездонных глазах. Третьему так и вовсе

не за что досталось, оказывается, он высматривал в магазине свою жену, которая была в такого же цвета платье, а получил от меня под дых, когда тронул Верону за плечо. Пока тощая тетка показывала Вероне помаду, я подошел к без вины пострадавшему и извинился, типа вышло недоразумение, а он попятился от меня как от чумы. Ну и хрен с ним! Я редко бываю вежлив, не оценил – его проблемы! После этого инцидента я заставил себя остыть. Но в зале ожидания меня накрыло новой волной ревности. Проклятье! Так мы не долетим до Италии!

Чем ближе вылет, тем чаще звонки. Черт! Они что все с ума посходили! Проблемы сыпались одна за другой и я только успевал переводить удары на нанятых для таких случаев спецов. Только сейчас я понял, что выходом из трех проектов ситуацию не разрулить. Мне хочется быть с Вероной, чувствовать ее присутствие везде и всегда, а это нереально с учетом ее учебы и моей загруженности. За последние две недели мне удалось всех приучить, что в воскресенье у меня выходной, но этого, по-видимому, будет мало.

Пока мы не сели в самолет, я то и дело кидал на Верону оценивающие взгляды. В дьюти-фри ей многое приглянулось, но она ни разу ничего не попросила. Для нее мне ничего не жалко, а не настоял я на покупке по одной простой причине: все, что ей нужно мы купим в Милане. Но для себя я сделал пометку, Верона не будет по часу висеть с восторженным лицом перед прилавком, давая понять, что ей что-то приглянулось, как делают другие телки.

Спокойствие пришло, как только я услышал, что она слушает в наушниках песню «Powerful», от которой я фанател в последние дни. Она улыбалась, сжимала мою руку, тяжело дышала, то и дело закрывала глаза. Я понял, что она там, в нашей первой ночи и с облегчением выдохнул.

Вера

Самолет отрывается от земли и взмывает вверх как птица. Я восторженно кручу головой, мне хочется смотреть во все окна – это мой первый полет. Честно говоря, я никогда не выезжала за пределы Московской области, за исключением двух поездок к родне в Харьков и Днепропетровск, куда мы с мамой добирались поездом. Глядя на мой испуганный вид и почти детские комментарии, Руссо

посмеивается и сжимает мою руку. На нем зеленая рубашка под цвет его глаз и узкие серые брюки. Закатанные рукава оголяют татуировки. Ремень с пряжкой в виде головы буйвола и медальон с черепом придают его вполне классическому облику брутальности. Ах, ну и конечно, покусанные губы, и сбитые костяшки пальцев. Интересно, они у него заживут когда-нибудь?

Пока мы проходили регистрацию и ожидали посадки, на него глазели буквально все женщины. Оборачивались замужние дамы и девчонки-подростки. Еще бы, такой красавчик! Меня это порядком достало, когда объявили наш рейс, я была уже на грани истерики. Руссо выглядел очень напряженным, видимо, из-за непрекращающихся телефонных звонков. На этот раз он не отходил от меня, даже когда говорил о делах. Из этих разговоров я поняла, что он скоро будет участвовать в каких-то торгах. Что один из его проектов – боулинг-клуб и там проблемы с проверкой из налоговой. Теперь я знаю, что у Руссо есть свой личный бухгалтер, адвокат и корпоративный юрист, который улаживает дела между партнерами.

Я отправила подругам и брату сообщения, что мы в аэропорту и вылетаем в Италию. Софа пожелала мне удачи. Саня написал: «Береги себя», а с Анной у меня завязалась бурная переписка. Конечно, я не смогла устоять и сообщила ей, что у нас все уже произошло. Она тут же мне перезвонила, но я сбросила звонок и написала, что сейчас не могу говорить. После чего переписка продолжилась. От нее я узнаю, что Саня эту ночь ночевал в коттедже и расплываюсь в улыбке. Мама миа, значит, не только у нас с Руссо был этой ночью первый секс.

– Чего улыбаешься? – Руссо притягивает меня к себе ближе, пытается заглянуть в переписку.

Рассказываю ему новость, он кривится в усмешке.

– Не знал, что Курт так быстро сдастся, думал, он ее еще немного помурьжит.

Распахиваю глаза от удивления.

– Он знал все это время, что нравится ей?

– Верона, она предложила ему остаться на ночь еще, когда ты жила в общежитии. Он приехал к тебе, а ты в тот день была со мной.

Вот это да!

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Я думал, ты знала, вы ведь подруги.

Как всегда Софа в своем репертуаре! Сначала пошла напролом, а когда не получилось, подключила меня. Вот, пройдоха!

– Нет, ничего такого она мне не рассказывала.

Разговор прервало объявление о посадке на наш рейс.

Мы летели три с половиной часа, за это время я ни разу не прикрыла глаз. В отличие от меня Руссо уснул, как только самолет набрал высоту. К нам подошла стюардесса с тележкой и хотела его разбудить, чтобы предложить напитки, но я так на нее шикнула, что она попятилась со своей тележкой к следующему креслу. Такое поведение для меня самой было полной неожиданностью, видимо, я на ходу училась отвоевывать свою территорию. Моя выходка не осталась незамеченной. Руссо открыл один глаз, расплылся в улыбке и пробормотал что-то невнятное, потом взял меня за руку и не отпускал, пока я не запросилась в туалет. Почему-то он пошел со мной и стоял у двери как часовой.

Руссо снова уснул, но когда принесли еду, пришлось его снова будить. Но он сонным голосом прохрипел, что разрешает выкинуть свой паек. Конечно, я этого не сделала, а умяла все, что было на двух подносах. Завтрак я практически отдала Руссо, так как еще не привыкла рассчитывать его норму. Когда я готовлю на два дня, получается на один раз. Как в него все это помещается ума не приложу, наверное, из-за того что он такой энергичный, съеденное не влияет на его фигуру, а сгорает как в топке. Со мной это точно не пройдет, как только я наращиваю объем поглощаемой пищи, утренняя гимнастика уже не справляется и мне приходится удваивать физическую нагрузку.

Италия буквально взорвала мне мозг! Она поделила мою жизнь на «до» и «после». Приехала я туда одним человеком, уехала совершенно другим. Мне будто вручили ангельские крылья и показали направление куда лететь. Никогда не видела такого скопления красивых и модно одетых людей. Сами итальянцы поразили меня с первой минуты: страстные, эмоциональные, в глазах огонь. Они все делают от сердца и души, даже ругаются как-то красиво и сексуально. За

четыре дня пребывания в Италии я, наверное, выпила ящик вина. Вино было повсюду, за завтраком, за обедом, за десертом и ужином и, конечно же, ночью. Какая же ночь в Италии без вина? Пьянил меня и особый аромат, витающий в воздухе и наполняющий всю мою сущность. Будто именно здесь я прошла посвящение и стала настоящей женщиной.

Мы приземлились в аэропорту, когда было еще светло. Руссо предложил заселиться в гостиницу, затем пойти поужинать и погулять по ночному городу. Первую ночь мы провели в гостинице «Due Torri», что в переводе означало «Две башни», расположенной в исторической части города, неподалеку от Арены. Этот дворец четырнадцатого века уже существовал, когда Верону потрясла история Ромео и Джульетты.

Номер был заранее подготовлен к нашему приезду. На кровати лежала приветственная открытка от администрации отеля, в которую были вписаны наши имена. Большое двухуровневое блюдо, наполненное фруктами и мини-пирожными, вызвало во мне такой восторг, что я не успокоилась, пока не перепробовала все виды. Мама миа, моя талия! На столе огромный букет экзотических цветов, наверное, он стоил Руссо кучу денег, как собственно и сам номер.

Пока Руссо переодевался и принимал душ, я фотографировала буквально все что видела: балкончик уставленный цветами, что выходил на площадь, мягкое стеганое изголовье кровати, красную стену с невероятной по текстуре штукатуркой, многослойные шторы с массивными кистями, канделябры, хрустальную люстру, конечно же, всякие статуэтки и запотевшую бутылку шампанского в золотом ведерке.

Не удержалась, отослала фотографии Анне и тут же получила восторженные комментарии.

– Детка, ты еще не готова? – Руссо стоит в дверях уже одетый, волосы красиво уложены.

От его вида меня чуть инфаркт не хватил. На нем белая рубашка с черными запонками и черные брюки.

– Столько впечатлений, я так растеряна, не знаю, что надеть...

Он подходит к моему раскрытому чемодану, выуживает голубое длинное платье с открытой спиной и кидает его на кровать.

– Учти, я долго ждать не буду, – недовольно бурчит он и идет на балкон.

У него снова испортилось настроение, но я слишком поглощена новыми эмоциями, чтобы спросить из-за чего.

Вскакиваю на ноги и мчусь в ванную. Еще никогда я так быстро не собиралась. После душа уложила волосы волнистыми прядями, надела новое нижнее белье. Затем облачилась в платье, подкрасила глаза и нанесла розовый блеск для губ. Перед выходом бросаю прощальный оценивающий взгляд в зеркало и на мгновение застываю. Боже мой! Как же я изменилась! Глаза искрятся и горят, как тысячи китайских фонариков одновременно запущенных в небо. Лицо смягчилось и разгладилось, словно я сутки пролежала под чудодейственной маской. Картину, конечно, портят покусанные губы, но почему-то Руссо от них фанатеет, этим я себя и успокаиваю.

Выхожу из ванной и застываю как вкопанная. Зрелище не для женщин с утонченным восприятием мира. Руссо стоит на балконе, руки в карманах брюк. Волосы развиваются под порывом теплого осеннего ветра. На город опускается ночь, последние всполохи заката окрашивают багрянцем его лицо.

– О боже! – восклицаю я, он резко поворачивается и пробегается по мне взглядом, в котором я чувствую желание. – Ты специально выбрал момент?

Он хмурится и заходит в номер. Не могу отвести глаз от тату с моим именем. В обрамлении белой рубашки она выглядит еще контрастнее. Внизу живота разливается тепло.

– Шампанского?

Я киваю.

– За твой первый приезд в Италию, – он протягивает бокал.

Шампанское оказалось розовым и очень вкусным. Руссо делает один глоток и отставляет бокал. Он дожидается, когда я неторопливо допиваю свой, и тоже отставляет его в сторону.

– Ты, наверное, устала с дороги, я решил не блуждать по городу и заказал ужин в отеле, – он берет меня за руку и ведет по длинному коридору к лифту.

Шлейф платья такой длинный, что волочится по ковровой дорожке. Интересно, какого он будет цвета, когда я вернусь с ужина? Боже, о чем я сейчас думаю?! Нужно расслабиться и получать удовольствие, черт с ним с этим платьем! Сжимаю крепко руку Руссо, он поворачивается. Я улыбаюсь ему. По мере приближения к лифту он немного оттаивает.

Как только мы входим в холл первого этажа, я впервые чувствую на себе восторженные взгляды мужчин. Хе-хе, оказывается не такая я уж серая мышка! Руссо тоже это видит и снова начинает нервничать. Я обнимаю его за талию и прижимаюсь к бедру. От чего он громко выдыхает и сжимает мои плечи.

В ресторане немногочисленно, от этого я испытываю небольшое облегчение. Нас окружает атмосфера средневековья. Теперь я понимаю, почему Руссо выбрал именно это место.

– Завтра у нас насыщенный день, – говорит он, помогая мне сесть. – С утра мы идем на кулинарный мастер-класс к знаменитому шефу... не помню имени. Тусовка будет здесь в отеле на террасе. Потом небольшая экскурсия по городу. Обед. Затем основная экскурсия «По следам Ромео и Джульетты», которая продлится четыре часа, так что нужно подготовиться к длительной пешей прогулке. А послезавтра утром мы возьмем машину напрокат и укатим в Милан.

У меня загораются глаза, не могу сдержать щенячьего восторга.

Официант приносит меню, оно на двух языках: английском и итальянском.

– Руссо, закажи на нас двоих, не хочу тратить время на изучение меню, все равно я ничего не понимаю.

– Все очень просто, детка, – усмехается Руссо, – где бы ты ни была, всегда проси фирменное блюдо, только предварительно узнай ингредиенты. Обычно, это самое лучшее из всего меню. Шеф повар лично его готовит.

За ужином Руссо был молчалив. По его виду я поняла, что сейчас лучше не прерывать ход его мыслей. Да, конечно, меня распирало от эмоций и не терпелось поделиться с ним своими впечатлениями. Губы шевелятся, лицо напряжено, он не здесь, а где-то далеко, мысленно решает свои рабочие вопросы.

Как и сказал Руссо, после ужина сил на прогулку уже не осталось, и мы решили, что самое время вернуться в номер и лечь спать пораньше.

Аристарх

Верона так ухандокалась, что придя в номер, сразу завалилась спать. Теперь посапывает на боку, а лунный свет освещает ее умиротворенное лицо. Я сижу в кресле, закинув ногу на ногу, и не свожу с нее глаз. Какая же она красивая и нежная, будто бутон распускающегося на моих глазах цветка. Я даже не успеваю отследить перемены в ее облике. Вчера она была еще девчонкой с угловатыми манерами, а к ужину вышла такая элегантная и изящная, что я понял, если не буду сдерживать свою ревность, драки в ресторане не избежать. Так и вышло, на нее пялились все мужики, а я только успевал метать в них колюще-режущие взгляды. Если бы хоть кто-то из этих поганцев ей улыбнулся, убил бы на хрен! Меня остудила мысль, что если меня арестуют, Верона останется одна одинешенька в чужой стране.

События вчерашнего дня только сейчас окончательно уложились у меня в голове. Мы сделали это! Смели последнюю преграду между нашей близостью. Никогда ничего подобного не испытывал. Оргазм был вымученным, но когда открыл глаза несколько секунд приходил в себя, как от улётного кайфа. А после лежал и пялился на Верону, не в силах осознать насколько я перед ней обнажен душой и уязвим. Поначалу меня накрыла паника, не привык я показывать свою слабость, но видя ее состояние, понял, что она в таком же положении, как и я. Никогда еще я не был так нежен и внимателен, как в прошлую ночь. Обычно после секса я несея в душ и скоблил тело мочалкой, чтобы поскорее смыть с себя чужеродный запах. Но запах Вероны торкает меня не по-детски и смывать его совсем не хочется. Да я и не мылся, только смыл с Сэма кровь. В душе меня не отпускало, хотелось заласкать Верону до обморока. В сущности так и получилось, я не отпускал ее, пока Верона не «поплыла». От вида крови на простыне меня немного замутило, но я быстро взял себя в руки, поменял простынь, а окровавленную закинул в стиралку. Перед этим с минуту на нее тарашился, пытаюсь осознать, что сделал. Верона стала моей. Теперь уже по-настоящему. Не знаю, куда нас это заведет, но отпускать я ее не намерен.

Телефон в беззвучном режиме. Вспышка экрана оповещает об очередном смс. Пришло сообщение от Демона. Пишет, что Бизон попросил прайсы,

довольно крупную сумму и спрашивает что у нас за терки. Я вкратце описываю ему ситуацию, но тот все равно не догоняет. Тогда я накидываю куртку и выхожу на балкон. Набираю его телефон и подробно объясняю события последних дней.

– Не пойму, он, что просит у меня бабло чтоб тебе отдать? Что за хрень?!

Демон сам по себе тугодум, а тут еще ситуация под стать, но я набираюсь терпения, напряг с ним мне сейчас не нужен.

– Мы решили, что он составит график выплат и свяжется со мной. По срокам я его не тороплю. Не знаю, почему он резко подорвался. Вопрос не в прайсах, а в самом решении. С первого октября я в клубе не при делах.

– А чего ты заартачился-то? Что не так?

Не хочу вдаваться в подробности, что-то мне подсказывает, что Демон моему уходу из клуба будет только рад, возможно, даже сам перекупит мою долю.

– Да все! Мы по-разному смотрим на бизнес. Дорожки разошлись.

– Он рыщет по городу и отжимает со всех бабло. Ему нужно гораздо больше, чем он тебе должен. У него еще какие-то грабли, но он молчит, как рыба.

– Я не в теме. Мы уже год как с ним не контактируем. А теперь и вовсе разосрались.

– Херня какая-то! Подъезжай завтра, перетрем его дела.

Черт! Как я за калитку, так сразу нужен во дворе.

– Я не в Москве, приеду только через четыре дня.

Демон матерится.

– А что с трансляцией боев? Годзилла напрягся как при запоре.

– Кувалда ручается за людей. Не знаю, я тоже против, общего решения пока нет. На бумаге предложение очень заманчивое, а на деле можем вылететь из собственного бизнеса, как пробка из бутылки.

– Ты можешь переслать мне бумаги?

На кой черт ему бумаги? Он даже не знает что такое маркетинговый анализ.

– Папка осталась в Москве. Как приеду, привезу.

Демон говорит, что позвонит, если возникнут еще вопросы. А я не сомневаюсь, что они возникнут. Черт! Отключить что ли мобилу? Не хочу, чтобы нас с Вероной кто-то отвлекал.

Возвращаюсь в номер, Верона перевернулась на другой бок, отбросила одеяло и оголила стройные ноги. Смотрю на изгиб ее тела и чувствую, как поднимается изнутри волна нежности. Что-то меня после двухдневного randevу по Москве куда-то занесло. Захлебываюсь от ревности. Устраиваю ей какие-то дурацкие тесты, будто не знаю ее настоящую. Вот она... лежит передо мной, открытая, готовая ко всему, что я могу ей дать. А во мне все еще тлеет огонек недоверия и осторожности. Чего боюсь? Что она разобьет мне сердце? Что уйдет? Но она отдает мне все, а взамен попросила только привезти сюда, в Верону.

Экран телефона снова подсвечивается. Входящий звонок. Лили! Вот сука! Никак не оставит меня в покое! Надо с этим кончать. Натягиваю джинсы, хватаю куртку и выхожу из номера в коридор.

– Слушаю, – отвечаю я стальным голосом.

– Аристарх?

Я молчу. Сказал же что слушаю, чего ей еще надо? Она тоже молчит, тяжело дышит в трубку. Мы что будем играть в «Кто громче дышит»?

– Что тебе нужно? – рявкаю со злостью.

– Хочу извиниться, я не должна была так на тебя накидываться.

– Извинилась, что дальше?

Выхожу на лестницу и спускаюсь на первый этаж по мраморным ступеням.

– Мы можем встретиться? Ты мне нужен...

– А ты мне нет!

Как же я зол на нее!

– Неправда... ты все еще любишь меня, я это чувствую...

– Чутье тебя подводит, Лили, во мне нет ничего кроме ненависти.

– Я хочу вернуть тебя, Аристарх, я совершила большую ошибку и хочу ее исправить. Дай мне шанс.

Я ждал этого звонка три года, чертовых три года! И что? Теперь, когда я слышу ее голос, не чувствую ровным счетом НИЧЕГО! Ни хрена! Ни облегчения, ни злорадства, ни радости.

– Не поздновато ли ты проснулась?

– Лучше поздно, чем никогда, – усмехается она и тяжело вздыхает.

– Мое сердце занято, Лили, я люблю другую.

– Ты про ту девочку с большими глазами? – она с издевкой ухмыляется. – Господи, Аристарх, она же еще ребенок. Она не для тебя. Она вообще знает тебя? Знает, что на самом деле тебе нужно?

Она говорит о наших странных отношениях, когда я прилюдно требовал доказательств ее любви. Я трахал ее в общественных местах, подогревая ее и свою страсть. Мне всегда чего-то с ней не хватало, я ходил по лезвию ножа. Однажды даже приказал ей прыгнуть в фонтан в парке, она незамедлительно это сделала. Я все время сомневался в ней, все время искал доказательств ее неверности, и никакие ее действия не могли меня убедить. Пока она реально не подтвердила, что никогда меня не любила. Но вот чего она не знает, так это то, что таким я был только с ней.

– А кто для меня? Ты?

Молчит. Слышу, как она всхлипывает в трубку. Сука!

– Ты предала меня, Лили! Кинула! Назад дороги нет!

– Аристарх... не говори так... я люблю тебя. Все еще люблю. Я закрываю глаза и вспоминаю наш сумасшедший секс. Такое нельзя забыть, я знаю, ты тоже это помнишь!

Голова заполняется туманом, смахиваю нахлынувшие воспоминания. Черт! Только Лили знает, как достать меня по самые яйца! Но тут я вспоминаю слова Годзиллы и спрашиваю:

– Почему сейчас, Лили? А? Ты жила три года в нос не дула, а сейчас подорвалась и начала атаку звонками, заявила в бутик. Что на самом деле происходит? Тебя выгнал муж? Оставил ни с чем? И ты от скуки решила вспомнить о парне, который когда-то сходил по тебе с ума?

– Не скрою, в моем браке не все так гладко...

– Значит, я прав! – ору я. – Я твой парень на замену! Только вот ты не учла, что больше нет того парня! Нет больше Аристарха! Есть кто-то другой, кого бесит твой голос. От одного твоего вида его тошнит. Он смотрит на тебя и думает, какого черта я потратил два года вот на ЭТО!

Щелчок. Смотрю на дисплей, она разъединила связь. Сука! Не хочет слышать правду... еще бы!

Я зол, очень зол! Мне нужно выпустить пар. Только сейчас я понимаю, что стою посреди площади без рубашки и босиком, точно бомж. Возвращаюсь в фойе отеля и спрашиваю у администратора, есть ли у них зал для фитнеса? Тот кивает, объясняет, как пройти на цокольный этаж.

Через час, взмокший и обессиленный, я вваливаюсь в номер и, еле волоча ноги, плетусь в ванную.

– Руссо, – слышу я сонный голос Вероны. – Все в порядке?

– Да, детка, – скидываю куртку и джинсы на пол, – немного побоксировал, сейчас приму душ и приду к тебе.

Вера

Этот необычный и знаменательный день начался с кулинарного мастер-класса, который проводил известный итальянский шеф-повар на террасе отеля. Было организовано шоу, на котором каждый желающий мог стать помощником шефа и приготовить совместный завтрак. Руссо поднял мою руку. Я тут же на него шикнула и покраснела. Но он с невозмутимым видом сказал, что я должна разнообразить свои навыки и это прекрасная возможность посмотреть шефа в деле. Он представил меня шефу как Верону, тот расплылся в улыбке и громко захлопал в ладоши. Верона в Вероне! Как весело!

Я и еще несколько постояльцев отеля прошли на импровизированную сцену. Руссо вызвался переводить, так как моего знания английского было недостаточно. Каждому участнику шеф дал задание, мне достались оладьи, но я предложила свой рецепт блинчиков. Шеф с радостью согласился. Он помогал каждому участнику, но ко мне практически не подходил и так было видно, что я сама прекрасно справляюсь. Процесс приготовления проходил в расслабленной атмосфере, звучали песни на итальянском языке, шеф подпевал и вел себя очень экстравагантно: как жонглер подбрасывал фрукты, затем сорвал из кашпо цветы и закрепил их к фартукам участников с эмблемой отеля. Когда он подошел ко мне,

Руссо ловко вырвал у него из рук цветов и сам воткнул мне в петлицу. Шеф сначала сконфузился, но потом оценил его поступок похлопыванием по плечу.

Все закончилось тем, что шеф внес изюминку оформлением блюд всех участников и надо сказать, сделал это мастерски. В каждую порцию моих блинчиков он добавил нарезанную веером клубнику и мороженное. Далее началось голосование, присутствующие подходили к столику каждого участника, снимали пробу и оставляли свой голос. Набрав большее количество голосов, я так была горда, что чуть не расплакалась. Руссо вовремя вывел меня из транса, обмазал мороженым щеки, а потом под шквал аплодисментов слизал его.

В качестве приза мне вручили приглашение на недельные курсы, этому, конечно, Руссо не обрадовался и я, как бы невзначай, оставила пригласительный на столе. Но когда вернулась за забытой курткой, буклета, почему-то там не оказалось. Как говорится, моя потеря – чья-то находка. Ладно, я не обиде, пусть хоть кому-то эти курсы принесут пользу, не пропадать же такой возможности.

На выходе из отеля нас ждала гид – молодая женщина по имени Лола. Она повела нас сразу на Арену ди Верона, это третий по величине амфитеатр в Италии, по пути обстоятельно рассказывая историю города. Затем мы посетили замок Кастельвеккио, построенный в восьмом веке. Руссо был весь в своих мыслях, гида он явно не слушал, но терпеливо шагал за нами и частенько хватал меня, то за руки, то за плечи, давая понять, что рядом. Я была ему благодарна уже за то, что мы вообще сюда приехали и то, как он грамотно распланировал наше пребывание.

Распрощавшись с гидом, мы пообедали в маленьком семейном ресторанчике, который нам посоветовал администратор отеля. Два зала были забиты до отказа, нам повезло, молодая пара с ребенком только покинули один столик и мы тут же его заняли. Туристов было мало, в основном обедали местные жители. Мы съели две отменные мясные пиццы и направились в парк скоротать часок до следующей экскурсии и набраться немного сил. Многочасовая ходьба по городу нас немного утомила.

Мы сидели с Руссо на скамейке, он просматривал список входящих звонков и некоторым тут же перезванивал. Краем глаза я заметила, что ему вчера звонила бывшая девушка и тут же надула губы.

– Ты чего? – напрягся Руссо, закончив очередной разговор.

– Почему ты не сказал, что тебе звонила Лилианна? Это из-за нее ты сорвался и побежал в спортзал?

Руссо долго молчал, я все это время нервно покусывала губы, пока они снова не закровоточили.

– Она несла всякую чушь про то, что хочет меня вернуть... – наконец-то выпалил он.

– Что? – я вскочила и вытаращилась на Руссо, усталость как рукой сняло. – Какая наглость! Так и сказала?

– Угу, – Руссо неотрывно пялился в телефон. – Я же говорю – чушь...

– И что ты ей ответил? – мой голос предательски задрожал.

Руссо тут же поднял на меня глаза.

– А что я ей мог ответить, Верона? Как ты думаешь?

Я ничего не думала, а просто впала в ступор.

– Послал ее куда подальше! Вот что! Меня злит, что ты это спрашиваешь...

– Злит? Тебя? – я срываюсь с места и бегу к выходу.

Куда меня несет? Опять я сначала делаю, потом думаю! Я даже понятия не имею, в какой стороне отель. Глаза застилают слезы. Так и знала, что вся эта история всплывет еще не один раз. Она не оставляет его в покое. Они прожили два года вместе, а мы знакомы всего месяц. Какой-то жалкий месяц! У меня нет ни шанса!

Руссо нагоняет меня на выходе из парка и разворачивает к себе.

– Верона! Если ты еще раз так сделаешь, я за себя не отвечаю! – орет он мне в лицо. – Какого хрена?! Куда ты рванула?!

Он трясет меня за плечи, я уже плачу навзрыд. Руссо прижимает меня к себе так крепко, что аж кости трещат.

– Ты чего? Малышка? Поговори со мной!

– Она добьется того, чего хочет. Я знаю...

– Верона, ты, что меня ревнуешь к бывшей?

Я молчу и дураку понятно, что ревную.

– Я люблю тебя, Верона, ты же знаешь это, – он покрывает мое лицо поцелуями и прижимает к груди. – Черт! Верона, мне никто кроме тебя не нужен!

Успокойся, малышка, не забивай свою красивую голову всякой ерундой. Честно говоря, о ее звонке я не хотел тебе говорить, знал, что ты расстроишься.

– Нет, я должна знать.

– Зачем? Чтобы изводить себя?

Мы вернулись в парк. Руссо посадил меня к себе на колени и мы еще долго сидели обнявшись и смотрели, как на соседней скамейке пожилая итальянка подкармливала голубей. Руссо то и дело шептал мне всякие сальности, что он сделает со мной, когда мы приедем на Сицилию. От его слов я так раскраснелась, что воспряла духом и к началу следующей экскурсии святилась как рождественская елка.

Аристарх

Я приготовился к очередному нудному рассказу и утомительному походу, но увидев, что мы будем на экскурсии не одни, воспрял. Нас было три пары. С чуваками, Артемом и Робертом, я сразу скентовался. Еще бы! У одного в сумке вискарь, у другого армянский коньяк. Фрукты и сыр из отеля на закусон. Так сказать, основательно подготовились. Один я тут олух! Но я сразу реабилитировался и сказал, что ужин за мой счет. Вероне тоже приглянулась новая компания и шумной толпой мы направились к дому Ромео.

Пока наши девчонки внимали рассказам гида, мы украдкой раскупорили вискарь и дважды приложились. Ух! Я встряхнул башкой. Круто! Эта экскурсия мне уже нравится.

В дом Ромео мы попасть не смогли, оказывается эта частная резиденция и ее можно осмотреть только с внешней стороны. На хрена мы сюда приперлись? Посмотреть на каменную кладку? Гид подвела нас к зубчатой стене и долго тараторила про историю семьи Монтеки. Оказывается, дом использовался, как крепость. Из-за терок между группировками все влиятельные семьи имели подобные укрепленные владения. На этом я отключил свое внимание и смотрел только на Верону. Моя малышка излучала такой свет, что я не в состоянии был отвезти от нее глаз. Какая же она славная, непосредственная и смешная. А когда поднимает на меня синие глазища я тону. Черт! Я втрескался по уши!

Вискарь мы приговорили в три захода. Пока шли по извилистым улочкам чуваки распечатали коньяк и на втором заходе мы были пойманы с поличным. Девчонки раскудахтались в три голоса. Тогда я нырнул в винный погребок и вышел оттуда с бутылкой красного вина и одноразовыми стаканчиками. Сегодня никто не должен остаться без выпивки. Даже гид! Она долго сопротивлялась, но я настоял. А как известно, бабы отказать мне не могут. Черт! Ну и развезло же меня...

К дому Джульетты мы подходили с раскрасневшимися лицами и улыбкой до ушей. Во дворе стояла статуя Джульетты и все терли ей груди. Я, конечно, тоже заценил размерчик, ничего так была эта Джульетта! И это в тринадцать-то лет! Чуваки попались с юморком и мы зажигали до того момента, пока девчонки не поднялись на балкон Джульетты. Тут я понял, что это особенная церемония должна сопровождаться романтическими излияниями. Типа мы это группка от лица Ромео, а они типа Джульетты. Чуваки начали корежиться и что-то там из себя изображать. Пошла романтическая блабуда, но вокруг был такой галдешь, что их было еле слышно. Это не моя тема, но оставить свою малышку без внимания я не мог и потянулся к телефону. Нашел мелодию Джо Кокера и, дождавшись, когда озадаченная и сконфуженная моим молчанием Верона останется на балконе одна, включил аудио файл и затянул:

– You are so beautiful to me. You are so beautiful to me. Can't you see. You're everything I hoped for. You're everything I need. You are so beautiful to me¹⁰.

Вокруг меня начала собираться толпа япошек и снимать на телефон. Черт! Откуда их столько набежало?

Верона прикрыла рот рукой, на глазах слезы. Моя малышка плачет по любому поводу. Пою второй куплет, одна рука лежит на груди, вторая сжимает телефон. Добавляю хрипотцы в голос, это же Джо Кокер!

Когда я допел, она уже летела ко мне со всех ног. Запрыгнув на меня, она обвила своими стройными ножками мои бедра, еле устоял на ногах.

– Я люблю тебя, Верона, – прошептал я ей на ухо.

¹⁰ Ты так прекрасна для меня, ты так прекрасна для меня. Неужели не видишь, что ты – все, на что я надеялся, ты – все, что мне нужно. Ты так прекрасна для меня.

Дальнейшее помню урывками, коньяк шаршил по венам и туманил башку. Странно то, что, даже напившись, я чувствовал себя на высоте. Никакого раздража и ярости. Мы посетили могилу Джульетты. Верона возложила на гробницу маленький букетик белых лилий. Я усмехнулся, поняв, что она прихватила цветы из отеля и таскала их в сумке все это время. Где похоронен Ромео я так и не понял, хотя этой теме гид посвятила не одну минуту.

Меня пробило не на шутку, я тарашился на Верону как умалишенный. В ее скорбном облике было что-то ангельское, от чего мою грудь распирало во все стороны. Накатила такая волна нежности, что я еле сдерживался. Хотелось сгрести ее в охапку и целовать, пока не взвоят.

Очнулся я, когда меня ткнул в бок Роберт и спросил, где будем ужинать.

– Вы обязательно должны к нам присоединиться! – воскликнула девушка Роберта, не помню, как ее зовут, да и на кой хрен мне ее имя.

По дальнейшему разговору я понимаю, что эти две парочки запланировали «Символическое венчание». Это когда ты переодеваешься в средневековые шмотки и даешь клятвы в любви и верности в церкви, где венчались Ромео и Джульетта. Тьфу! Блабуда какая-то! Меня прямо передернуло!

Я съехидничал, типа венчание той парочке не помогло и теперь они призраками бродят по Вероне, так и не обретя счастья. Моя малышка погрустнела, сказала, что ей нужно отойти в дамскую комнату, но я понял, что она хочет это долбанное венчание и пошла плакать в туалет. А какое венчание без колец? Пока ее не было, я спросил у официанта, где здесь ближайший ювелирный бутик, попросил наших новых друзей присмотреть за Вероной и рванул. Честно говоря, в тот момент я думал о кольцах, как о красивых безделушках, типа память об этой поездке. Но стоя перед прилавком, усыпанным огромным выбором я осознал, что это будет не просто побрякушка, а символ нашей любви. Я задался вопросом: сколько я готов выложить за символ собственной любви?

Вернулся в ресторан только через час. Верона сидела надув губки, в глазах упрек. Я бросил ее, ничего не сказав.

– Детка, ты хочешь это? – спросил я, показывая на рекламный буклет.

Она покраснела, смутилась. Конечно, хочет, но я должен это услышать.

– Да, – выдавливает она из себя, – но я думала такое не для тебя.

Я протянул ей руку.

– Пойдем, узнаем, что там за «Символическое венчание».

Расплатившись за ужин, мы всей компанией двинулись к церкви. Там нам подробно объяснили этапы церемониала и весь ее смысл. Все было более или менее сносно, но вот наряд меня напряг. Ни за что не нацеплю эти кальсоны в обтяжку!

Возможно, что-то витало в воздухе, как вирус и я его подцепил. Почему-то в тот момент я уже ни в Вероне, ни в себе не сомневался. Я дал согласие на участие в церемонии с некоторыми поправками, но наотрез отказался переодеваться. Компромисс был найден Вероной, она предложила поверх моего прикида накинуть черный плащ с капюшоном и я тут же согласился. Плащ еще куда ни шло!

Верона

«Венчание» должно пройти в базилике «Сан-Дзено», где по преданию в подземной часовне были тайно обвенчаны Ромео и Джульетта. Церковные помещения освещены тусклым светом. Я стою перед огромным зеркалом и смотрю на свое отражение. Мамочка родная! Что я делаю? Может, для кого-то это и «символическое венчание», но только не для меня. На мне белое вышитое бисером платье, как мне сказали, сшитое по фасону платья Джульетты из фильма режиссера Карло Карлея и легкая накидка с золотым шнуром на шее. Волосы покрывает диадема из плетеных листьев разных оттенков золота.

Гид приглашает меня пройти на церемонию. Две предыдущие пары уже «обвенчались» и уехали. Наряды предыдущих «невест» были куда скромнее, собственно как и сами церемонии. Руссо пришлось доплатить солидную сумму, чтобы церемонию провели ровно в полночь. Он утверждает, что не романтик, но по тому, какое значение он придал мелочам, на которые я даже не обратила бы внимания, романтик, и еще какой.

Я иду по каменному полу широкого прохода между деревянными скамьями. В базилике никого кроме сотрудников агентства, организовавшего церемонию, но их почти не видно и не слышно. Вокруг витает атмосфера чего-то

тайного и запретного. Для нас так и есть. Никто не знает, что мы здесь, и никто не поверит, что мы на это решились. Я сама сейчас не верю в происходящее. Я будто героиня фильма, облачилась в костюм и иду на съемочную площадку.

– Bella¹¹ ... bella, – слышу я за спиной чей-то шепот.

Алтарь окружен большими напольными свечами и корзинами с белоснежными цветами, на этом тоже настоял Руссо. Перед алтарем стоит «католический священник», изображающий брата Лоренцо, что обвенчал влюбленных в трагедии Шекспира. Рядом с ним стоит Руссо. В плаще до пола с капюшоном, он похож на мистического персонажа Викторианской эпохи. Длинные до плеч волосы зачесаны назад. При тусклом освещении его глаза выглядят черными как бездна, которая вот-вот поглотит меня без остатка.

Чем ближе к Руссо я подхожу, тем больше сомневаюсь. Вчера ему звонила Лилианна, и после нее он не мог справиться с собой и побежал в спортзал. Она все еще для него что-то значит, иначе он бы на нее так не реагировал.

Руссо протягивает мне руку, но я останавливаюсь в трех метрах от него и перевожу взгляд на «священника».

– Не могли бы вы отойти на минутку? – спрашиваю я его по-английски.

– В чем дело, детка? – Руссо весь напрягся.

– Я хочу кое-что прояснить, пока не началась церемония.

– Что? Детка? – смеется он.

По его реакции я поняла, что он только что хлебнул очередную порцию спиртного.

– Это же не всерьез.

– Дать клятву любимому? Для меня это очень серьезно! – выпаливаю я, глаза блестят от слез, не пойму что тут смешного...

– Ладно, – он трет лицо, зачесывает назад упавшие на лоб пряди волос, – тогда и для меня...

– Руссо, это не шутки, – хмурюсь я. – Если ты не готов, я пойму. Я вообще считаю, что все это сумасшествие. Все как-то стремительно, необдуманно. Мы знакомы всего месяц и вот где оказались. Те две пары встречались по два-три года.

¹¹ Bella (итал.) – Красивая

– Не важно, сколько времени мы вместе, – его голос осип, – важно какое место занимаем в жизни друг друга. Ты нужна мне, Верона. Не на день, не на год... я хочу быть с тобой всегда...

От волнения у меня трясутся колени, кажется, еще минута и я упаду, Руссо будто чувствует это и подхватывает меня.

– Детка, ты сама-то готова? На тебе лица нет...

– Руссо, мне не названивает бывший парень и не просит меня вернуться. У меня нет прошлого, оно есть у тебя. Поэтому я и спросила...

Руссо притягивает меня и страстно целует в губы, тем самым прерывая все прения. Дает знак «священнику», тот подходит и начинает церемонию. Где-то вдалеке приглушенно звучит хор из мужских голосов. Наверное, это аудиозапись. Я не знаю, что говорит священник, но итальянская речь звучит так мелодично и торжественно, что на глаза наворачиваются слезы. Я даже не сдерживаю их. На мне нет ни грамма косметики и я не переживаю за потекшую тушь. Щеки горят багряным румянцем. Губы начинают кровоточить после очередного укуса. Руссо сжимает мою руку, этот простой знак внимания немного успокаивает. Он здесь со мной. Он сам захотел эту церемонию, я не просила.

– Он будет зачитывать текст клятвы, мы должны повторять. Справишься? – спрашивает Руссо и целует костяшки моих пальцев.

– Нет! – выпалила я слишком громко, чем требовалось. Руссо вздрагивает.

– Я хочу сказать от себя сама!

– Лады, только не нервничай, все хорошо, – подбадривает меня Руссо.

Он переводит то, что я сказала, священник улыбается и жестом показывает, чтобы я начинала. Но Руссо говорит: «Подожди», копается в кармане брюк и выуживает темно-синюю коробочку, я ахаю. Кольца! О, боже! Он купил нам кольца! Так вот где он пропадал целый час! Ох! Сердце чуть не выпрыгивает из груди.

– Это мое! – протягивает он мне кольцо.

Я беру кольцо, несколько секунд рассматриваю его. Это платина, поделенная на три части по горизонтали. Центральная часть усеяна россыпью черных камней. Оно очень изысканное, но в то же время строгое, лаконичное и отлично подойдет к любому его наряду, даже байкерскому.

– Руссо! Оно бесподобно, – я кидаю на него восторженный взгляд и нервно сглатываю.

– Правда? Тебе нравится?

– Очень.

Он вытягивает левую руку, я вижу, как она дрожит. Значит, он тоже волнуется. Я надеваю кольцо на безымянный палец, но не до конца, а кручу на второй фаланге.

– Я клянусь любить тебя, пока бьется мое сердце. Всегда доверять и не подвергать сомнениям твои слова. Разделять твои победы и достижения. Подставлять плечо в моменты поражений и неудач, – мой голос задрожал, мне понадобилась минута, чтобы собраться с силами. Руссо стоял навтыжку, не торопил меня. – Хочу слиться с тобой в одно целое. Стать твоей жизнью, твоим дыханием, твоей опорой. Клянусь быть только твоей и не помышлять ни о ком другом даже в мыслях. Окружать тебя заботой, дарить тебе удовольствие. Этой клятвой я вручаю тебе свое тело... свою душу... свое сердце... свою жизнь...

Кольцо садится на его безымянный палец и заманчиво поблескивает в отражении свечей. Руссо с шумом выдыхает и притягивает меня к себе.

– Верона, я думал мы просто повторим за этим гребанным актеришкой слова клятвы и обменяемся кольцами, но после того что ты сказала... хм... дай мне сообразить...

Я смутила его своими излияниями, это понятно.

Через минуту он вынимает второе кольцо из коробочки.

– Дай мне руку, Верона, – требует он.

Я протягиваю руку, но он качает головой.

– Левую, детка. Правую дашь на настоящем венчании.

Опля! На настоящем! Я протягиваю левую руку и смотрю на кольцо. Боже, какая красота! Оно тоже платиновое, в центре огромного размера синий сапфир, а вокруг него россыпь бриллиантов. Я теряю дар речи, поднимаю на него глаза. Руссо бледный как молоко.

– Малышка, моя клятва будет очень короткой. Если ты сделаешь все, как сказала, я буду самым счастливым человеком. Ты знаешь, меня нельзя назвать

идеальным, но я из кожи вылезу, чтобы сделать тебя счастливой. Я люблю тебя, Верона.

Он хочет надеть кольцо, но я сгибаю палец. Руссо бросает на меня непонимающий взгляд.

– Ты кое-что забыл, милый, – хитро улыбаюсь я. – Ты ничего не сказал о верности...

Он сжимает мою руку с кольцом и закатывается громогласным смехом, у всех присутствующих вытягиваются лица.

– Верона! Господи, какая же ты дотошная!

Я хмурюсь.

– Ладно-ладно! Я клянусь, что буду тебе верен. Всегда и во всем. Проклятье! Верона! Ты сведешь меня с ума!

Я разгибаю палец, кольцо достигает цели. Какое же оно красивое! Не могу на него насмотреться.

«Священник» заканчивает церемонию, наши с Руссо голоса эхом разносятся по сводам храма в заключительной реплике: «Amen¹²».

Мы сливаемся в поцелуе. Слышны вспышки фотоаппаратов. Потом все тихо покидают церковь, оставляя нас наедине с потрескивающими свечами и тайной, что хранят эти стены. Атмосфера потрясающая! Нас с Руссо переполняют эмоции. Это симбиоз нежности, преданности и страсти. От долгого поцелуя наше слияние все жарче и сластнее. Руссо отрывается от меня на мгновение.

– Я люблю тебя, Верона!

– Я тоже люблю тебя, милый...

Аристарх

На часах пять утра, я проснулся, сходил в ванную отлить, а уснуть уже не смог. Меня переполняли эмоции. Черт! Я спал не больше трех часов. Покручиваю кольцо на пальце. Новый аксессуар заставляет вспомнить все, что было накануне. Вроде был вчера на экскурсиях, а такое ощущение, что женился. После церемонии мы с Вероной решили проветриться и до отеля шли пешком.

¹² Amen (итал.) – Аминь.

Смотрю на Верону, в груди разливается тепло. Моя малышка! Такая хрупкая снаружи и такая сильная духом. Вспоминаю ее клятву и как она закричала на всю церковь: «Нет! Я хочу сказать от себя сама!». Если по чесноку, каждое ее слово впечаталось в мое сознание. Наверное, я буду помнить ее клятву всю оставшуюся жизнь. Во время церемонии я еле сдерживался. Мне хотелось выволочь ее оттуда и прижать к одной из колонн, задрать платье и вторгнуться в ее лоно.

Я сдержал свое слово, не трогал ее два дня и две ночи. Пора брать то, что принадлежит мне по праву. Медленно стягиваю с нее одеяло. Рука тянется к ее попке, я поглаживаю ее и нежно кусаю через тонкую ткань трусиков. Она стонет и качает бедром. Нет, малышка, я не отстану. Даже не надейся.

– Открывай свои синие глазки, детка. Пора дарить то, что обещала, – она что-то сонно бормочет, типа, что хочет спать, – Ты отдала мне свое тело, детка. За свои слова надо отвечать.

Опять ноль эмоций! Тогда я звонко шлепаю ее по попе и говорю:

– Просыпайся!

Она резко разворачивается и замирает с испуганным взглядом. Черт! Чего это она? Вид у нее такой, будто не понимает с кем и где находится.

– Руссо, ты мертвого подымешь, – гневно ворчит она. – Чего ты хочешь?

– Вот когда ты *так* спрашиваешь уже ничего!

Вскакиваю с кровати и иду в душ. Сэм в боевой готовности мечется между ног. От его вида Верона распахивает глаза и охает. Решаю принять душ и пойти в спортзал пометелить грушу. В девять часов открывается автосалон по аренде машин, я уже присмотрел и забронировал там вчера тачку.

Холодные потоки воды остужают пыл Сэма, мне все еще обидно и я пытаюсь отвлечься и распланировать этот день. Черт! Верона! Умеет задеть за живое! Но тут открывается дверь душевой кабины и ко мне влетает Верона. Вид испуганный. Честно говоря, при виде ее я испытал облегчение, но ей не показываю и нарочно сдвигаю брови.

– Что, вспомнила клятву и совесть заела?

– Не хами, – шутливо одергивает она и начинает целовать меня в шею.

Из груди вырывается стон, черт, не могу с ней долго сдерживаться.

– Руссо, не буди меня так больше, – она заглядывает мне в глаза, и я настаораживаюсь. – Отец по утрам нас дубасил, если мы вовремя не просыпались. Меня всегда бил по попе.

Проклятье! Ну откуда мне это было знать! Притягиваю ее к себе и целую в макушку.

– Детка, почему ты мне раньше ничего не сказала?

– Ну, ты так раньше не делал... тем более в пять утра...

– Ты должна мне говорить о таких вещах. Понимаешь?

Она кивает.

– Что еще есть из этой же области?

– Я так сразу не могу сообразить, но если вспомню – скажу.

Мои пальцы тянутся к ее клитору и начинают его слегка сжимать и пощипывать. Она ахает и прижимается всем телом. Добираюсь до ее сестричек, нежно массирую, затем притягиваю ее за ягодицы с такой силой, что Сэм снова дергается.

– Давай вернемся в кровать, там так хорошо, – мурлычет она и улыбается, – я со вчерашней ночи мечтаю о втором вторжении. Низ живота уже болит.

– Малышка, – я поднимаю ее лицо за подбородок, ее синие глаза впиваются в меня, – давай сразу договоримся, секс это – святое. Если ты хочешь, не важно где, не важно когда, ты должна мне это сказать.

– Я бы сказала, но Сэм вчера был еще не готов.

– Помимо Сэма у меня есть и другие части тела. Поверь, даже будучи импотентом, я смогу тебе доставить удовольствие.

– Но я хотела Сэма, – она хлопает глазами, а мне сносит крышу.

Закручиваю краны, хватаю ее на руки и несу в кровать. Мы оба мокрые, но сейчас меня это мало волнует. Достаяю из кармана джинс презик, рву упаковку и быстро натягиваю его на Сэма. Верона таращится на меня своими глазищами, видимо, видит это действие впервые.

Думал, что хоть на этот раз мне будет легче, но какой там, только с третьей попытки я вошел и то благодаря смазки презика. Верона морщится от боли и стонет, впивается ногтями в спину.

– Малышка, потерпи, сейчас будет легче.

Начинаю осторожно, но постепенно наращиваю темп, показываю ей, как бы мне хотелось, но она все еще напряжена, кулачки сжаты. Черт! Ей все еще больно! Поддерживая ее за бедра, я переворачиваюсь на спину и приподнимаю ее за плечи. Теперь она сверху.

– Детка, ты пока не можешь в моем ритме, задай свой. Давай, поработай сама. Делай как тебе не больно.

Верона кивает, упирается руками в мою грудь и осторожно начинает двигать бедрами вверх-вниз. Комната наполняется нашими стонами, черт мне просто крышу от нее сносит, не знаю, что меня сейчас больше раздражает, видеть ее сверху или чувствовать внутри. Я сжимаю ее ступни, они такие холодные, черт она же вошла ко мне в душ и сразу огорошила. Я и забыл, что мылся в холодной воде.

– Верона, можешь ускориться? – молю я. – Хотя бы немного?

Черт! Я садюга, но я хочу нормально кончить! Хотя бы раз за последний чертов месяц!

– Может ты сам, я потерплю...

Меня обдает холодом, я останавливаю ее.

– Малышка, терпеть не надо... если больно мы еще подождем.

– Ну, я же кончила в прошлый раз, – куксится она, – просто одно дело, когда это делаешь ты, другое – я, – она закрывает лицо руками. – Прости меня, я измучила тебя.

Черт! Кажется, отдать бразды правления в ее руки – дурацкая идея.

Переворачиваюсь с ней на бок, упираюсь локтем в матрас, другой рукой притягиваю ее к себе за талию и начинаю нашептывать слова из ее клятвы:

– Клянусь любить тебя, пока бьется мое сердце...

Она улыбается и громко вздыхает.

– Хочу слиться с тобой в одно целое, – чередую по силе толчки, а в перерывах немного вращаю вокруг стенок ее влагалища. – Стать твоей жизнью... твоим дыханием...

Верона выгибается, хватая ртом воздух, громко стонет.

– Окружать тебя заботой, дарить тебе удовольствие, – ускорю темп, она распахивает глаза, издает хриплый гортанный звук, я чувствую она на подходе. – Этой клятвой я вручаю тебе свое тело... свою душу... свою жизнь...

– Я сейчас кончу! – кричит она уже через минуту, мотает головой из стороны в сторону и хватает меня за ягодицы. Запрокидывает назад голову, губы приоткрываются в немом крике.

Черт! Она сдерживается, а я так не хочу!

– Кричи, Верона! Я хочу слышать как тебе хорошо! – рычу я, наращиваю темп, я сам на подходе.

– Руссо! – прорывается ее голос. – А-а-а-х!

Наконец-то! Меня накрывает!

– Верона! Я люблю тебя! Черт! А-а-а-а! – кончаю, в голове туман, встряхиваю башкой. – Бр-р-р!

Переворачиваю ее на спину, снимаю презик, завязываю узлом и выбрасываю в корзину. Обтираю Сэма простыней и снова вторгаюсь в ее лоно. Она ахает и таращится на меня.

– Не бойся детка, мы просто полежим так. Расслабься.

– Мне не нравится с презервативом, – жалуется Верона.

– А кому нравится? Поэтому я и просил тебя сходить к гинекологу.

Я ставлю ей засос на шее, она шикает на меня.

– Это мое тело! – бурчу я. – Что хочу, то и делаю! Забыла свою клятву?

– Боже, так и знала, что мне эта клятва боком выйдет, – смеется она.

– Малышка, клятва супер. Я оценил.

– Ты снова забыл про верность.

– Ты это про что? – смотрю ей в глаза.

– Когда повторял мою клятву, опять ни слова про верность, а я ведь ждала...

– О господи! Верона! – я закатываюсь громогласным хохотом, наверное, я разбудил половину этажа. – Я просто не люблю об этом трепаться!

Она улыбается, прикусывает свой безымянный окольцованный пальчик. Знала бы она, как сейчас эротична! Черт! Сэм снова встал.

– Малышка, выдержишь еще раз?

Она закусывает губу и кивает. В синих бездонных глазах озорной блеск. Ох! Я снова тону!

Вера

После насыщенного дня в Милане, где мы с Руссо больше восьми часов рыскали по бутикам, небольшой частный самолет доставил нас на Сицилию. Мы поселились в двухэтажном каменном доме неподалеку от Трапани. Дом находился в отдалении от пляжа на скале. Чтобы спуститься к морю, нужно преодолеть крутую лестницу, но за вид, открывающийся с террасы можно убить. В доме всего три комнаты: на первом этаже маленькая, но функциональная кухня и гостиная, на втором – спальня. На каждом этаже по санузлу. Но что меня поразило в спальне больше всего: чугунная ванна на львиных ножках соседствует с кроватью с высоким изголовьем. Это очень необычно, но при виде такого соседства у Руссо зажегся лукавый огонек в глазах.

Наконец-то я увидела море! Первые минуты я была так поражена, что от избытка чувств начала плакать. Руссо моя реакция сначала позабавила, от чего он закатился от смеха, но потом прижал меня к груди и поглаживал по спине, пока я не успокоилась.

– Все хорошо, малышка. Все хорошо, – приговаривал он. – Будет еще много красивых мест. Не растеряй свой восторг.

Добравшись до моря, мы на ходу разделись и бросились в воду. Вода была прохладной, но мы доплыли до буйков. Руссо хотелось сделать марш бросок в безграничную морскую бездну, но он боялся меня оставить одну. Я довольно быстро устала и на воде держалась неуверенно. Выбравшись на сушу, мы бросались в волны наперегонки, потом брызгались, дурачились и бегали друг за другом как дети... пока у меня не посинели губы. Полчаса Руссо отогревал меня в горячей ванне. Потом мы поужинали в ближайшей trattoria и вернулись в арендованный дом. Лежа на двух гамаках распили бутылку вина на террасе, где созерцали великолепный закат.

– Ты помнишь нашу первую встречу? – неожиданно спросил Руссо.

Только что мы говорили о будущей квартире, какой бы дизайн хотели сделать, и тут крутой поворот.

– Конечно, помню, – я прикрылась пледом. Вечерами у моря довольно прохладно. – Такое не забудешь... наверное, это врезалось в память на всю оставшуюся жизнь.

– Когда Курт уволок тебя в ангар, я решил, что ты его новая подружка и чуть умом не тронулся. Пришел его подлатать, а он обнимает тебя. Я из последних сил сдержался, чтобы не врезать ему. В тот момент я думал только об одном, как отбить тебя у него.

– Что? Ох! – я выпучила глаза и чуть не пролила вино на плед.

– Да... прикинь? Сейчас смешно, но тогда мне точно было не до смеха...

С минуту он вспоминал, улыбаясь, а потом снова заговорил:

– Помню, как скинул футболку, хотел зарисовать перед тобой татухи. Я уже тогда красовался перед тобой, не знал чем привлечь. Играл мышцами, вставал под нужным ракурсом. Черт! Ты тогда правильно подметила – Разукрашенный Павлин.

Я хихикаю, но не прерываю его. Так интересно узнать, о чем он думал.

– Ты сидела на табурете и смотрела на меня. Такая тихая и молчаливая. Не такая, как все те с кем я общался раньше. В тебе было что-то загадочное, нежное, даже ангельское. Еще не женщина, но уже не девочка. Когда я поймал твой взгляд и понял, что тоже нравлюсь, меня накрыло. Это была вторая волна.

– А когда была первая? – я затаила дыхание.

– Когда кинул тебя на капот «Мустанга». Ты вляпила в меня свои глазищи и я поплыл. Земля ушла из-под ног, грудь разрывало на части, Сэм взбунтовался, я потом долго не мог с ним справиться.

– Когда ты скинул футболку, я подумала, что твои повадки и движения похожи на крадущегося леопарда, – Руссо поворачивается и всматривается в мое лицо. – Мне сразу понравилось твое гибкое и жилистое тело. Ты так проворно орудовал инструментами и зашивал Сане щеку, что я не могла оторвать от тебя глаз. Я смотрела на твои длинные пальцы и представляла, как они трогают меня... везде...

– А еще меня пробрал твой голос в караоке, – говорит он и выливает остатки вина из бутылки себе в фужер.

– Аналогично! – усмехаюсь я. – Я даже представить себе не могла, что у тебя такой голос... с хрипотцой... натужный... продирающий насквозь... уф...

– Тебе Курт что-нибудь обо мне рассказывал?

Я смотрю на него и не понимаю, какой смысл он вкладывает в этот вопрос.

– Сказал, что на его плече из-за тебя поплакала не одна девушка с разбитым сердцем, и велел держаться подальше. Он повторял: «Только не Руссо, Верона, только не Руссо. Он ненавидит женщин».

Раньше я никогда бы не ослушалась ни мать, ни брата. Один недовольный взгляд в мою сторону и я бы тут же ретировалась, но все что касалось Руссо, было исключением.

– И все? – в голосе слышались нотки недоверия.

– И все, – просто ответила я.

Несколько минут на террасе стояла тишина. Мы прислушивались к голосам, разносившимся по округе с соседних вилл. В гамаке я чувствовала себя в невесомости. По телу приятной теплотой разливалось вино.

– Почему ты не спрашиваешь, сколько у меня денег?

Я нахмурилась. Куда это его понесло?

– А что, все спрашивают?

– Без исключения... рано или поздно, но все задавали этот вопрос.

– А зачем? – я поднимаю голову, чтобы заглянуть в его глаза.

Он пожимает плечами.

– Из любопытства...

– Ты же знаешь, я не любопытна. А потом я дала себе зарок после ссоры ничего у тебя не спрашивать. Что нужно ты сам скажешь. Не хочу трений между нами. Что-то мне подсказывает, что в нашем случае ссоры никогда не пойдут на пользу. Наоборот, будет что-то безвозвратно ускользать и теряться.

– Согласен на все сто, – тут же отзывается Руссо.

Мы снова замолчали. Наши взоры были обращены к горизонту, где скрывались последние всполохи солнечных лучей.

– Пойдем в спальню, – Руссо одним рывком вынырнул из гамака, затем помог выбраться мне и потянул в дом. – Детка, сегодня будет наша первая ночь.

От его взгляда по телу побежали мурашки. Ох!

– Первая ночь? – удивленно переспрашиваю я. – А что было до этого?

– Разогрев, но сегодня мы будем по-настоящему заниматься любовью... всю ночь... ты готова?

Я киваю. Руссо запирает входную дверь. Мы поднимаемся на второй этаж и заходим в спальню. Он кидает меня на кровать и нависает надо мной. Его горячее дыхание обдает теплом мое лицо.

– Малышка, я отрахаю тебя по полной. Сначала нежно, чтобы тебя подготовить, – еле касаясь кожи, его пальцы очерчивают грудь, поглаживают сосок, – потом страстно, чтобы тебя завести, – он сжимает грудь и начинает массировать, – а потом жестко, чтобы насытить Сэма, – он щиплет сосок и резко его проворачивает.

Я вскрикиваю. Его глаза сужаются и почти невидимы из-под нависших бровей. Дыхание частое, прерывистое. На мгновение передо мной предстает «Злой Руссо» и я холодею от страха.

– Тебе понравится, – ухмыляясь добавляет он и подмигивает.

Вот в этом я не уверена...

Аристарх

Смотрю на тело своей малышки и облизываю губы, от предвкушения меня обдает жаром. Черт! Меня так распирает, что я вот-вот потеряю контроль. Главное – не причинить ей боль. Я вкратце обрисовал ей то, что намерен сделать, но как по мне: выкинуть бы две первые стадии и насытится третьей. Но я не могу, Верона только-только вступила со мной на эту дорожку, и я боюсь испугать ее своим напором. Чего доброго подумает, что всегда буду таким.

Скольжу губами по ее шелковистой коже. Мне кажется, ее бедра немного округлились, фигура стала более женственной. Движения плавные, в ней проявляется эротизм, до Италии этого и близко не было. Ложусь на бок и крепко прижимаюсь к ее спине, нашептываю ей на ухо какая она красивая. Что люблю

каждую часть ее хрупкого тела. Добираюсь до ушной раковины, от этих ласк она выгибается и вся дрожит.

Из окна нашей спальни открывается потрясающий морской пейзаж. Мы оба смотрим, как поблескивает вода в лунном свете. Верона права, за такой вид можно убить.

– Спасибо, милый, что привез сюда, – сладко бормочет Верона и трется об меня своей аппетитной попкой.

– Все для тебя, малышка, – припадаю к ее губам и долго целую, – честно говоря, это не самый лучший вид, что я видел. Но я клянусь, что каждые три месяца вид из нашей спальни будет не хуже.

Пальцы медленно скользят от бедер к клитору. Круговыми движениями нежно массирую ее самую чувствительную точку. Верона поворачивается ко мне лицом и стонет. Ее руки ложатся мне на грудь, она целует тату со своим именем и припадает к шее.

– Руссо, – шепчет она.

– М-м-м?

– А когда ты понял, что полюбил?

Я отпрянул, не ожидал сейчас такого вопроса. Черт! А в натуре когда? Напрягаю мозг и прокручиваю в голове события с первого дня нашего знакомства.

– Не знаю, Верона. Я столько всего к тебе чувствовал, что в голове все перепуталось. Сначала пришла страсть, мне до боли хотелось тебя трахнуть. Одурманить, завоевать, подчинить. Я хотел обладать тобою безраздельно, чтобы ты с ума сходила по мне.

– Тебе это удалось, – говорит она с грустью.

– Мне так до сих пор не кажется.

Она поднимает на меня удивленные глаза.

– Да, малышка. Я честен с тобой. Мне так не кажется. Мне нужно большее.

Она испугано хлопает своими «опахалами».

– Потом, когда узнал, что у тебя еще никого не было, немного поостыл. Понял, что с тобой так нельзя, но когда видел тебя, внутри все равно бушевал

огонь. По-настоящему затосковал, когда улетел во Владик. Там я себе места не находил. Только о тебе и думал, а ты как назло долго телефон не заряжала.

Верона впилась в меня губами, целовала долго и страстно, от чего я так завелся, что уже было не до разговоров, которых она так жаждала. Я пообещал, что первый раз будет нежным и сдержал слово. Двигался осторожно, медленно, но она никак не кончала, только томилась, будто ей тоже было этого мало. Но мне нужно было разгрузиться, и я кончил один. Потом спустился на пол, подтащил ее за бедра к краю кровати и довел до оргазма, впившись губами в ее лоно. После чего она застонала и начала изворачиваться под моим языком как угорь.

На второй заход я пошел практически сразу. Сменил презерватив и пристроился с боку. Но она поморщилась и тихо спросила:

– А за сколько дней до месячных можно без него?

– За два-три дня.

– Точно? – она что-то подсчитывала в уме.

– Стопудово, – тут же отозвался я.

– Тогда снимай его, – глаза ее лукаво блеснули.

– Ты уверенна?

– Я подсчитала.

– Верона! А раньше не могла сказать? – злобно выпаливаю я.

Выхожу из нее, сдергиваю презик и выкидываю в корзину. Ух, как она меня разозлила. Я как Зевс мечу в нее гром и молнии. Она вся сжалась, натягивает на себя простынь, пытается от меня закрыться.

– За то, что мучила меня, будешь наказана. Мы пропускаем вторую часть и переходим сразу к третьей, и попробуй мне заскули! Добавлю жару и затрахую тебя до смерти!

– Ох! – вырывается у нее из груди.

Ее глаза распахиваются на максимальную амплитуду, «опахала» задергались от страха, лучше бы, конечно, мне на это не смотреть, но разве я могу удержаться! Черт! Все! Я поплыл! Меня захватила такая волна страсти, что я помню только начало. Перевернул ее и поставил на колени, заставил выгнуть спину и приподнять ягодицы. От резкого вторжения взвыл от кайфа, прокричал ее имя и начал жестко трахать. Это было чертовым безумием! Бедра сковало в тиски,

кровь забурлила в венах, в ушах зазвенело. От этого звона я не слышал ни себя, ни ее. Что делал потом и что говорил, не помню, со мной будто случился провал. Очнулся от того, что она отвесила мне звонкую пощечину и закричала:

– Аристарх! Остановись!

Мое лицо застилает пот, волосы слиплись, открываю глаза, Верона лежит подо мною на спине. Кипит от гнева как вулкан. Она меня так никогда не называла, знает, что будет только хуже. Что это с ней?

– В чем дело?! – рычу я. – Еще чуть-чуть и я бы кончил.

– Я не могу, мне больно... не могу... больше не могу...

Хватаю ее руки и заламываю за голову. Кусаю за плечо, она кричит и извивается.

– Ты деспот! Ты не Руссо, а Пиночет! Пусти меня! Я не могу!

– Можешь, детка, можешь! Люби меня! Не отталкивай! И не останавливай меня на подходе! Я за себя в такие моменты не отвечаю.

Ее щеки блестят от слез.

– Верона! – кричу ей в лицо. – Терпи! Еще чуть-чуть и все!

Когда я снова наращиваю темп, из ее груди то и дело вырываются глухие всхлипы.

– Ты меня так злила, Верона! Так мучила! Теперь не плач! Ты отвергала меня, игнорировала, обещала всю себя, а потом отказывала. А я так тебя хотел!

От моих толчков кровать билась о стену так, что я стал бояться, не оторвется ли изголовье. Черт с ней с этой кроватью! Если надо куплю завтра новую! Я наращиваю темп. Мне снова сносит крышу. Хочу насытиться ею! Толчки все сильнее, все глубже, все быстрее. Верона уже не плачет, задыхается и выгибается. В кулачках зажата простынь. Ее стоны низкие, гортанные! Ох! Черт! Она тоже на подходе! В паху тут же зажегся огонь и метнулся по всему телу. Сквозь пелену вижу, как ее груди колышутся в такт моих толчков. От этого зрелища меня пробрало по полной.

– Детка, кончи! Сейчас! – кричу я и чувствую, как горячий поток спермы вырывается наружу.

От моего крика зазвенели стекла. Никогда так не кричал, хорошо, что я закрыл окна, иначе соседи бы точно вызвали полицию.

Верона тут же вскочила на мою волну и комната наполнилась ее ответным возгласом, а потом рычанием, никогда бы не подумал, что голос моей малышки может опуститься на такие низкие октавы. Ее тело изогнулось подо мной так, что я чуть не слетел на бок, а потом началось такое, что снесло мне крышу напрочь. Это было похоже на волну резких спазмов. Короткими сильными толчками Верона сжимала Сэма и тот, не успев очухаться, зарядился для следующего раза.

– Черт! А-а-а! Верона, что ты делаешь?!

– Оно само, – всхлипывает она, стонет и запрокидывает голову.

Я упал на нее. Мое тело вздрагивало от каждого ее спазма. Сэм будто вступил с ее лоном в перекличку. Его сжимали, он дергался в ответ, от чего наши разгоряченные и чувствительные тела вцеплялись друг в друга еще сильнее. Они там зажигали дуэтом, а меня колбасило и колотило как в агонии. Я изгибался, тряс башкой. На меня накатывала волна за волной. А потом... потом меня прорвало! Я не рыдал, а выл как волчара... Проклятье! И это видела Верона! Отстой и стыдник!

Она ничего не говорила, просто лежала тихо, запрокинув ноги мне на ягодицы, и гладила меня по спине. С меня выходило все накопленное дерьмо. Все обиды, все недосказанности, все что копилось во мне и не находило выхода даже на ринге. Черт! Я притащил своих демонов в постель к Вероне! В нашу с ней постель!

Когда я успокоился, открыл глаза и взглянул на нее, она была испугана и измучена. Лицо покраснело от слез.

Черт! Черт! Черт! Ну я и дебил! Надо как-то ее успокоить. Устроил тут цирк «Дю Солей». Разлепляю пересохшие губы. Что сказать? Сил нет на думки.

– Я люблю тебя, малышка, ох... если бы ты знала, как я тебя люблю...

– Я знаю. Я тоже тебя люблю, милый и буду любить до последнего вздоха.

Отлично! Вот и пристрелялись! Надеюсь, в следующий раз меня не понесет по ухабам в такой расколбас.

– Прости, если сделал больно... не мог больше сдерживаться...

– Было не только больно... – она сладко застонала от воспоминаний.

Черт! Мне башню от нее сносит!

Вера

Просыпаюсь от звонкой птичьей трели и открываю глаза. Уже утро. Руссо рядом нет. Дверь в ванную открыта, свет выключен. В доме такая тишина, что слышно как на первом этаже работает холодильник. Где же он? На прикроватной тумбочке нет его телефона. Сердце кольнуло от неприятного предчувствия. Боже мой! Я соскакиваю и бегу к шкафу и распахиываю дверца. Вещи Руссо на месте, уф, значит, он не уехал. После вчерашней ночи я уже ничему бы ни удивилась. Я его так разозлила, что он практически не владел собой. Потом я вспомнила его содрогания и хриплые всхлипы после секса и по телу пробежал мороз. До чего же это было жутко! Я пыталась до него достучаться, спрашивала, что не так, но он только качал головой и еще сильнее прижимал меня к себе.

Мое тело таит в себе столько секретов, что я сама не знаю, что выдам в тот или иной момент. Последний оргазм был похож на цунами: яркий, мощный, как взрыв. А потом вдруг началось непроизвольное сокращение женских мышц. Я сжимала Сэма с такой силой, что мы с Руссо вскрикивали в унисон. По его реакции я поняла, что такие ощущения он испытывает впервые и дико испугалась. А вдруг это ненормально! Вдруг со мной что-то не так. Но это длилось не больше минуты, все резко прекратилось и я снова расслабилась. Наверное, это реакция на Пиночета. Уж больно диким и необузданным был секс.

От этой мысли я немного успокаиваюсь и иду в ванную. Принимаю душ, чищу зубы, привожу себя в порядок. Спускаюсь по лестнице вниз. Никого. Распахиваю двери и выхожу на террасу. Оглядываю каждый закоулок, гамаки, полоску частного пляжа. Его нет. На душе так скверно, что сейчас расплачусь. Чего я так расстроилась? Он обязательно объявится. Уехал куда-нибудь по делам. Да кого я успокаиваю? Какие у него тут могут быть дела?

Сегодня сильный порывистый ветер, на море волнение. Сажусь на огромный валун у подножья обрыва и свешиваю ноги. Смотрю, как бьются волны о скалы и вспоминаю прошедшую ночь. В Руссо, будто кто-то вселился. Он был сам не свой. Его толчки становились такими сильными и быстрыми, что это уже смахивало не на занятия любовью, а на марафон. На лбу вздулись вены. Щеки его пылали, словно у него жар под сорок градусов, глаза совершенно дикие. Он

дышал так громко и хрипло, что мне казалось, что он начал задыхаться. Только протяжные стоны говорили о том, что он получает от происходящего наслаждение. Я еле-еле вывела его из забытья, о чем тут же пожалела. Руссо обрушил на меня всю свою злобу. Обвинил, что опять я его отталкиваю, он истосковался и сил уже нет сдерживаться.

Без Руссо вилла и скалистый берег выглядят пугающими и чуждыми. Удивительно как этот человек окрашивает мой мир в разноцветную палитру. Ожидание становится таким невыносимым, что я места себе не нахожу. Я как раз возвращалась в дом, когда скрипнула калитка и во внутренний двор зашел Руссо с тремя большими бумажными пакетами. Уф! От сердца сразу отлегло. Я бросилась к нему и запрыгнула на руки, как только он освободился от покупок.

– Эй, детка! Как ты? Выспалась? – он прижал меня к себе так сильно, что трудно стало дышать. – Я спал как убитый. Спасибо тебе за ночь, – он целует меня в ямочки, – ты моя сладкая конфетка, все было так здорово!

Вот это да! Я только хотела сказать, что нам нужно поговорить, а он одним комплементом опустил весь градус моего негодования.

– Я только встала, а тебя нет...

– Испугалась?

Киваю и еще крепче прижимаюсь к его груди.

– А телефон проверить слабо?

Я хмурюсь, а он закатывается от смеха.

Боже, у него настроение выше звезд! Глаза светятся от счастья!

– Я свой телефон не видела с Вероны. Наверное, лежит разряженный где-нибудь в чемодане, – признаюсь я и страстно его целую. Не могу оторваться от его губ.

– Малышка, поставь его на зарядку. Я послал тебе кучу сообщений, но ты ни на одно не ответила. Я так и понял, что ты спишь и что твой телефон снова разрядился.

Ну вот, опять я нафантазировала себе черте что, а на самом деле он и на минуту обо мне не забывал. Видимо, пока рядом Руссо, нормально мыслить я не в состоянии. Честно говоря, меня это совсем не удивляет и, глядя на то, как он

продумывает все до мелочей, больше не заботит. Могу я хоть раз в жизни ни о чем не беспокоиться и жить в свое удовольствие?

Как я и предполагала, телефон нашелся в чемодане. Я поставила его на зарядку и спустилась на террасу. Руссо разжигал огонь в печи и выкладывал продукты из пакетов. Он поставил на повтор какую-то песню и распевал ее на свой манер. Я невольно залюбовалась. Боже, какие перемены из-за одной ночи! Если бы я знала, что меня может ждать за этой чертой, то шагнула бы за нее, не задумываясь.

– Что ты делаешь? – спросила я, показывая на его ловкие движения ножом. Он нарезал мясо крупными кусками и принялся чистить лук.

– Решил, что тебе надо отдохнуть от кухни. Приготовлю жаркое. Меня бабушка когда-то научила. Правда рецепт будет немного неточен. Добавлю местные специи и каперсы.

Говорил он это с таким знанием дела, что сомнений не было, Руссо умеет готовить, мало того отлично знает как это сделать на открытом огне. Он пританцовывал, напевал, вращал ножом, как заправский повар. Прежде чем открыть бутылку оливкового масла, он подбросил и крутанул ее в воздухе, а потом подмигнул мне. Я смотрела на него, широко раскрыв глаза, словно видела впервые. Он опять умудрился меня удивить!

– Значит, тебе моя помощь не нужна?

– Нет! У тебя выходной! Иди, надень тот сексуальный купальник и позагорай. Завтра утром нам отчаливать, нужно впитывать Сицилию всеми клетками организма! Ты обещала, что будешь поджаривать попку, я хочу готовить и созерцать это зрелище!

– Кто ты?! – кричу я и смеюсь. – И что ты сделал с моим парнем?

Он заламывает левую бровь, прям как Саня, потом хватает меня и кружит в танце. Это уже слишком! Что тут происходит?

– Is there a place in your heart left for me? Is there some space where the parking says free¹³? – мурлычет Руссо.

Он ставит меня так, что мои ступни поверх его, мы раскачиваемся в танце.

– Что за группа?

¹³ Осталось ли место в вашем сердце для меня? Есть ли знак о бесплатной парковке?

– Это Nazareth, детка. Песня: «Place In your heart». Одна из моих любимых...

В спальне я немного отдышалась, облачилась в белый купальник и начала зачитывать поступившие сообщения.

Детка, я уехал на рынок. Хочешь что-нибудь особенное?

Можем взять машину в прокат. Покатаемся по острову. Одна тачка очень клевая!

Заехал в аптеку. Тебе что-то нужно? Ты сказала, что у тебя вот-вот начнутся.

Але! Гараж! Кто-нибудь ответит? У меня кардан сносит!

У них тут какой-то фестиваль. Прислать фотки?

Ау! Малышка! Просыпайся! Мне тебя не хватает!

Скажи что-нибудь.

Я люблю тебя, детка.

Боже мой, он встал в половину седьмого утра и умчался как вихрь. А потом начал меня бомбардировать смсками. У него энергия бьет через край, он уже переделал тысячу разных дел, а я все еще стою как клушка посреди спальни и не могу решить намазать себя кремом от загара или нет. Я даже среди черепах была бы самой медленной.

Пока Руссо готовит, я попиваю вино, загораю и делаю зарисовки. Сегодня я в стране под названием «Баунти», это рай для лентяев и прожигателей жизни. Меня окутывает ванильно-рафинированная энергия ничегонеделания. Ловлю себя на мысли, что мне бы хотелось вот так колесить с Руссо по всему миру и получать удовольствие от впечатлений.

– Верона, ешь фрукты! – кричит Руссо.

– Не хочу портить аппетит. Я с нетерпением жду твоего кулинарного шедевра. Фрукты буду вечером.

Руссо улыбается и погружается в процесс приготовления. Ветер ослаб, на море снова гладь. От вина и щедрого солнца меня разморило и я уснула. Проснулась от его нежных поглаживаний, а когда открыла глаза, увидела, что он разглядывает мои зарисовки.

– Малышка, ты ухватила самую суть, – он показывает на свой портрет и улыбается, – можно я его сфотографирую?

– Конечно. Кстати я хотела тебя попросить сегодня попозировать мне. Санчес просил нарисовать сову, что у тебя на спине.

– Зачем? – его тон задиристый, спрашивает без злобы.

– У Михея после ремня, что я подарила Сане, родилась идея о совместном бизнесе. Он предложил мне делать зарисовки изделий, посылать их Санчесу для обработки, а потом мы решим, что с ними можно сделать дальше. Типа трафарет для футболки или платка.

– И что ты им уже отослала?

– Пока ничего, мы ведь поговорили об этом только перед нашим вылетом. Решила начать с твоей тату. Хочу ее сделать в цвете. И размах крыльев побольше. Что думаешь?

– Я думаю, что ты очень талантливая, а Санчес и Михей предприимчивые. Если подойдете к делу с умом – все получится, – он целует меня в макушку. – Пойдем за стол, все уже готово.

После потрясающего завтрака, который у нас плавно перетек в обед – мы так и не вышли из-за стола до полудня – Руссо снял футболку, развернул стул и оседлал его, подставляя моему взору спину. Татуировка была очень красивой и сложной. Множество деталей. Упрощать их не было смысла. Я сделала набросок, чтобы Руссо смог и дальше заниматься своими делами и начала рисовать различные варианты. Когда я закончила, солнце стояло в зените.

– Малышка, я хочу тебя, – я подняла голову, Руссо стоял передо мной в одних боксерах, – Я все жду, когда ты закончишь, а ты рисуешь и рисуешь. Я долго терпеть не могу, ты же знаешь, свое терпение я давно пропил.

У меня защемило в груди. Прошлая ночь была непростой.

– А Пиночет там будет? – со страхом спрашиваю я.

– Нет, детка, я прогнал его! – Руссо немного смущен, видимо, тоже вспомнил свои рыдания.

– Надеюсь, не навсегда?

Я подмигиваю, он вскидывает брови от удивления.

– Мне кажется, что через недельку он все же может к нам заглянуть.

Ох! Надо было видеть его лицо!

Глава четвертая

Аристарх

Из Домодедово мы с Вероной прямиком двинули в квартиру. Еще в самолете мы обстоятельно все перетерли и приняли ряд решений. Во-первых, мы утвердились в покупке новой квартиры, но решили действовать обстоятельно: нанять дизайнера, сделать проект, определить бюджет, а уже потом без спешки провести тендер строительных компаний и затеять ремонт. Старую квартиру мы решили пока попридержать и использовать в рабочие дни, так как Вероне было ближе добираться оттуда в институт. Выходные мы решили проводить в коттедже у Софии. Мне хотелось, чтобы Верона хоть по уикендам дышала свежим не загазованным воздухом. Тем более что к нашему возвращению из Италии, Саня уже окончательно перебрался к новой подружке под бочок. Ну и шустрая же эта девка София. Если по чесноку, мне нравилась атмосфера в коттедже, нравились подруги Вероны. Мне все там было по кайфу. Но я тот еще упрямец и напомнил Вероне, что ноги моей там не будет. Вот тогда-то она и сказала, что готова пойти на компромисс, взять ключи от квартиры и оборудовать в пустой комнате свою мастерскую. От ее слов мне чуть крышу не сорвало, я схватил ее и пересадил к себе на колени, но, правда, на меня тут же ополчились стюардессы, оказывается именно в этот момент самолет пошел на снижение.

Я честно признался Вероне, что не вижу смысла в ее дальнейшей учебе в Академии. Время, когда учились «для корочки» давно прошло и сейчас самое главное понять, чем она действительно хочет заниматься. Верона сказала, что ей нравится мода, что ее завораживает процесс создания изделия с нуля, но ей не хватает знаний и опытного наставника. После недолгих споров было решено узнать всю информацию о школе, в которой будет учиться Михай. Меня не радовал тот факт, что мы можем расстаться хоть на день, но моей малышке нужно было развиваться, идти вперед, делать карьеру. Я не я, если не помогу ей в этом. Хочу, чтобы она была счастлива и жила полной жизнью.

С каждым часом проведенным вместе после нашего примирения, во мне зрело новое неизведанное чувство, которое толкало меня на смелые фантазии о жизни с Вероной. Мне хотелось большего, чем просто совместное проживание. После расставания с Лили я дал себе зарок, что никогда не женюсь, но сейчас мысль «о жизни в законе» посещала меня все чаще. Знаю, Верона еще совсем молода, но я не собираюсь ждать, когда какой-то хрен типа Адама Ландау снова вторгнется в нашу жизнь. Как говорится, куй железо, пока горячо.

Как только мы сели в такси, я разослал всем партнерам сообщения, что вернулся в Москву и готов к встречам. Уже через полчаса мой календарь на ближайшую неделю забился под завязку. Я тяжело вздохнул. Отпуск закончен. Прошедшие четыре дня были самыми клевыми в моей жизни.

– Я не представляю, как жить дальше, – выдает вдруг Верона.

Поворачиваюсь и вижу, как дрожит ее подбородок.

– Просто не представляю...

– Эй, малышка, ты чего? – я притягиваю ее к себе и нежно целую в губы.

– Завтра мне надо будет идти в Академию. Даже присутствие Анны не сгладит моей тоски.

– Я тебе уже сказал о своем отношении к Академии, – бурчу я.

– Дело не в этом, – она поднимает заплаканные глаза.

Слезы? Черт! Что происходит? Начинаю судорожно копаться в памяти какое событие могло привезти Верону к мрачным мыслям, но ничего не нахожу.

– Как я буду *без тебя*?

Твою ж мать! Я вбираю в легкие воздух и с шумом выдыхаю. Чувствую, что плыву, голова отключилась. Взгляд осоловелый. На телефон приходят сообщения, но мне уже не до них. Я нужен Вероне, как и она мне. От этой мысли задышалось свободно и легко, будто кто-то только что снял с моей груди груз, который я таскал на себе последние три года.

– Я с тобой малышка, всегда с тобой.

– Нет. Ты будешь ездить по делам, будто у нас ничего не было. Ты без меня преспокойно обойдешься. А я буду слушать занудные лекции и тосковать. Хочу всегда быть рядом с тобой. Хочу смотреть на тебя, гладить твои руки, пока ты ведешь машину. Хочу сжимать Сэма. Мне нужно чувствовать его желание.

Хочу слушать музыку, что нравится тебе и вспоминать эти четыре дня, – она отодвигается, чтобы заглянуть мне в глаза и смахивает слезы. – Что мне делать?

Проклятье! Впервые я впал в ступор и не могу шевельнуться. Что сказать ума не приложу.

– Я опять смутила тебя своим признанием. Ненавижу себя за то, что сначала говорю, а потом думаю.

Безотрывно смотрю на нее. Как же клево, что мы чувствуем одно и то же! После минутной паузы ко мне возвращается дар речи.

– Верона, посмотри на меня, – она поднимает на меня свои глазищи. – Если я когда-нибудь... – нервно сглатываю, – ну хоть когда-нибудь... усомнюсь, что ты меня любишь... детка, напомни мне этот момент.

Черт! Я сам его никогда не забуду!

Она перебирается ко мне на колени и прижимается к груди. Ее почти невесомые руки сплетаются на моей шее. Я снимаю ее туфли и поглаживаю ступни.

– Давай договоримся, ты решаешь вопрос с Академией, а я придумаю, как нам бывать чаще. Договорились?

Она кивает, а я прижимаюсь к ней еще сильнее и втягиваю носом аромат ее волос. Меня все еще колбасит, я живо представляю то, что обрисовала Верона. Как она сидит рядом со мной в машине, пока мы едем на очередную встречу, и о чем-то беззаботно болтает. Ее щебетание вводит меня в состояние покоя и расслабухи. Да, теперь работа станет не в тягость. Черт! Надо избавиться от тех проектов, про которые Верона знать не должна.

– Дай мне неделю, детка.

Вера

Всю прошедшую неделю я прожила как в аду. Руссо уезжал из дома засветло и возвращался после полуночи. Он так выматывался, что едва переступив порог гостиной, на ходу скидывал с себя мотозащиту, валился на диван и сразу отключался. В последние дни я приносила подушку и одеяло из спальни и пристраивалась рядом. Я так дико по нему скучала, что готова была

нюхать запах пота и бензина, лишь бы ощущать его присутствие, слышать, как он размерено дышит и видеть, как подрагивают его веки во сне.

Пару раз ему удавалось заскочить домой на обед, и тогда это было настоящим праздником. Я кудахтала вокруг него как наседка. Вот и сегодня он обещал заехать, я приготовила его любимый мясной пирог, вернее даже два. С самого утра у меня было игривое настроение. Хоть за завтраком Руссо признался, что в реальности для его задумки недели оказалось мало, я уже была рада, что он из кожи вон лезет, чтобы выполнить свое обещание.

Пока я ждала его к обеду – делать было особо нечего – обмерила пустую комнату. Пора и мне выполнить свое обещание. Я покопалась в инете и нашла торговый центр, где смогу прикупить все для швейной мастерской. Набросала примерный перечень того, что мне понадобится, продумала расстановку стеллажей и рабочего места.

Иногда из Академии мы возвращались с Анной. Вместе штудировали лекции и много сплетничали о парнях и однокурсниках. Почему-то она тоже потеряла интерес к учебе и от этого я испытывала облегчение. Не одна я такая сумасшедшая, сначала зубрила и готовилась к экзаменам, тряслась на поступлении, а потом разочаровалась. Теперь, когда Софа и Саня вместе, Анна чувствовала себя немного не в своей тарелке. С момента приезда я еще не видела ни брата, ни Софу но, по словам Анны, роман развивался бурно и наша ссора с Руссо просто бледнеет по сравнению с тем, какие страсти разгораются сейчас в коттедже. Мне не терпелось все это увидеть своими глазами, и я дико обрадовалась, когда Руссо сказал о планах на уикенд. Выходные я проведу с подругами!

Пришло сообщение на телефон. Это от Руссо! У меня заколотилось сердце.

Детка! Буду через полчаса.

Внизу живота вспыхнул огонь. Отвечаю коротко: «Жду» и бегу в ванную принимать душ. Я мылась утром, но сейчас мне хотелось пахнуть тем гелем, что мы купили в Вероне, чтобы этот запах напомнил ему о «наших днях». После душа я зажгла свечи в гостиной, одним нажатием кнопки на пульте задернула шторы – слава богу, на этот раз с первой попытки – и помчалась в спальню за стеганным

одеялом. Разложила его перед диваном поверх ковра, оглядела оценивающим взглядом импровизированное ложе и поспешила в прихожую.

В этот момент Руссо написал:

Приехал.

Ты один?

Нет с Годзиллой.

Заходи один! Только один!

Детка, что случилось?

Не скажу!

Боже, зачем он притащил за собой этого Годзиллу? Он навевает на меня ужас, ведь он так похож на моего отца. Наверное, они были вместе на встрече или приехали прямиком из фитнес-центра. Гоню прочь все посторонние мысли. Вон из моей головы! Сейчас это не важно!

Я кое-что задумала и для этого мне нужно раздеться. Снимаю джинсы, футболку и нижнее белье. Где же встать? Какую принять позу? Я начала примеряться то к одной стене, то к другой, но поймала себя на мысли, что буду похожа на одну из обитательниц квартала «Красных фонарей». Поэтому я просто встаю в центр плиточного узора в холле и жду. От одной мысли, что Руссо сейчас войдет в квартиру, мурашки пробежали по коже. Ожидание было мучительным. Я вся покраснелась и истомилась. Еще чуть-чуть и конечности сведет судорогой. Возбуждение нарастало. Я прислушивалась к каждому шороху на лестничной площадке.

Наконец-то я услышала, как двери лифта распахнулись, а затем торопливые шаги. Повернулся ключ в замке. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Дверь распахнулась, и наши с Руссо глаза встретились. Вид у него был сердитый, но, увидев меня голую, он прожег меня пронзительным взглядом. Шлем с грохотом приземлился на пол.

– Привет, любимый. Я приготовила тебе на обед два лакомства: себя и мясной пирог. С чего начнешь?

Он зарычал, словно подстреленный лев и двинулся на меня.

– Верона! И ты еще спрашиваешь? У меня яйца от воздержания сейчас лопнут!

Аристарх

Я забежал в подъезд как подорванный, ноги дрожали, мозг отказывался что-то соображать. Верона написала, чтобы я зашел один. Проклятье! Что могло случиться? В уме перебрал возможные варианты. А вдруг она залетела? Месячных до сих пор нет. Гинеколог сказала, что задержка вполне объяснима, с учетом начала сексуальной жизни, но все же. А может, пришли анализы крови и у нее что-то обнаружили? Заскакиваю в лифт. Меня потрясывает. Лифт поднимается медленно и я весь извелся. Черт! Колымага хренова!

Мой этаж. Бегу к двери. Открываю дверь и влетаю в квартиру. И тут... у меня глаза вылезают из орбит!

Твою ж мать!

Верона встретила меня голой!

Ее длинные шелковистые волосы едва прикрывали грудь. В синих бездонных глазищах я сразу разглядел неукротимое желание. От такого кайфа меня шибануло молнией. Хватаю ее на руки и тащу в спальню, но заведев, что она свила нам гнездышко прямо в гостиной, торможу у дивана и опускаю ее на пол.

На мой телефон приходит смс. Это Годзилла. Я сказал, что дома какие-то проблемы, оставил его у подъезда и помчался в квартиру.

Руссо! Что там? Помощь нужна?

Я ухмыляюсь. Поверь мне бро, в этом мне твоя помощь точно не нужна.

Пишу, что все в порядке, мне нужно пятнадцать минут, чтобы уладить семейное дело. Но тот калач тертый и сразу меня раскусил.

Черт Руссо! Я не буду здесь торчать, пока ты там трахаешься!

Бро! Я под арестом! Путь отхода отрезан голой Вероной ☺ через 15 мин спущусь.

Ты хоть жрачку мне вынеси! Ромео!

Конечно, в пятнадцать минут я не уложился, спустился только через час, еще бы, когда возвращается Пиночет, раньше освободиться не получается. А он всегда возвращается после длительного воздержания. Годзилла встречает меня

угрюмым взглядом, но разглядев засосы, оставленные Вероной на моей шее, начинает ржать.

– Руссо, нехило она с тобой разобралась!

Сую Годзилле пирог, благо Верона на этот раз испекла два. Умница, учится правильно рассчитывать на мужской голодный рот, хоть и не сразу. Я сам еще не ел, хватаю кусок и одним броском отправляю в топку. Одна рука теперь пахнет мясом, другая Вероной. Рай для мужика. Перед глазами мелькает ее образ. Когда я уходил, она лежала на полу, сомкнув ноги, ее затуманенные глаза просили меня остаться. Черт! Потерпи, детка, еще пару дней и у нас все будет в ажуре.

– Едрит Мадрид! Это лучшее что я пробовал в жизни. А заказы Верона принимает? Я был бы ее постоянным клиентом. – Годзилла стряхивает крошки с куртки и натягивает перчатки. – Моя ненавидит кухню, все остальное круто, но только не ее стряпня.

– Постой, – я доедаю последний кусок и жестом удерживаю его внимание, – у тебя же трое спиногрызов, чем же она их кормит?

– А чего им надо? Каши, супы, макароны. Все без изыска.

– Тяжело тебе, бро. Без домашней выпечки туго. Верона меня балует. Реально балует. Я как кот в сметане.

К трем часам нам надо быть на другом конце Москвы. Годзилла назначил стрелку со своими корешами, что выкупают мою долю в стрип-клубе. Мы газуем. Тарахтим на весь Юго-западный округ. Как говорится, едем громко и с выражением. Чуйка подсказывает мне, что Верона смотрит на нас. Поднимаю голову. Точняк! Стоит на балконе в красном шелковом халате! Сердце сжимается, меня уносит в только что покинутую гостиную. Слышу стоны, которые она издавала. Вижу ее затуманенные от кайфа глаза. Теперь я точно знаю, Пиночет и спазмы связаны. Моя малышка любит пожестче. Правда, не всегда. Сегодня мы реагировали на минутную переключку Сэма и ее лона уже со знанием дела и просто тупо наслаждались. Верона! Что ты со мной делаешь?

Пока мы едем на стрелку, я думаю о последнем нерешенном деле. Бизон единственный кто так и не отозвался после моего приезда, и я планирую его сегодня навестить. Я бы не чикался с ним, но он брат Алены и я не могу решать

вопросы с наскока. Годзилла уже предлагал «посодействовать» со своей стороны, но я отказался. Услуги его не бесплатны, но всегда эффективны. Попробую еще раз перетереть с Бизоном лично, а потом решу что делать.

Подкатываю к ночному клубу и торможу перед шлагбаумом. Думал, не пропустят, я ведь не согласовал свой приезд с Бизоном, но при виде меня охранники вытянулись и придали скучающим фэйсам рабочее выражение. Паркую байк на служебной стоянке и вхожу в клуб со стороны кухни. Здесь все в том же духе, увидев меня, «фартуки» воспряли, поджались и переглядывались с видимым облегчением. Небось, Бизон о моем выходе из дела никому и словом не обмолвился. Черт! Что за хрень тут творится?

– Где Бизон? – спрашиваю у жующего за служебным столиком вышибалы.

– Его нет, – басит тот.

– А был сегодня? – я спрашиваю потому, что Бизон не ответил ни на один мой звонок.

Вышибала качает из стороны в сторону башкой.

– Зови главного, – бурчу я и иду в кабинет к Бизону, тот тянется к рации.

Злость буквально пожирает меня. Ну, какой дрыщ! Разошлись бы по-человечески и делу конец. Дык нет же! Замутил какую-то хрень. Скрывается и гадит исподтишка. На кой ляд он приплел Демона, теперь тот глаз с меня не спустит, и будет вынюхивать про все мои дела. У нас и так напряг, как только он стал главным в клубе, а тут еще и Бизон добавил огоньку. Демон никак не может простить, что я голосовал не за него.

Заглянул в кабинет Бизона и чуть не наблевал. Вонь несусветная. Сколько же тут не убрали? В коридоре слышу шаги, оборачиваюсь, это Колян, глава службы безопасности – кореш Годзиллы.

– Колян! Что за муть? – спрашиваю я и показываю на разруху.

– Бизон сказал в кабинет не входить.

– Где он?

Тот жмет плечами. У меня вытягивается лицо.

– Когда он здесь был в последний раз?

– Два дня назад. После этого трубу не берет, сначала были длинные гудки, а теперь включается автоответчик.

Колян при мне набирает номер Бизона и ставит на громкую связь. Да на кой черт мне это нужно? Я слышу этот металлический голос с самого утра!

– Дома были у него?

– Да, жена сказала, что он не показывался ей на глаза уже неделю.

– Жена, – цежу я сквозь зубы, ненароком вспоминаю наши скачки и брезгливо сплевываю. – А у Ленки были?

Я говорю о бывшей жене, с которой до их развода у меня были отличные отношения. При ней Бизон был совершенно спокойным и пушистым, иначе я бы с ним не открыл бы клуб на паях и тем более не ввел его в свою семью.

– Звонили, там он уже три месяца не показывался.

– Если тут бардак, почему меня не набрал?

– Так Бизон сказал тебе не звонить, вы типа поцапались.

Охренеть! Я из дела выхожу, а он оказывается, со мной поцапался!

– Понятно...

Упираю руки в бока, смотрю на весь этот развал и кумекаю, что делать дальше. Если свалить, то есть вероятность, что отсюда я свою долю не вытяну. А в эту помойку я вбухал до хренищи прайсов.

– Значит, так, – поворачиваюсь к Коляну, – кабинет вычистить до блеска. До открытия я буду в Vip-зале. Пусть туда через час тащат свои задницы кадровик и бухгалтер. А сейчас зови управляющую, я осмотрю с ней клуб.

Тот кивает, дает распоряжение по рации своим архаровцам и снова возвращается, я продолжаю:

– Выделяй людей на поиски этого прохиндея, – показываю в сторону кабинета. – Пусть прочешут все клубы, где загорает мотобратва. К чужим он не попрется. Наведайтесь к его чиксам, есть вероятность, что он с какой-то из них откисает. Когда найдут, пусть не подходят к нему, просто позвонят мне.

После моего прихода все заурчало и пришло в движение. Я заглянул во все закоулки клуба. Толстозадая управляющая бежала за мной как подорванная. У нее сбилось дыхание, речь от нервяка несвязная, она что-то бляела и пыталась мне разжевать прописные истины. Да, внешность моя очень обманчива. С виду

безбашенный байкер, по мне и не скажешь, что я за завтраком читаю «The Wall Street Journal». От ее трескати я сморщился, мне уже и так все понятно. Бардак бардаком погоняет. Ненавижу Бизона!

Я засел в Vip-зале. Отсюда весь клуб как на ладони. Если бы я был управляющим, то именно здесь оборудовал свой кабинет.

Возвращается Колян.

– Попроси у Годзиллы десять человек для дополнительной охраны. Скажи я башляю. Они мне нужны уже через час. Каждый при стволе с разрешением, костюм и все такое, сегодня клуб заработает на всю катушку.

Колян ушел, я звоню Кобре. Она отвечает после первого же гудка.

– Кобра, тебе работа еще нужна? – с ходу спрашиваю я и оглядываюсь на входящего бармена с чашкой кофе в руках, ну хоть у одного ума хватило обратить на меня внимание.

– Что, твоя Беби опять куда-то вляпалась? – усмехается Кобра.

Оставляю ее подколку без комментария, говорю, чтобы тащила свой зад в клуб и диктую адрес.

– На счет Вероны, кстати, если тебе несложно заскочи за ней, она в моей квартире. По ходу я тут всю ночь проторчу, не хочу, чтобы она изнывала от мрачных мыслей. Да, – смотрю на свой экип¹⁴, – и пусть захватит мне шмотки.

Дальше на очереди была Ольга Васильевна, мой бухгалтер. Я попросил ее срочно подъехать и взять двух помощников для проведения тотальной ревизии здания и аудита финансов. Подтянулись клубные кадровик и бухгалтер. Я потребовал предоставить мне сведения о дебиторах и кредиторах, а так же список всех сотрудников и график смен.

Работа закипела, стол, за которым я расположился, наполнялся папками и расшифровками. До открытия оставалось три часа, бумаги пока подождут, нужно что-то решать с ди-джеем, баром, кухней и рекламой. Работы до хрена, времени позарез, не знаю, за что хвататься. Вдох-выдох. Надо успокоиться, еще и не с таким справлялся. Тру ладонями лицо. Ладно. Понеслась!

Выхожу в зал и зову ди-джея, зависаем с ним на полчаса. Я талдычу ему то, что не единожды повторял Бизону. Ди-джей, парень с серьгой в ухе и

¹⁴ Экип (сленг) — набор мотоциклетной экипировки с защитой.

татуированный с головы до ног оказался шустрый и сообразительный. Сразу вскочил на мою волну и пока мы говорили, составил программу. Управляющая трется рядом и нудит. Я уже знаю, что уволю ее, но пусть напряжется и немного растрясет зад. Поручаю ей заняться рекламой. Разместить на сайте информацию об акциях. Напечатать в офисе простенькие флаеры, нанять студентов для раздачи у ближайших бизнес-центров – офисный планктон основная наша клиентура.

К этому моменту подтянулись ребята Годзиллы. Многих я знаю лично. Среди них Тимур, боец которого я привез из Владика.

– Что? Решил подзаработать? – кривлюсь я от ухмылки, он еще на «месячном карантине». Годзилла принципиально не выпускает бойцов раньше этого срока.

Мы здороваемся за руку. Тот кивает и встает на вытяжку, ну да, сейчас я босс. Черт! Как я не люблю все это!

Двоих ребят даю в помощь Ольге Васильевне, она по ходу наводит порядок и уже вскрыла несколько припрятанных заначек дорогого алкоголя, ни то самого Бизона, ни то кого-то из барменов. Теперь навряд ли кто сознается.

В кабинете Бизона провожу инструктаж для секьюрити. Я давно говорил, что посты выставлены неграмотно. Но Бизон делал все, чтобы торговля наркотой процветала и лишние глаза ему были не нужны. Сейчас я ясно дал всем понять, что больше не потерплю этого дерьма и если узнаю, что кто-то из секьюрити был в доле, уволю без разбора. Старый состав напрягся, особенно Колян и я понял, что попал в точку. Все были в доле! Твою ж мать! И что теперь делать? Без Годзиллы мне с Коляном не разрулить. Но сегодня тот впервые за неделю поехал к семье пораньше и у меня рука не поднимется ему звонить.

– Выкладывай, Колян! – на меня тарашатся двадцать амбалов, стучу кулаком по столу, так что дерево трещит. – Либо сейчас, либо уже никогда!

Рация Коляна ожила, охрана со служебной стоянки доложила, что приехал Годзилла. Твою ж мать! Не сидится ему дома. Видимо, мой запрос на десять телохов со стволами его взбаламутил, и он лично решил перетереть со мной эту тему. По ходу Колян попал и по его фэйсу понятно, что до него это тоже дошло.

Вера

Музыка слышна уже с улицы. Достаяю вещи Руссо из багажника, и пока Кобра отвечает на звонок, захожу в клуб. Охранник на входе, между прочим, очень симпатичный парень, вежливо улыбается мне и открывает дверь. Видимо, уже знает, кто я и к кому пришла. Прохожу по узкому темному коридору, который наводит на меня страх, заглядываю в просторный зал с высоченными потолками и от восторга раскрываю рот. Ничего себе!

Я впервые в ночном клубе, да еще такого уровня. Черный потолок утыкан осветительным оборудованием. На высоком постаменте, куда нужно забираться по металлической лестнице стоит ди-джей и настраивает оборудование. Вдоль стен как змейка увивается красный диван, он состоит из секций, но с первого взгляда, кажется, что это единая конструкция. Вдоль него хаотично утыканы столики и мягкие кресла. Я вижу три гигантские кровати с красивыми позолоченными изголовьями. Зачем здесь кровати? В центре зала круглый танцпол, а над ним несколько качелей, на которых девушки как акробатки принимают замысловатые позы *очень* откровенного толка! Они спорят, что-то друг другу показывают, видимо, репетируют. Интересно, Руссо сейчас тоже на них смотрит? Если да, то я его убью!

Кобра легонько толкает меня в спину, я загородила проход.

– Пойдем, Беби, он в кабинете владельца.

Мы проходим через зал, два бармена разгружают ящики со спиртным и с интересом посматривают в нашу сторону. Попав в узкий, но хорошо освещенный коридор, мы подходим к третьей двери. Кобра стучит и сразу же открывает дверь. Я стою за ее спиной и слышу, как Руссо ей кричит:

– Подожди меня у бара! – голос пронизан металлом.

Я заглядываю в комнату, у меня от ужаса распахиваются глаза. Годзилла в черных тренировочных штанах и белой майке с надписью «Мой папа самый лучший» навис над каким-то брюнетом лет тридцати пяти. У него сломан нос, кровью залит весь пол. Он пытается что-то объяснить, то Годзилла наносит ему удар за ударом. Тот кричит еще громче, пытается высвободиться. Мне это напомнило сцену из детства. Так избивал Гоблин моих братьев. Ох, как же Годзилла похож на моего отца!

Руссо, как ни в чем не бывало, сидит в кресле владельца, перебирает какие-то бумажки. По его виду можно подумать, что происходящее его совершенно не волнует, но услышав мой вскрик, тут же вскакивает на ноги и бежит мне навстречу.

– Малышка, тебе сюда нельзя, – он пытается меня вывести, но я одергиваю его руку, намереваясь вмешаться.

– Что здесь происходит? Сейчас же прекратите! – кричу я.

– Верона, успокойся! Он в порядке, ему всего лишь преподадут урок.

– В порядке?! – визжу я. – Да он весь в крови!

Руссо видит, что я уже близка к истерике, поворачивается и одергивает глыбу мускул.

– Годзилла! Остынь! Он все понял!

Годзилла поднимает налитые кровью глаза и видит нас с Коброй, та тоже вся напряжена.

– Дел по горло и без него нам сегодня не обойтись.

Кобра выталкивает меня в коридор.

– Пойдем, Беби, раз Годзилла его лупит, значит, заслужил.

От запаха крови меня тошнит, я понимаю, что веду себя излишне эмоционально, но воспоминания из детства имеют надо мной огромную власть, и я не могу их контролировать. Я вырываюсь из рук Кобры, проскакиваю в кабинет, хватаю ножницы со стола и одним движением разрезаю майку изумленному верзиле.

– Вы не лучший! Не лучший!

Руссо хватается за плечи и тащит в зал. Усаживает на барный табурет и просит бармена дать мне воды.

– Верона!

Руссо нависает надо мной как ястреб, знаю, я повела себя как истеричка и мне стыдно.

– Мне нужно, чтобы ты взяла себя в руки. В клубе большие проблемы и если я с ними не разберусь, потеряю свою долю, а это очень большая сумма. Я должен быть здесь до утра. Если ты в состоянии собой управлять, то оставайся и будь рядом. Если нет, попрошу отвезти тебя в квартиру. Ну, так как?

– Я остаюсь. Прости, что сорвалась, – я выпиваю залпом стакан воды, он кивает, вытирает мои губы и целует в лоб.

Пока я прихожу в себя, Руссо и Кобра что-то обсуждают в стороне. Она немного растеряна. Что происходит? Ни по телефону, ни в дороге она мне ничего не объяснила, сказала, что сама ничего не знает.

Они как раз заканчивали разговор, когда в зал вошли Сева и Алена. Я бросилась к ним, словно увидела близкую родню. Но, слава богу, мой порыв их ничуть не смутил. Только сейчас я заметила, что Алена сильно нервничает. Руссо поздоровался с братом за руку, сдержанно кивнул Алене, затем обнял меня и все мы разместились за ближайшим столиком.

– Что происходит, Ари? – голос Алены сорвался, на глаза хлынули слезы. – Нам звонила эта бестия, сказала, что Кирилл пропал, что ты тоже его разыскиваешь.

– Мы найдем его, не беспокойся. Из-под земли достанем.

– Почему ты не сказал, что хочешь выйти из дела? Вы что-то не поделили? Рука Руссо, лежавшая на моем плече, сжалась в кулак.

– Алена, ты меня давно знаешь, я упрямый и принципиальный, – Алена кивает и Руссо продолжает: – Когда я вкладывался в клуб, то ставил ряд условий, и все... все без исключения... Бизон нарушил. Я такого не потерплю.

Алена откинулась на спинку дивана и тяжело вздохнула. Сева сжал ее руку, давая понять, что рядом. Мне нравилась эта пара. Они такие гармоничные и понимают друг друга с полуслова.

– С чем конкретно ты не согласен? – подал голос Сева.

– Наркота! – выпалил, словно выплюнул яд Руссо.

Все вздрогнули. Алена ахнула и прикрыла рот ладонью.

– С этим я в первую очередь не согласен. Какой бы эта дрянь не приносила доход, я не буду с этим мириться.

– Бизон занялся распространением? – Сева побелел, больше он не обнимал жену, вытянул руки вперед и сложил в замок.

– Не сам, но дал добро на то, чтобы эту дурь продавали в клубе, естественно за процент от проданного объема.

Алена сидела бледная, сломленная, губы подрагивали, казалось, у нее только что из-под ног выбили почву. Ее реакция понятна: муж работает в правоохранительных органах, а брат оказался наркоторговцем. Та еще дилемма.

– Ты говорил с ним? – спросила она дрожащим голосом.

– Конечно, не раз. Если бы не ваше родство, то я бы с ним разобрался по-другому, но...

– Вот и надо было бы ему вправить мозги! – со злостью выпалила Алена и сжала кулаки. – Ух! Попадись он мне!

Сева метнул в ее сторону осторожный взгляд.

– Алена, теперь это наше с Ари дело.

– Сева, не вмешивайся, – осадил его Руссо. – Это будет грязная игра. Не хочу, чтобы из-за наших терок с Бизоном пострадала твоя репутация или семья. Верону я отравлю на недельку в Италию.

– Я никуда не поеду! Я буду с тобой! – замотала я головой.

– Ты забыла, детка, ты же выиграла недельные курсы по кулинарии.

Надо же, вспомнил. Я безразлично махнула рукой.

– Я выбросила пригласительный. Мне это не нужно. Мне важно, чтобы с тобой все было в порядке.

Он целует меня в висок и говорит:

– Ты выбросила, а я подобрал. К тому же если ежеминутно я буду отвлекаться на твою безопасность, то не смогу полностью погрузиться в дело.

– Бизон часть семьи, а значит, семье с ним и разбираться, – сухо произнес Сева, вид у него был такой, что все понимали, он не отступит.

Руссо взглянул на брата и тяжело вздохнул.

– Еще один упрямец, – пробурчал он.

– Я слышал, ты перетряс клуб вдоль и поперек, решил забрать свою долю, пока не поздно? – спросил Сева.

– Что-то мне подсказывает, что нет уже никакой доли, – Руссо поскреб подбородок и насупился. – Запасы выпивки и продуктов давно не пополнялись. За коммуналку долг больше миллиона, уже грозятся отключить свет. Единственное, что можно сейчас сделать, так это снова поставить клуб на рельсы и довести его до прежних показателей.

– Он недавно что-нибудь крупное покупал? – спрашивает Сева у Алены, та мотает головой. – Странно, куда же тогда он все бабло спустил?

– Не удивлюсь, если к этому приложила руку его бестия. Она постоянно тянет с него по-крупному. То на операцию маме, то на себя. С каждым разом суммы все больше, а вранье продуманнее. Недавно встретила ее мать, здорова и на двух работах пашет, когда спросила про операцию, так под ней аж асфальт расплавился. Начала мычать и что-то лепетать, было понятно, что никакой операции у нее не было.

– Собирается сваливать. Готовилась заранее, чтобы побольше отжать, – Руссо заскрежетал зубами, затем посмотрел на часы. – Ладно, ребятки, я бы еще поболтал, но у меня работы по горло. Половина смены сегодня не вышла, почуяли развал и врассыпную.

– Я могу взять на себя бар, ты же знаешь я в этом ас, – предложила Алена.

– Нет, езжайте домой, я справлюсь.

– Ари, на тебя и так навалилось много чего. Я помогу. Это самое малое, что я могу сделать с учетом того, как подставил тебя мой брат. К тому же из бара я смогу приглядывать за дилерами, если начнут приторговывать.

– Алена, езжай домой, к детям. Ты нужна им, – Руссо похлопал ее по руке.

– Дети у ваших родителей, уже спят. До утра мы их не планировали забирать. Ари, не вредничай.

Руссо перевел взгляд на брата, тот пожал плечами, мол, сам решай.

– Ладно, бери на себя бар.

Аристарх

Час до открытия, а вентиляционщики только подъехали... и это у них срочный вызов называется. Я рычу на них у входа. Те ускоряются и скрываются в зале вместе с Толстозадой. Годзилла висит на телефоне. Ищет для клуба на постоянку секьюрити. Кобра занимается программой. Я не стал грузить ее всеми вопросами, но сказал, что если она справится, то получит место управляющей.

Впервые за вечер я немного расслабляюсь и иду переодеться.

Верона ждет меня в Vip-зале. Я приставил к ней Тимура. Она, конечно, была не в восторге, но я сказал, что позже все объясню. Пора нам поговорить. Я знаю, что сильно рискую. Верона очень впечатлительна. Но я не хочу, чтобы какая-то скотина преподнесла ей инфу о моей жизни с другого ракурса. Открываю дверь. Вероны нет. Что за черт! Выхожу в зал, спрашиваю у Алены, где Верона, та отвечает:

– Она на кухне, готовит тебе ужин.

Моя малышка и тут добралась до плиты!

Вхожу на кухню и каменею. Верона в коротком черном платье и на высоченных каблуках собрала вокруг себя толпу мужиков и что-то показывает на тарелке. При этом ее голос разносится по кухне как беззаботная соловьиная трель. Меня взбесило, что на нее таращатся масляными глазками не только все «фартуки», но и сам Тимур.

– Это что, мать твою, за сходка?!

Мой крик буквально вонзается в группу поклонников и расшвыривает их по местам. Тимур с каменным лицом отступил от Вероны на пару шагов назад. Я мечу во всех яростные взгляды, пытаюсь выхватить из толпы особо отличившихся, но тут на мое плечо ложится рука брата. Все это время он стоял у стены. Видимо, не доверил мою малышку никому и сам решил за ней присмотреть.

Раскрасневшаяся от жара плиты Верона, как ни в чем не бывало, подскакивает ко мне и со страстью целует в губы. Я тут же поплыл. Черт! Она мною жонглирует, как хочет!

– Ого! Не знала, что к нам присоединиться Диктатор Пиночет! – кривится в ухмылке Верона.

– Я думал, тебе нравится Пиночет... – изгибаю левую бровь.

Как по мне так никакой я не Пиночет, а кот в сметане.

– Он нравится мне в постели, но вне спальни он отвратителен.

– Чем ты тут занималась? – перевожу разговор на другую тему, так как от слова «постель» все «фартуки» возбудились.

– Показывала мальчикам, чему научилась на итальянском мастер-классе.

– Мальчикам? Детка, этим мальчикам уже под сорок.

Она тащит меня к тарелке, подцепляет на вилку что-то оранжевого цвета и сует мне в рот. Я прожевываю, это мясо с запеченной тыквой и с чем-то еще. Очень вкусно, но виду не показываю. Типа я еще злой.

– И давно ты здесь?

– Не увиливай! Тебе понравилось?

– Вкусно, как и все что ты готовишь, – я притягиваю ее к себе и говорю: – Мне нужно переодеться, куда ты сложила мои шмотки?

– Они в кабинете. Пришлось взять утюг у танцовщиц и подглядить брюки, они совсем помялись в дороге. Да, и я проследила, чтобы в кабинете все тщательно отмыли.

– Пойдем, поможешь мне, – тащу ее к выходу.

– Не раньше, чем ты поешь, – она вырывается, упирает руки в бока, вид нахальный. – Прогони Пиночета, сегодня не хочу его больше видеть. И верни мне Руссо!

Ходячая Дерзость! Ну ладно! Еще сочтемся!

Уминаю порцию чего-то там за три секунды. Показываю пустую тарелку и с набитым ртом волоку ее к двери. Сева давится от смеха. Да, таким он меня еще не видел.

– Диафрагму не потяни, – бурчу я со злостью, а у самого щеки как у хомяка.

За нами с грохотом закрывается дверь, из кухни слышится дружный хохот.

– Верона! Ты делаешь из меня посмешище! – рычу я и ускоряю шаг.

Верона за мной не поспевает, спотыкается, еще бы на таких высоких каблучищах ноги переломать раз плюнуть! Вырядилась! Для кого? Уж точно не для меня! Ух, как я зол!

– Зато они теперь не напуганы, они радуются, – с наивной искренностью выдает она и надувает губки.

Черт! Это еще что такое? Я замедляю шаг, она вздыхает с облегчением, теперь ее стройные ножки быстро семят и уже поспевают за мной.

– Почему они были напуганы, детка?

– Потому что им не платили больше двух месяцев. Макс и Сергей могут себе позволить такие просрочки, у них есть другой приработок, а Антонина и Лиза – нет. Это их единственная работа и теперь они в долгах.

Охренеть! Я совладелец этого бизнеса больше года и не знаю ни одного сотрудника по имени, а Верона пробыла с ними от силы час и уже со всеми перезнакомилась.

– Я разберусь детка, не все сразу.

– Мне кажется, что этому вопросу ты должен уделить самое пристальное внимание, – лопочет за моей спиной Верона, я все еще тащу ее за собой, теперь уже через зал. За нами с интересом наблюдают все сотрудники. – Этих людей обманули, обещали зарплату и не дали, можно сказать, обокрали, а они все равно пришли и работают. Разве они не заслуживают твоего внимания?

Слова Вероны наивны, но она ухватила самую суть. Я хотел переговорить с каждым после окончания смены. Но после ее излияний мне пришла в голову идея провести общую сходку перед самым открытием, чтобы добавить в людей уверенности.

Я принял душ и вернулся в кабинет, где оставил Верону и приказал не шевелиться. Тимур стоял у двери, я зыркнул на него убийственным взглядом. Черт! Я покажу ему на ринге!

– Фиолетовая? – спрашиваю я, снимая рубашку с вешалки. – Терпеть не могу этот цвет! Он старушечий. Не знаю, откуда она у меня. Стопудово кто-то подарил, сам бы я такую не купил.

– Я все продумала, не ворчи, фиолетовый цвет хорошо сочетается с твоими зелено-изумрудными глазами, – говорит она и помогает мне застегнуть пуговицы.

Вот бабы! Все у них с вывертом! Зелено-изумрудные!

Конечно, я сам мог одеться, не инвалид, но всю прошедшую неделю мы почти не виделись, мне хотелось почувствовать на себе ее нежные прикосновения.

– Прости, детка, я обещал, что уже сегодня мы уедем в коттедж, но до завтрашнего дня никак.

– Не извиняйся, ты не виноват. Кто мог подумать, что здесь такой бардак.

Она ровным счетом ничего не знала о том, что тут творится, но говорила с таким жаром и возбуждением, что я чуть не прыснул от смеха. В дверь постучали, Верона отозвалась быстрее меня. В кабинет заглянула одна из танцовщиц и передала мой черный бархатный пиджак.

– Спасибо, Тamarочка, – расплылась в улыбке Верона.

Я охреневаю, Верона везде успела. Скидываю полотенце, обвязанное вокруг бедер, надеваю чистые боксеры. Верона пожирает меня глазами. Ну, слава богу, а то уж думал я ей до фени. Ходит тут крутит попой, а за ней все мужики стадом.

Опять стук в дверь. Да что ж такое! Одеться спокойно не дадут!

Не верю своим глазам! Это один из «фартуков», принес Вероне мороженое.

– Как ты и просила, – он вручает ей десерт, – ванильное.

– Спа-си-бо-чки! – Верона расплывается в благодарной улыбке, будто ей только что к дому кабриолет подогнали.

Черт! Она так не улыбалась, когда я ей кольцо подарил! Меня прямо раздрает от злости. «Фартук» скрывается за дверью, я шиплю на Верону:

– Чего лыбишься?! Смотри, рожа треснет!

Она садится на стол, строит мне гримасу, высовывает белый от мороженого язык и болтает ногами. Как ребенок, ей богу! Мне аж стыдно за свои плотские фантазии.

– Ну как? – спрашивает она про шмотки, я уже оделся и стою на выходе.

– Пойдет, – бурчу я.

Честно говоря, не фонтан, сам бы я такое не нацепил. Я в этом какой-то фронт с Беверли Хилс. В клуб нет-нет да заглядывает мотобратва, меня точно не поймут.

Она спрыгивает со стола и подбегает ко мне, чмокает в тату со своим именем и улыбается.

– Вот теперь полный порядок.

На щеках появляются ямочки, я целую каждую и кайфую от гладкой как шелк кожи.

– Детка, Бизон может вернуться в любой момент, поэтому мы с тобой на ночь обоснуемся в Vip-зале. Ты как? Готова?

Она кивает.

– Придется поработать всю ночь. Мне нужно свести все концы. Подбить прайсы. Если устанешь, там есть диван, сможешь поспать.

Вера

Сквозь сон слышу, как Руссо говорит с Ольгой Васильевной. Наверное, она единственная женщина, имя и отчество которой он запомнил. Все остальные у него: Толстозадые, Скудоумные, Криворотые и я перечисляю самые безобидные прозвища, были и похлеще. Ужас! Как только женщины терпят такое обращение? Только за последний вечер мне трижды пришлось извиняться за его грубость перед девчонками.

– Какие первоочередные платежи? – спрашивает у бухгалтера Руссо, вид мрачнее грозовой тучи, похоже, дела еще хуже, чем он думал.

– Их много и все не терпят отлагательств, – бухгалтер показала длинный список, Руссо совсем сник.

– Черт! Я убью Бизона!

– С коммуналкой я разберусь. В понедельник поеду и сделаю акты сверки. Подтвержу задолженность и оставлю письма с просьбой об отсрочке платежей.

– А так можно? – недоверчиво осведомился Руссо и почесал затылок.

– Вообще-то – нет. Но у меня есть свои ходы. Ты думаешь, у тебя у одного возникли финансовые трудности? Некоторые компании, которые я веду, рассчитывались с задолженностями по году. При одном, конечно, условии: текущие платежи должны погашаться в срок.

– Я понял, – Руссо откидывает со лба волосы и тыкает в список. – Если так, то мы сможем выдать аванс сотрудникам с сегодняшней выручки?

– Не всем, конечно, но кому-то, сможем. Кого включить в ведомости?

– Узнайте, кто из женщин больше всего нуждается, постарайтесь выдать всю сумму долга.

Он не забыл наш разговор и мне это очень приятно.

Перед открытием клуба Руссо собрал всех в зале и дал четкие инструкции. Я видела, с каким уважением смотрели на него работники. Говорил он минут пять, не больше, но за это короткое время все подзарядились и заметно взбодрились, так он накачал людей своей неиссякаемой и бурной энергией. Когда все расходилось, кто-то в толпе сказал: «Все будет о'кей. Golden boy быстро наведет порядок». Так я узнала еще одно прозвище своего любимого.

Поначалу я с опаской отнеслась к клубу и тем, кто в нем работает, но после близкого общения поняла, что это обычные люди, у которых масса забот помимо работы и им дела нет до Руссо. Особенно меня напугали танцовщицы, на репетиции они так виртуозно управляли своим телом, что даже Руссо проходя мимо, бросал на них плотоядные взгляды. Но потом я забрела в примерку в поисках утюга, познакомилась с девчонками, и выяснила, что одна в ближайшие дни выходит замуж, а другая в счастливом браке и у нее прелестный трехлетний малыш.

– Аристарх, я сейчас скажу то, что тебе не понравится, – осторожно начала разговор Ольга Васильевна и взяла паузу.

Я распахнула глаза и внимательно следила за реакцией Руссо.

– Уж не томите, – пробурчал Руссо и сложил руки на груди.

– По моим подсчетам ежедневную выручку уменьшали, как минимум на двадцать пять процентов.

– Как давно? – Руссо нервно сглотнул, острый кадык пришел в движение.

– С самого начала, – ответила бухгалтер и пустилась в долгие объяснения, половину терминов я не разобрала и ни за что не смогу повторить. Но меня удивило, что Руссо ее понимал. – Сегодняшняя выручка подтвердит или опровергнет мои выводы, но я уверена, что права.

Руссо вскочил и начал мерить комнату шагами. Глаза его метали гром и молнии. Я поджала ноги под себя и завернулась в одеяло. Заметив, что я не сплю, Руссо опустился рядом со мной и начал размеренно поглаживать мои ноги, словно хотел меня успокоить, но я поняла, что ему самому было так легче. Неужели мое присутствие успокаивало его? Если так, то я рада, что хоть чем-то помогла.

– Ольга Васильевна, – Руссо посмотрел на часы, – я скажу, чтобы вас отвезли домой. Утром подобьем выручку и решим с суммой аванса.

– Я приеду в девять утра и продолжу ревизию. К вечеру уже будет полная картина.

– Не торопитесь. Мне важны точные цифры. Сам я смогу подъехать не раньше утра понедельника. Завтра здесь будет только Мадам Сижу На Заднице.

Это, видимо, об управляющей. Бухгалтер смотрела на Руссо с сочувствием. На вид ей лет сорок, дерзкая, за словом в карман не ползет, но к Руссо она относилась как-то по-особенному тепло, да, собственно, как и он к ней.

– Пока-пока Вера, надеюсь, вы как-нибудь заедите ко мне в гости, – обратилась она ко мне и засобиралась.

– Я тоже надеюсь, – пролепетала я и потеряла глаза.

Сон как рукой сняло.

Далее настал черед Кобры. Все это время она вникала в документы и внимательно вслушивалась в разговор. Как только дверь за бухгалтером закрылась, Руссо повернулся к ней и спросил:

– Поняла замес? Сплошное попадалово!

Она кивнула.

– Справишься?

– Постараюсь, Руссо. Работа ответственная, но интересная.

– Если сегодня все пройдет гладко, приступишь в понедельник. Мне нужно пару дней, хочу за Толстозадой присмотреть. Годзилла обложил ее со всех сторон. Посмотрим на ее движуху.

– Думаешь, она как-то причастна к банкротству?

– Раскинем сети и посмотрим, – трет подбородок Руссо. – Уж больно она ушлая и ведет себя так, будто ничего не боится. Видать, хапнула по полной. Может, уже после того как Бизон пропал. Она явно знает больше, чем говорит, послушаем ее трескотню по мобиле и посмотрим на ее окружение.

Руссо снова сел за стол. Они пересмотрели личные дела сотрудников, каждому он дал характеристику. Не такую, как обычно пишут в резюме: коммуникабельный, ответственный и работоспособный. Его эпитеты были предельно просты и самобытны. По ним можно было догадаться, как он

относится к данному работнику. Ни рыба, ни мясо. Лощенный дрыщ. Прыгай выше, хватай больше. Пухлик жизнью обиженный. Прикольный чувак – это он про ди-джея. Кобра его понимала с полуслова и делала пометки.

Рация Руссо то и дело оживала и ему докладывали с разных постов о состоянии дел. Пару раз на входе возникали проблемы, и они с Коброй бросались на подмогу. Потом возвращались и методично проходились по ее должностной инструкции. Теперь глаза Кобры блестели от возбуждения, видно было, что от происходящего она получала немалое удовольствие.

Буже к четырем часам утра Кобра ушла в зал, а мы остались наедине. Клуб должен был через час другой закрыться, по виду Руссо я поняла, что пока все идет по плану. Он стоял у окна и наблюдал за залом. Цепкий взгляд что-то выискивал, затем он хватался за рацию и просил проверить каких-то посетителей.

– Верона, нам нужно поговорить, – он резко повернулся и я вздрогнула.

Его тон не предвещал ничего хорошего. Так говорят, когда хотят сказать, что отношения вынуждены прервать. На меня накатило предчувствие грозы. Во рту мгновенно пересохло. Я села, надела туфли и поправила прическу, словно мне вот-вот предстояло отсюда выскочить в слезах.

– Я давно хотел это сделать, но то не было времени, то возможности, – он облизал губы и потер лицо ладонями. – Честно говоря, разговор для меня неприятный, но...

– Тогда ничего не говори, – я как моя мама пыталась спасти положение незнанием происходящего. – Достаточно на сегодня неприятностей.

– К сожалению больше ждать нельзя, я и так долго оттягивал. Иногда бизнес врывается в личную жизнь, сейчас как раз такой случай. Я принял решение, но ты его не поймешь, если я не расскажу тебе предысторию.

Я нервно сглотнула. Внутри бушевал огонь.

«Я собирался в ближайшие месяцы держаться от тебя подальше», – вспомнила я его слова после примирения.

Если Руссо сейчас скажет, что нам надо расстаться из-за его неприятностей и будет мотивировать все это моей безопасностью, то прежде чем уйти я разобью ему нос дыроколом. Видимо, у меня был такой воинственный вид, что он решил,

что ему лучше сейчас держаться от меня подальше, отступил в глубину комнаты и опустился в кресло.

Нависшая вдруг тишина разрывала мне сердце. Внешне я еще как-то держалась, но внутри вся издергалась. Руссо неотрывно смотрел через одностороннее стекло в зал. Я соорудила некий мысленный барьер, боясь услышать то, что может нас разлучить. Все что угодно только не это. Молчание Руссо затянулось, я уже грешным делом подумала, что убедила его не спешить с откровениями, но тут он заговорил:

– После расставания с Лили я чувствовал себя униженным. Никогда не был бедным, но и обеспеченным меня нельзя было назвать. Конечно, я дарил Лили беззаботную жизнь, одевал, водил в рестораны, мы часто путешествовали. Я даже купил квартиру перед ее побегом в Лондон. Но все это были случайные заработки, которые я не вкладывал, а прожигал и Лили это знала. Когда она ушла, я обозлился и какое-то время зависал в барах и клубах. Каждый день устраивал драки. Гонял на байке с такой скоростью и риском, что до сих пор удивляюсь, как остался жив, – он тер пальцы рук, словно они у него онемели. – Это был не самый лучший период в моей жизни. Не скрою, тогда я много бед натворил. Я пил... много пил. Мне хотелось, чтобы боль ушла или хоть немного утихла, но мне становилось только хуже. Пустота прожигала меня изнутри.

Он тяжело вздохнул и склонил голову. Я почувствовала, как тяжело ему даются эти воспоминания. Мне хотелось броситься к нему на шею, расцеловать, но все мое тело было скованно страхом, словно я вот-вот услышу свой приговор.

– Я ушел из клиники, где мы работали с Игнатом. Колесил по стране с рок-группой. Мы были в андеграунде. Пели то, что не крутили по радио. Наши выступления проходили в закрытых клубах. А после... – он снова тяжело вздохнул, – после мы отрывались... пили... глотали наркоту. Цепляли телок и трахали всю ночь. Иногда по две-три за ночь или устраивали групповушку.

Что?! Я выпучила глаза, не понимая как реагировать на такие признания. Знаю, что Руссо старше меня на девять лет и до встречи со мной вел далеко не ангельский образ жизни, но к такому я явно была не готова. Наркота? Групповушки? Он что с ума сошел? Мои глаза округлились, от такой реакции он застонал и отвел взгляд, но рассказ не прервал, а настырно шел к своей цели, что

утвердило меня в первоначальном предположении. Он все ведет к тому, что мы слишком разные и не можем быть вместе. Не понимаю! Зачем тогда нужна была Италия и все эти последующие разговоры о будущем?

– Так прошли еще полгода. Легче не становилось, наоборот, я ощущал себя в болоте, меня затягивала трясина. Ушел из группы, вернулся в Москву. Через месяц встретил Егора. Он искал партнера для ресторана... до сих пор не понимаю, что его заставило взять меня в долю... С того дня началось мое восхождение, – он снова бросил на меня настороженный взгляд и зачесал назад рукой волосы. – Детка, то, что я сейчас скажу, должно остаться сугубо между нами. Даже Курт не должен знать о нашем разговоре. Он кое-что знает обо мне, но не все.

Я кивнула. Его слова заставили меня съежиться. Боже! Что он хочет сказать? И почему этого никому нельзя говорить?

– За три года я поднял много денег. Очень много... – его рука потянулась к мобильному телефону. Длинные как у пианиста пальцы поставили телефон на ребро и начали его ловко вращать. – Что зарабатывал в проектах, вкладывал в финансовые сделки через международных трейдеров. Покупал акции, облигации, фьючерсы, короче все, что можно придержать, а в нужный момент выставить на торги по более выгодной цене. Об этом никто не знает. Даже в моей семье. Я поделил капитал на три части. Одна часть в Москве, это то, на что я живу. Вторую часть перевел в евро на Швейцарский счет. С него я обычно оплачиваю покупки внутри Европы. Третью часть...

С каждым его словом напряжение отпускало, он хочет поговорить о деньгах, а я надумала себе черте что. Я так перетряслась, что вместе с облегчением наружу прорвались эмоции, которые я из последних сил сдерживала на протяжении всего разговора. Мне было стыдно за свои мысли. Я закрыла лицо руками и залилась слезами.

Он подскочил и встал передо мной на колени.

– Детка, ты чего?

– Я думала, ты скажешь... – я всхлипнула, – что из-за неприятностей... мы должны расстаться, а ты про деньги...

– Малышка, почему ты так подумала? – его тон мне совсем не понравился, я мгновенно пришла в себя и убрала руки от лица.

В его глазах пылали гнев, разочарование и боль.

– Ты сказал Севе, что отправишь меня на курсы, я отказалась... а потом ты так заговорил... и я подумала, что ты хочешь порвать со мной...

Господи, что я несу? Бред какой-то. Я и сама не знаю, почему так решила. Просто страх. Навязчивый липкий страх, который сводит с ума, заставляет впадать в ступор и нести ахинею.

Он пересел в кресло напротив дивана, уперся локтями в колени и смотрел на меня исподлобья.

– Верона, что для тебя была та клятва? – он ткнул пальцем в мое кольцо. – Пустой звук?

– Конечно, нет! – встрепенулась я.

– Тогда почему твою голову посещают такие мысли?

Ну, вот опять я виновата!

– Я боюсь тебя потерять, – шепчу я.

– Малышка, ты моя, а я – твой. Теперь наши судьбы связаны. Я пытаюсь разъяснить тебе, как обстоят дела, положение серьезное, а ты начинаешь слезы лить. Выходит, я не могу на тебя рассчитывать. Каждый раз, когда мы будем сталкиваться с проблемами, ты будешь плакать?

Господи! Только не это!

– Нет, не буду, – как можно тверже заверяю я его. – Просто у нас все произошло очень быстро... мой мозг не поспевает обработать всю информацию. И... мой статус...

Он хмурится. Поддается корпусом вперед.

– Для нас мой статус понятен, но для других... я не знаю как себя вести при других людях. Квартиру не покупают с девушкой, которую встретил месяц назад. Все будут спрашивать кто я для тебя? Даже для Марии я просто девушка в длинной веренице претенденток на твое сердце. Она игнорирует мои просьбы. Улыбается, но игнорирует. Через несколько часов я встречу с братом и не смогу объяснить, почему я не живу в своей комнате, а постоянно торчу у тебя. Еще нужно разобраться с Академией, а это потянет за собой вмешательство наших родителей, – я с шумом вздохнула. – Узнав о моем решении, моя мама сразу примчится. Увидит тебя и поймет, что ты влияешь на мою жизнь. Не хочу даже

думать о том, что после этого начнется. Она скажет, что мы знакомы без году неделя, а уже живем вместе. Я бросаю институт, а ты можешь оказаться всего лишь временным эпизодом.

Руссо злобно сверкнул глазами и хотел что-то сказать, но я приложила ему палец ко рту и произнесла:

– И ей совершенно будет наплевать на наши клятвы. У нее идея фикс, что я должна быть независимой от мужа. Она все время приводит себя в пример. Я свою маму знаю...

– Не пойму к чему ты клонишь... – Руссо целует костяшки моих пальцев и заглядывает мне в глаза. – Скажи, детка, не ходи вокруг да около.

– Ни к чему я не клоню. Я говорю, что в моей голове бардак. Полмесяца назад я горевала в комнате Софии, а через пять дней мы уже обсуждали покупку и дизайн *нашей* квартиры. При всем этом ты хочешь вписать меня как совладелицу! Ты сказал, что только так я буду чувствовать себя там хозяйкой. Сегодня ты решил, что я должна знать, где и сколько у тебя денег. Для всех я просто твоя девушка, но на деле ты доверяешь мне конфиденциальную информацию, которую не знают даже твои родители. Это все не укладывается у меня в голове!

Он тяжело вздыхает, пересаживается на диван и обнимает меня.

– Детка, я знаю, что давлю на тебя. Знаю, что тороплю. Но я такой по природе и глупо надеяться, что я изменюсь. Я привык просчитывать на десять ходов вперед, поэтому мчусь как торпеда. Я уже вижу, что будет завтра.

– Хорошо. Скажи мне, что ты видишь? Что будет с нами завтра?

Руссо скидывает туфли, ложится на диван и увлекает меня за собой. Мы оба тяжело вздыхаем. Он укрывает нас одеялом и целует меня в макушку.

– Нам через многое придется пройти, Верона. Проблемы в бизнесе, притирки характеров и все такое. Но мы будем вместе и нам будет хорошо. Ты не просто бросишь Академию, а займешься тем, что будет тебя радовать. А я позабочусь, чтобы это дело приносило тебе доход. Твой личный доход. Что ты будешь делать с этими деньгами, меня совершенно не волнует. Я сам обеспечу тебя всем необходимым, – он прижал меня еще сильнее. – Малышка, все, что мы распланировали – сбудется. Вот увидишь!

– Мне нравится ход твоих мыслей, – я улыбаюсь и целую его руки.

– Ты готова выслушать меня или снова будешь плакать?

– Говори, больше не буду.

Руссо рассказал мне о своих проектах. Всего их пятнадцать. Пятнадцать! Только вдуматься! Как он умудряется их контролировать? По мне так это нереально. В проектах у него разное доленое участие и разные обязанности, но до встречи со мной у него не возникало никаких проблем. Он даже подумывал открыть еще парочку новых. Самым прибыльным проектом оказались бои. Он имеет процент с прибыли и сам делает ставки. Как он выразился, это самые легкие деньги. Но именно там и начались проблемы. Из-за них ему придется несколько недель жить в осадном положении. Что это я не поняла, но дико испугалась за него. Я развернулась к нему и, смотря в его глаза, внимала каждому слову.

По словам Руссо с ночным клубом тоже все обстояло несладко. Вытащить свои деньги ему сейчас не удастся, а значит, придется приложить немало усилий, чтобы очистить клуб как он выразился «от скверны» и наладить работу. Затем он планировал его продать и поделить долю с партнером, хотя с ним ситуация была такой сложной, что пока прогнозировать продажу было рано. Я сказала, что клуб мне очень нравится и что мне бы не хотелось, чтобы он его продавал. Руссо сказал, что подумает об этом, когда разберется с Бизоном.

Он дал мне выбор, пока он будет улаживать дела, либо я уезжаю на две недели с подругами в Италию, либо он нанимает мне двоих телохранителей и водителя, без них я не ступаю ни шагу. Идея с Италией мне больше пришлась по вкусу, тем более что мне хотелось попасть на кулинарные курсы. На том и порешили. Оставалось только уговорить кого-нибудь из девчонок полететь вместе.

По словам Руссо с алкоголем он завязал, как только открыл ресторан с Егором, а после нашей ссоры сорвался. Он обещал, что впредь таких срывов не будет. Мы еще долго обсуждали его планы по переделке клуба. Потом затрещала рация, его вызвали в кабинет. Я чувствовала, как он не хочет уходить. Он медленно надевал туфли и перед выходом сказал:

– Вот поэтому я хочу избавиться от всех проектов, которые требуют моего ежедневного участия. Хочу больше уделять тебе времени. Сейчас бизнес не

доставляет мне такого удовольствия как раньше, – он поцеловал меня в лоб и, глядя на меня сверху вниз, нахмурился. – Вспомнил твои слова. Мне не нравится, что в твоей голове постоянно роются мрачные мысли. Верона, ты должна мне пообещать, что такого больше не будет.

– Обещаю, – откликнулась я слишком рьяно.

Не обещай то, что не можешь контролировать!

По его виду я поняла, что моей реакцией он доволен, хотя настроения ему это не прибавило. Он ушел, а меня от усталости и слез сморил сон.

Аристарх

Годзилла мельтешил в коридоре. По его виду я сразу понял: у нас проблемы. Мы зашли в кабинет и плотно закрыли за собой дверь.

– Нарисовались! – с ходу начал излагать партнер. – Сначала попытались пару раз прорваться к Бизону, но мы их отшили. Теперь появился главный. Перетер с ним на стоянке. Дело швах, Руссо.

– Ну? – я хмурюсь, скрещиваю руки на груди.

– Бизон взял у них товар под реализацию.

Твою ж мать! Чувствую, как холодеют руки. Вот только этого нам не хватало! Куда этого дурандаса понесло? Это ж надо было до такого дотумкать! Где Бизон так себе мозги расплавил? А потом до меня доходит: бабла у него не было, долги клуба росли, а еще нужно было обеспечивать прожорливую сучку. Даже если бы я не заартачился и не захотел выйти из бизнеса, он был на мели, даже зарплату платить было не из чего. Вот Бизон и решил, что сам прокрутит наркоту, отобьет хоть какую-то часть долга. Тогда где товар?

– Бизона не нашли?

Годзилла качает головой.

– Обошли все точки, я сам сел за телефон и обзвонил мотобратву. Никто его не видел уже пару дней. Как сквозь землю провалился.

– Ты сказал им, что мы не при делах?

– Им по фигу. Дали два дня на сбор денег, а потом возьмутся за клуб. Руссо, за ними стоят серьезные люди. Я пробил. Нам их не одолеть. Они подтянут целую армию.

– Или сожгут клуб к едрене фене! – выпалил я.

– Им нужно только бабло или сам товар, в клуб они больше не ногой.

– С Коляна спросил? Может тот видел, как Бизон товар увозил или прятал?

– Первым делом. Тот мамой клянется, что ничего о товаре не знает. Наркоту продавали дилеры, его дело было закрывать на это глаза и держать ситуацию под контролем.

С минуту я размышлял, потом сказал:

– Скажи Коляну пусть принесет видеозаписи с камер наблюдения за три последних рабочих дня Бизона.

Годзилла понял мою мысль и метнулся из кабинета.

Три гребанных часа мы потратили на просмотр видео в ускоренном режиме, прерываясь лишь на перекуры Годзиллы – от перенапряжения у него глаза вылезали из орбит. В итоге мы отследили последние передвижения Бизона до входа в подвал, куда он вошел с сумкой, а вышел налегке. Дата совпадала с передачей ему наркоты и мы, вооружившись фонарями, двинули к лестнице, ведущей в подвал. На последнем лестничном пролете в нос ударил запах сырости и затхлости. Тут, наверное, и крысы есть. Я поморщился от безгловости.

– Сюда, – буркнул Годзилла, открывая ключом навесной замок. – Тут пыли по горло, по следам, легко будет понять, куда этого олуха копыта несли.

Дверь визгливо заверещала. Включая фонарь, я шагнул в темноту за Годзиллой. Черт! Как же тут воняет! Прикрыл нос лацканом пиджака, но все бестолку. Надо навести тут порядок. Это же помещение можно использовать.

Два луча фонаря заплясали по бетонным стенам. Куда идти? Хрен его знает! Подвал изрезан малюсенькими комнатенками.

– Налево, – Годзилла первым заметил припорошенные пылью следы и скрылся за поворотом.

Я огляделся, оценивая высоту помещения. Перегородки были ненесущими, кто и на кой хрен их возвел? Смысла в этом точно не было. В голове уже

замелькали мыслишки по переносу сюда складов. Тогда можно было бы освободить часть помещений за баром и сделать там две приватные комнаты.

– Руссо! – вывел меня из думок бас Годзиллы.

Я повернул за угол и увидел, как Годзилла простукивает стену.

– Здесь следы обрываются.

Стена была ровно отштукатурена. Никакого намека на тайник. Я посвятил наверх и увидел на двух параллельных ригелях черную спортивную сумку.

– Наверху!

Годзилла подцепил ее арматурой и сумка шмякнулась на пол. Звякнула молния. Кокс! Черт! Проклятье! Бизон! Какого хрена!

Кореш пересчитал пакеты набитые коксом.

– Здесь тридцать девять, а должно быть сорок.

– Один пакет прихватил с собой... на пробу... – я поскреб подбородок, – вот только кому он мог его потащить?

– Хрен его знает! Этот мудила всех подставил!

– Бухгалтер сказала, что он выручку припрятывал с самого начала.

– Сколько?

– Четвертую часть...

Годзилла разразился трехэтажным матом и сплюнул.

– Займись передачей товара. За один пакет рассчитаемся наликком.

Годзилла кивнул, закрыл сумку. Мы вышли из подвала.

– Все, я домой. В понедельник утром встретимся здесь и решим остальные дела, – я протянул ему руку, мы попрощались и разошлись.

Только я хотел войти в Vip-зал, как меня позвала Алена. Смена подошла к концу, мы обсудили дальнейшую работу бара, она дала несколько наставлений. Вид у нее был уставший и я не стал развивать особо тему.

– Кстати, отлично выглядишь! – улыбается Алена и поправляет мне ворот рубашки. – Тебе идет этот цвет...

– Верона, – выдыхаю я, давая понять, что это ее выбор.

– У нее хороший вкус. Мы собираемся в шесть вечера, – как бы, между прочим, говорит она.

Сева помог ей надеть кожаную куртку. Я вытаращился в непонятке. Типа собирайтесь, при чем тут я?

– Сегодня же поминки, – напомнил Сева.

Вот я дебил! Как я мог забыть? И даже Вероне ничего не сказал. С этой вошкатней в клубе я совсем запамятовал. Еле заметно киваю. Мы попрощались, пожали с Севой руки, и они уехали к родакам.

Я уже возвращался, когда услышал крик Вероны. Такой истошный и пронизывающий, что меня всего пробрало. Стартанул как торпеда. Ноги не слушались. Пока бежал в VIP-зал думал звезданусь конкретно. Через распахнутую дверь вижу, что Верона лежит на диване, над ней навис Годзилла, пытается успокоить. Тимур вылетел из туалета, на ходу застегивая ширинку, и на полном ходу врезался в меня.

– Что ты сделал?! – рычу я и отшвыриваю Годзиллу к стене.

Во мне столько силы и злости, что Годзилла как мешок повалился на пол.

Бросаюсь к Вероне.

– Детка, что случилось?

Она бледная, как простыня, хватает ртом воздух, не может говорить.

– Я думал ты здесь... – пытается объяснить ситуацию Годзилла, – зашел, увидел ее. Хотел сказать «спасибо» за пирог, а она распахнула свои шайбы и выдала триста децибел.

Приподнимаю Верону, прижимаю ее голову к груди.

– Малышка, я с тобой, все хорошо. Ты чего испугалась?

– Я думала это Гоблин... – шепчет она и смыкает свои похолодевшие руки на моей шее.

Проклятье! Я с ходу все понял, Верона мне уже говорила, что Годзилла комплекцией и лысиной похож на ее отца.

– Годзилла, уйди с глаз долой! Не видишь, ты напугал ее до смерти!

Тот ломанулся к двери, но потом вспомнил, зачем приходил и тормознул:

– Кувалда звонил, сказал, что в четверг будет пробный прогон. Ставки только для своих.

У меня даже волосы зашевелились. Проклятье! Началось! К четвергу Верона должна быть в безопасности.

Попросил одного из секьюрити отогнать байк домой, а сам вызвал такси и повез Верону в коттедж. Она свернулась клубком у меня на груди и притихла, будто неживая. Мне приходилось время от времени поглядывать на нее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Дыхание было размеренным, но она не спала. Временами я склонял голову и наблюдал, как ритмично моргают ее ресницы. Она все еще была напряжена, и я поставил песню «Here It Is» Леонарда Коэна на полную громкость. Мелодия спокойная, немного грустная. Мне хочется, чтобы наши энергии объединились и наполнили нас гармонией и нежностью. Одной рукой я гладил ее волосы, другой похлопывал по спине, раскачиваясь в такт. Мой подбородок упирался ей в плечо. Я тихо нашептывал ей слова песни. Через несколько минут Верона громко вздохнула и расслабилась.

Наш последний разговор не шел у меня из головы. У меня создалось такое впечатление, что она мне что-то хотела сказать, но не решалась. После ссоры она всеми силами старается избежать конфликтов. Внезапная истерика и неуклюжие объяснения убедили меня в том, что Верона хочет большего, но боится сказать мне напрямую. В каком-то смысле она права. Кто она для меня? Если я так уверен в себе, как говорю, почему не предложил расписаться? Я готов отдать ей все что накопил, вписать в договор о покупке квартиры, как равноправную совладелицу, но узаконить отношения не спешу.

Я снова задумался о своих мотивах. Что вообще творится в моей башке? Почему веду себя так нелогично? С одной стороны я форсирую события, с другой торможу. Может, Верона права, и какая-то часть меня просто трусит? Пытаюсь понять, какое место она занимает в моей жизни. От одной мысли, что ее может не быть рядом меня потрясывает. И тем более, если она может быть с кем-то другим. При таком раскладе мне вообще крышу снесет.

Ночь в клубе показала, как мне работается, когда она рядом. При всем том безумии, что творилось вокруг, я был собран и обошелся практически без рукоприкладства и нападок. Даже когда застал Верону в окружении «фартуков», не полез в драку, а спокойно выдержал ее объяснения. Конечно, присутствие Севы тоже сыграло свою роль, но ведь главное это Верона.

Она права, для нее все происходит слишком быстро и мне бы притормозить коней, но разве ж я смогу? Когда я с ней, во мне просыпается завоеватель, мне нужна все большая территория. Вся она, без остатка. Мне все мало! Не могу остановиться и насытится тем, что имею. Это как неистовая гонка, в которой если не будет движухи, то я сдохну!

Подъезжаем к коттеджу, расплачиваюсь с водителем и вывожу Верону на улицу.

– Детка, ты как? Сама дойдешь?

Она кивает, трет кулачками глаза.

– Хочешь, я сам приготовлю завтрак?

Она снова кивает. Бессонная ночь, наш разговор и шок, вызванный внезапным появлением Годзиллы, отняли у нее все силы. Я обнимаю ее за плечи и веду к воротам.

– Сейчас поедим и спать.

У меня у самого глаза песком посыпаны. Она зевает, и я тут же подхватываю ее сладкие зевки, как вирус. На подъездной дорожке неуклюже примостился байк Курта. Чего это он его так швырнул? Психовал что ли?

В коттедже тишина, ну еще бы, утро субботы, все дрыхнут без задних ходов. Сажаю Верону на кухонный остров. Скидываю с нее туфли и поглаживаю стройные ножки.

– Посмотрю, что есть в холодильнике.

Открываю дверцу холодильника и застываю. Шаром покати! Черт! На счет завтрака получился порожняк! Надо было позавтракать в клубе, «фартуки» предлагали нам накрыть в баре поляну, но мне так хотелось оттуда побыстрее свалить и остаться с Вероной наедине, что, я, дебил, отказался.

– Что? Совсем ничего? – улыбается Верона и спрыгивает с острова.

– Ни хрена! Жесть!

Прошмыгнув у меня под рукой, Верона заглядывает в холодильник и оценивает обстановку, как бывалый разведчик.

– Милый, хочешь ажурные блинчики?

– Спрашиваешь! – ухмыляюсь я, вспоминая их нежный вкус.

Мы поднимаемся в нашу спальню. Я ныряю в душ, а Верона в это время переодевается и бежит на кухню. Сейчас бы моей малышке поспать, но когда дело доходит до еды, в ней просыпается дремлющая сила. Я это очень ценю.

Спускаюсь с лестницы в спортивных удлиненных шортах, первая партия блинов уже готова. Чайник вскипел, и я сам завариваю нам чай – небывалый случай. Мы вошкаемся на кухне как настоящая семья в субботнее утро. Здесь в коттедже кухня большая, остров, несомненно, добавляет кухне функционала.

– Малышка, мне нравится эта кухня, – говорю я ей и достаю чашки с блюдами из сушки. – Хочу остров. Когда будешь составлять задание для дизайнера, надо учесть все параметры кухни. Нам нужна не меньше этой.

– Мне тоже она нравится.

Мы сели завтракать и тут со всех щелей начали выползать полупьяные двуногие тараканы, вернее тараканихи. Видать, запах жареных блинов пробудил в них главный человеческий инстинкт – пожрать! Первой появилась София и жадно оглядела мою тарелку. Пока она принюхивалась, я от греха подальше отправил последние блины в рот и состроил ей рожицу.

– Что с тобой, Софа? На тебе лица нет? – спрашивает подругу Верона.

Как по мне так с лицом у нее порядок, она всегда немного не в себе. Будто только попала в аварию и еще ветер в ушах свистит.

– Я сломала ему член, – отвечает София и смачно зевает.

Сгибаюсь пополам и прыскаю от смеха. Черт! Чуть не грохнулся башкой об столешницу!

– Что ты... сделала? – уточняю я сквозь смех.

От удивления Верона распахивает глазища. Сон у обоих как рукой сняло.

– Бр-р-р... – София мотает башкой, – шлем! Я сломала ему шлем!

– Ты сломала Курту шлем? Гы-гы! – я все еще ржу и вытираю прыснувшие на глаза слезы. – Кирдык тебе, София!

В принципе тут и без Фрейда все понятно. Курт и шлем неразделимы. Черт! Ну и кадр! Член она сломала! Уф!

– Я серьезно! Руссо! Хорош ржать!

– Почему ты еще живая? – спрашиваю я и снова давлюсь от смеха.

– Он не знает!

– Как ты умудрилась сломать... шлем? – Верона еле сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– Я вчера каталась по Рублевке на его байке.

– Что?! – округляю глаза.

– Ну... и грохнулась, короче. С байком все в порядке, но вот шлем...

– Заказывай замену и поскорее...

– Где? Я весь инет облазила, такого нет.

Вижу в ее взгляде отчаяние и решаю проучить. Показываю на телефоне, от какого шлема Курт никогда не откажется и даже забудет про старый спросить. Говорю, если хочет, то в течении часа он будет здесь. Она бросается мне на шею, потом срывается и бежит за телефоном, чтобы перевезти деньги на счет онлайн-магазина. Я скромно умалчиваю, что магазин мой и что это самый крутой и дорогой шлем.

Верона меня уже неплохо изучила и впялилась хитрющим взглядом.

– Ну, нельзя же так... она ведь ради него звезду с неба достанет.

– А что я сделал? Предложил выход из ситуации вполне по розничной цене, – я развожу руки в стороны, мол, что с меня взять. – И к тому же ей наука. Не будет брать в следующий раз его байк. Детка, это табу.

– Я знаю... – вздыхает Верона.

Да, Курт воспитал ее как надо! Таких проблем у меня с ней не будет.

– Теперь и она будет знать. А если с первого раза не просечет, то вскоре новый байк будет покупать. А это уже не сто штук... Такой как у Курта, прокаченный и весь в хrome, на лимон потянет.

– Откуда у Сани такие деньги? – распахивает глаза Верона.

– Байк я ему подарил, но прокачал он его сам.

– Сколько говоришь у тебя денег? – шутливо спрашивает Верона и шлепает меня по руке.

– Проехали, детка, – кривлюсь я в улыбке. – Ты предпочла слезки лить. Помнишь? А вот если бы дослушала, тогда бы и узнала...

– Деспот! – дразнит она меня, откидывает волнистые пряди волос с плеча и прикусывает нижнюю губу.

Черт! Я мгновенно завелся. Какая же она сексуальная! Она и сама не знает, как сильно действуют на меня ее новые повадки. Вижу, что она закончила с завтраком, хватаю ее за руку и тащу в спальню.

– Руссо! Мне нужно пожарить блинчики девчонкам!

– Обойдутся! Сейчас жарить буду я!

– Ох...

Это ее «ох» отзывается резким уколом в пах.

– Сам-то ты поел! – упрекает она меня и семенит ногами.

– Я не наелся! – кидаю на нее плотоядный взгляд и добавляю: – Приберег десерт напоследок!

Вера

Руссо втаскивает меня в нашу спальню и бросает на кровать.

– Снимай все с себя, Верона! – рычит он и ходит вокруг кровати как волк, присматривающийся к добыче.

– Мне нужно в душ, – я хочу подняться.

Руссо пригвождает меня взглядом.

– Не нужно, – отрезает он и сверкает глазами. – Раздевайся! И повторять я больше не буду, Верона!

Мои новые шорты мне нравятся, не хочу, чтобы он их порвал. А именно такая участь их ждет, если я не повинуюсь. Я начинаю медленно стягивать шорты и топ, остаюсь в одних стрингах от «Victoria's Secret». Руссо их точно не порвет, лично выбирал в Милане.

– Черт! – он убирает волосы со лба и потирает шею. – Верона, какая же ты стала женственная...

Он прав. После Италии со мной действительно произошли разительные перемены. Движения стали плавными, размеренными. Я и раньше не была угловатой и грубой, но сейчас передвигаюсь как кошка, бесшумно и плавно. Изнутри меня наполняют нежность и страсть. На первый взгляд две совершенно несовместимые энергии. Руссо открыл мне неведомый мир, в который я с каждым днем погружаюсь все глубже и глубже.

– Я люблю тебя.

С этими словами я переворачиваюсь на живот и немного приподнимаю ягодицы. Руссо смачно выругался и повалился на меня как мешок.

– Малышка, от тебя мне крышу сносит!

Он кусает мои ягодицы, я кричу, пытаюсь вырваться, но его сильные руки удерживают меня на месте. Грубость сменяется нежностью, его пальцы блуждают по моей спине и пояснице. Руссо целовал и массировал кожу, разжигая во мне огонь. Губы впивались в каждый сантиметр тела, он постанывал, рычал и тяжело дышал, а я, улыбаясь, наслаждалась его прикосновениями.

– Конфетка моя! Сладкая и тающая в руках! Моя! Моя Верона!

Не знаю, что со мной случилось в этот момент, во мне будто проснулась хищница. Откуда взялись дерзость и необузданность. Наверное, он подумал, что я копирую его поведение, но нет, это будто тлело и набухало, а сейчас прорвалось наружу. Я увернулась и оседлала его. Припала губами к его груди и поставила парочку засосов на шее. Его глаза потемнели, он с шумом выдохнул и стал ждать, что я буду делать дальше.

– Ты мой, Руссо! – с силой оттягиваю его волосы, я знаю, что делаю ему больно. – Только мой! Ты слышишь меня?

– Предельно ясно, – отзывается он и самодовольно улыбается.

Я привстала и стянула с него черные шорты и боксеры. Сэм, во всей красе, лег на его испещренный кубиками живот и слегка подергивается. От такого зрелища я млею, м-м-м, какое все красивое...

– Привет, Сэм, – припадаю к нему губами. Руссо выгибается и рычит. Я знаю, как он это любит. – Ты хорошо себя вел?

Сэм дергается, я улыбаюсь.

– Ладно, охотно верю, но я все равно буду за тобой присматривать.

Поднимаю голову и вижу, что Руссо улыбается, взгляд теплый, страстный и манящий. Он подтягивается на локтях вверх, усаживается в изголовье кровати и жестом просит сесть сверху. Снимаю трусики и осторожно опускаюсь на Сэма. От глубокого проникновения мы оба хватаем ртом воздух. Боже, как хорошо! Мои бедра движутся вверх-вниз. Сначала осторожно, словно я боюсь сделать ему или себе больно, но постепенно ускоряюсь, руки Руссо вцепляются мне в бедра.

– Малышка, что ты делаешь со мной? М-м-м? Хочешь, чтобы Пиночет пришел?

– Нет! Хочу все сделать сама, – это была не просьба.

– Ладно, как скажешь, детка, – его руки перемещаются на мою грудь. –
Делай, как ты хочешь.

Он облизывает губы. Я тону в его зелено-изумрудных, словно океан глазах.
Боже, как же я его люблю!

– Верона, ты такая красивая!

Внизу живота разгорается огонь, все тело пронизывает дрожью. Я ускоряюсь и с силой сжимаю его бедра. До конечной точки мы доходим вместе. Наши неумолимые и сладострастные крики заполняют комнату. Придерживая меня, Руссо спускается на матрас и ложится на спину. Я падаю ему на грудь и несколько минут восстанавливаю дыхание.

– Как же я соскучилась по тебе!

Его горячие руки гладят мою спину.

– Прости, малышка. Неделька выдалась жаркая.

Я целую его в губы, осторожно поднимаюсь и иду в ванную. Принимаю душ, а когда возвращаюсь... он уже спит. Ему не хватило сил на душ! А это для Руссо нонсенс!

Сворачиваюсь рядом с ним калачиком и тоже засыпаю.

Сквозь сон слышу сигнал поступившего сообщения. Боже! Кому не спится в субботу утром? Приподнимаюсь на локтях и ищу мобильник. Смотрю на экран и не верю своим глазам. Это Софа.

Верона! Sos! Прости, я знаю, ты не спала всю ночь, выручай, please! Я без тебя не справлюсь! Мне кранты!

Пишу ей тут же ответ:

Что случилось?

Твоя мать здесь!

Что?! Моя мама? Здесь? Почему Саня меня не предупредил?

Вскакиваю резко с кровати. Руссо ворчит, переворачивается на другой бок, а я замираю. Он не спал всю ночь, издергался с этим клубом. Не хочу его будить. Тихо прокрадываюсь в гардеробную, нахожу джинсы и водолазку с высоким воротом. Нужно прикрыть засос, что мне поставил вчера Руссо.

Осторожно выскальзываю из комнаты и бегу к лестнице. С первого этажа доносится голос Сани. Почему мама приехала без предупреждения? И как она узнала, где мы живем?

Спускаюсь на первый этаж. Подруги сидят за обеденным столом. У обеих такой вид, будто где-то неподалеку взорвалась водородная бомба и вот-вот нас накроет ударной волной.

– Где она?

Софа глазами показывает на патио. Я поворачиваю голову и вижу маму. На ней приталенное синее платье, я такого у нее не видела. А туфли! Боже! Где она их купила? Она уложила волосы! Выглядит просто потрясающе! Но вот вид у нее сконфуженный, она озирается по сторонам. Саня показывает ей ухоженный участок. Ее растерянный взгляд скользит по газону, бассейну, мощеным дорожкам и фонарям в виде торшеров. Да, знаю, здесь как в музее ландшафтного дизайна. Тут она замечает меня и улыбается, но потом улыбка медленно сползает с лица. Господи, что она такого увидела? Я оборачиваюсь, никого нет. Значит, это мой вид заставил ее насторожиться. Наверное, я изменилась. Да, мама, теперь я женщина.

Выхожу на патио.

– Мамуля... – шепчу я.

Мама распахивает свои объятия, я бросаюсь к ней. Боже, как я соскучилась по ее нежным рукам, по исходящему от нее цветочному запаху. Саня улыбается, а я украдкой показываю ему кулак.

– Почему ты не сказала, что приезжаешь?

– Хотела сделать тебе сюрприз, – мама закатывается от смеха. – Похоже, получилось.

Она очень взволнована, то и дело теребит локоны! Интересно в связи с чем? Отец вот-вот выйдет по УДО? Она что примет его назад? После всего, что он сделал?

– Не то слово, мам, – я тоже смеюсь. – Хочешь отдохнуть с дороги?

Веду ее в гостиную, усаживаю на удобный диван и бегу на кухню. Я знаю, какой мама любит чай и припасла его на такой случай. Правда, я думала, что этот случай представится гораздо позже, а конкретнее, ближе к Новому Году. Пока я вожусь с чайником и сервизом, Саня вполголоса что-то ей рассказывает. Софа наострила уши, но сидит в засаде, боясь показаться маме на глаза. Мы обмениваемся с подругами многозначительными взглядами. Жестом я показываю Софе, чтобы не волновалась, я уверена, что все будет хорошо.

Вношу в гостиную поднос и расставляю чашки, Саня сидит с мамой рядом, поглаживает ей руку. К такому обращению мама точно не привыкла, но руку не одергивает, а внимательно следит за сыном. Она, как и я замечает в нем перемены. Мне кажется, у Сани даже лицо посветлело и разгладилось. Взгляд теплый, любящий. Еще бы! В этой комнате сидят все его любимые женщины.

У нас завязывается мирная беседа, мама рассказывает о жизни в поселке. Не бог весть какие новости, но это ее жизнь и мы с братом это понимаем.

– Мама, где ты купила это платье? – не выдерживаю я.

– Саня прислал... и туфли... тебе нравится? – привычным жестом она поправляет подол.

– Очень...

Я смотрю в сторону Софы, наверняка, это ее идея. Саня перехватил мой взгляд и будто очнулся от спячки. Жестом он подзывает Софу, а когда она подходит, обнимает ее за талию и говорит маме:

– Мам, познакомься, это моя девушка, София.

От неожиданности мама вскакивает и каменеет. Саня никогда ее ни с кем не знакомил и мы все понимаем, что отношения с Софой значат для него гораздо больше, чем предыдущие романы. Мамин мягкий взгляд скользит по лицу Софы, та смущенно жметя к брату. Она выглядит безобидной овечкой. Знала бы мама ее истинный характер!

– Очень приятно, София, – наконец отзывается мама.

Судя по реакции, Софа ей понравилась. Ой, мама, будь осторожна в оценке этого бурного потока. Ее напускная скромность обманчива, а в глазах таится

страсть и непокорность. Впрочем, это не наша с мамой проблема, пусть об этом болит голова у Сани.

Через час мы с подругами приготовили обед и накрыли на стол. По всему коттеджу распространился аромат запеченного мяса с картошкой. Ох, Руссо долго не выдержит. Я прям отсюда слышу, как урчит его желудок.

Мама несколько раз пыталась прорваться на кухню, но Саня не пустил. Глупыш, он не понимает, какое она может испытать от этого наслаждение. Новая техника, новая мебель, новая посуда. Ну да ладно, завтра утром у нее представится такая возможность. Я уже знаю, что она проснется ни свет, ни заря и начнет тут все изучать.

Мы разместились за обеденным столом. Пришлось его разложить, только так мы смогли вместить шесть человек. Сама я Руссо не собиралась будить, но что-то мне подсказывало, что он сам скоро спустится. От этой мысли меня немного колотило, предстоит самое важное в моей жизни знакомство.

– А Руссо обедать не будет? – спрашивает Анна.

Мама бросает на меня изучающий взгляд. Этот взгляд говорит мне, что она знает, о ком спрашивают, видимо, Саня уже успел рассказать ей о моей начавшейся личной жизни.

– Пусть спит, – отмахиваюсь я. – Он всю ночь наводил порядок в ночном клубе.

Рассказываю вкратце о событиях в клубе. Саня напрягается.

– Бизон пропал? Когда?

– Уже два дня его никто не видел. Алена и Сева там тоже были. Алена взяла на себя бар, а Сева с меня глаз не спускал. Все боялся, что ко мне кто-нибудь пристанет, а Руссо затеет драку.

Мама внимательно слушала, но не встревала в разговор. Похоже, она придерживается сегодня тактики: «Больше слушай и меньше говори».

Мы слышим громогласный голос Руссо и все оборачиваемся. Он спускается по лестнице, одетый в черную рубашку и такого же цвета брюки. На груди его любимый медальон в виде черепа. Ремень «Harley Davidson». Рукава рубашки закатаны и оголяют тату. Очень стильный, я аж засмотрелась.

– Как это вы не выставили их на торги? Артур! Я же ясно дал понять слить акции до трех часов по Нью-Йоркскому времени! – Руссо злой, на шее пульсируют вздувшиеся вены. Подойдя к столу, он целует меня в макушку и тут же отходит к окну. – Да мне плевать на прогнозы экспертов и ваше мнение! Вы мой брокер и должны делать, так как я вам велел. По моей оценке сейчас самое время слить акции.

Минуту он слушал говорившего. Его пытливый взгляд ощупывал горизонт. Ноги широко расставлены. Стойка уверенного в себе мужчины.

– Артур, еще один такой просчет и мы разбегаемся как в море корабли!

Я мельком взглянула на маму, на ее лице отражалась гамма эмоций. Даже зная ее всю жизнь, я бы не смогла описать каких именно.

Руссо заканчивает разговор, поворачивается и смотрит на меня.

– Малышка, – он присаживается передо мной на корточки, теперь наши глаза на одном уровне, – сегодня годовщина смерти Авроры. Все собираются в шесть, но нас мама просила приехать пораньше. После больницы она слабая, ей нужно помочь с готовкой. Ты как? Сможешь?

– Зачем ты спрашиваешь? Конечно, смогу.

Он целует меня в лоб.

– Тогда переоденься. Надень темное и никакой косметики. Я вызову такси.

– Сколько уже лет прошло? – спрашивает Саня.

Руссо поворачивается, протягивает ему руку.

– Извини, бро, я сегодня сам не свой.

– Не мудрено, – Саня жмет ему руку.

– Три года, – Руссо замуривает глаза, от воспоминаний его лихорадит. – Сегодня три года.

– Ты не поехал на Фиджи?

От удивления я вскидываю брови. На Фиджи? Зачем? Там погибла его сестра? Мне хочется расспросить подробности, но по виду Руссо понимаю, что он пока не готов обсуждать эту тему. Из разговоров с его родителями я поняла, что он никогда не приходил на поминки сестры.

– Мать попросила остаться. У нее недавно был сердечный приступ, я не смог отказать.

Руссо переводит взгляд на маму и замирает. Я прихожу ему на помощь.

– Милый, познакомься, это моя мама.

Он подходит к ней ближе. Под его пронизательным взглядом мама медленно поднимается со стула, краснеет, словно это не он, а она проходит какой-то экзамен, робко протягивает ему руку. Но вместо рукопожатия, Руссо целует ее руку и нервно сглатывает.

– Аристарх. Приятно познакомится. У Вероны ваши глаза.

– Мария Алексеевна. Мне тоже очень приятно.

Мама, мягко говоря, в шоке. Я вижу ее растерянность. Она не сводит взгляда с татуировки с моим именем.

Руссо поворачивается ко мне и спрашивает:

– Ты меня покормишь?

Вместо ответа я вскакиваю и бегу к противню, на котором осталась его порция. Через две минуты он прикончил все, что было на его тарелке. Руссо поддерживает разговор за столом, частенько поглядывая на мою маму. Она тоже на него изредка поглядывает. Это напоминает мне перестрелку двух противоборствующих сторон. Внешне они выглядят вполне миролюбиво, но внутри каждого пылает огонь.

– Детка, ну ты чего? – Руссо смотрит на меня с непониманием.

Я вспомнила. Переодеться. Все темное. Никакой косметики.

– Ох, я быстро, – встрепенулась я и побежала в нашу комнату.

Аристарх

Мать Вероны показала мне, как будет выглядеть моя малышка в пятьдесят. Зрелище еще то. Конечно, у Вероны не будет мозолей на руках от постоянной физической работы. Она не будет так потрепана жизнью, но общее представление теперь у меня есть. Я не мог отвести от матери Вероны глаз. Моя будущая теща! Мне нужно постараться наладить с ней отношения. Эта женщина воспитала моего лучшего друга и мою малышку. Несмотря на мужа-тирана, она сумела привить детям отзывчивость, доброту, самопожертвование и заботливость. Только за это она достойна уважения.

Пока Верона переодевается, мне удастся перекинуться парой фраз с ее матерью.

– Значит, вы возили мою дочь в Верону?

Мы оба понимали смысл ее вопроса. Я кивнул и выдержал ее взгляд. А он был *очень* красноречив. Ее глаза кричали: «Каков твой следующий шаг?». Хрупкая женщина с виду и кремень внутри. Она готова была драться за каждого ребенка до последней капли крови.

– Все ваши тревоги напрасны, Мария Алексеевна. Я не сбегу.

Она ничего не ответила, только сверлила меня взглядом, будто хотела убедиться, что я не вру.

– Вы меня совсем не знаете, – мой голос звучал твердо.

Она наконец-то улыбнулась и поразила меня в самое сердце.

– Надеюсь, мы это скоро исправим?

Меня прям распирало во все стороны, и я выпалил:

– Не хотите познакомиться с моими родителями?

На секунду ее синие глаза вспыхнули, щеки зарделись, теперь я знаю от кого унаследовала эту реакцию Верона. Она смущалась! Черт! Ей примерно пятьдесят, а она все еще смущается!

– С удовольствием, – она поправила свое платье, будто хотела убедиться годится ли оно для поминок.

Я услышал цоканье каблуков Вероны и обернулся. Она быстро спускалась по лестнице, застегивая на ходу серьги от «Tiffany», которые отлично сочетались с моим подарком на пальце. Ее стройное тело было затянуто в облегающее черное платье, подчеркивающее ее идеальную фигуру. Черт! Как же моей блондиночке идет черный цвет!

Анна первая увидела кольцо и воскликнула:

– Что это?!

Верона кинула на меня осторожный взгляд. Проклятье! Вот оно!

«Кто я для тебя?», – пронеслись у меня в голове ее слова.

– Мы помолвлены, – отозвался я.

Все вытаращились на меня, в том числе и сама Верона. Я вынул из кармана левую руку и показал свое кольцо. В ответ тишина... я бы сказал гробовая

тишина. Девчонки забыли, как дышать, таращатся то на Верону, то на меня. Курт застыл как деревянный идол. Смотрит на мое кольцо. Мать Вероны, как и ее старший сын, тоже не отводит взгляда с кольца, только не моего, а дочери.

– Вот это да! – первой подала голос София.

– Поздравляю! – всплеснула руками Анна. – Ты сделал Вероне предложение в Италии?

– Руссо заказал «Символическое венчание» в церкви, где венчались Ромео и Джульетта, – пояснила Верона. – Там, в торжественной обстановке, мы дали друг другу клятвы.

Она корректно внесла ясность в происходящее. Ну да, технически предложение я не делал. Верона показала на телефоне фотографии с «венчания», которые сделали организаторы церемонии.

– Какие вы красивые! – восторженно заверещала Анна.

Телефон пошел по кругу и вернулся к Вероне. Сначала Курт сверлил меня пытливым взглядом, потом поздравил, мы обнялись, и он одобрительно похлопал меня по спине.

Все! Назад дороги нет! Я только что во всеуслышание признался в своих намерениях... и вот что странно... испытал от этого невероятное облегчение...

Глаза Вероны светятся от счастья. Чуйка меня опять не подвела. Моя малышка хотела большего, но боялась мне сказать! Я притягиваю ее к себе и сажаю на колени. Черт возьми! Теперь я имею на это право!

– Вы к нам надолго, Мария Алексеевна? – спрашиваю я, не сводя взгляда от своей малышки.

– На три дня. Планирую уехать во вторник утром, – она все еще не пришла в себя, а наша близость вызвала в ней еще большее замешательство.

– Жаль, было бы неплохо, если бы вы немного задержались. Вероне нужна ваша помощь, – все вопросительно на меня смотрят. – Мы хотим выбрать новую квартиру, с учетом будущего...

– О-о! – София таращится на нас как на инопланетян.

– Квартиру? – мать Вероны кривится, похоже, она наконец-то пришла в себя. – Вера не привыкла к многоэтажным домам. А вы не хотите присмотреть домик?

Мы переглядываемся. Верона пожимает плечами, но не протестует. А почему бы и нет? Дом, так дом.

– Ну вот, – говорю я с полуулыбкой, – две головы хорошо, а материнская лучше.

Все ухмыляются и кивают, но взгляд будущей тещи кусает меня как болторез. Она не повелась на мою болтологию. В этот момент я понял, что с мамашей Вероны у меня будут проблемы. Это меня, конечно, не обрадовало, но уступать я не собираюсь и намерен привлечь кореша на свою сторону.

Вера

На поминки мы приехали всей семьей и с Софой. К Анне пришел ее парень, и, узнав, что мы все уезжаем, заметно оживился. В прощальном взгляде подруги проскользнуло что-то отрешенное, еле уловимое, и я собиралась поговорить с ней об этом после нашего возвращения. Похоже, что Анна все же решила расстаться с Gabrielem, но он об этом даже не догадывался.

Родители Руссо встречали нас перед домом. Галина Сергеевна выглядела утомленной, под глазами черные круги. Я познакомила ее с моей мамой. Они немного поговорили на обычные в такой ситуации темы. Моя мама была в шоке. Только сейчас она узнала, что Галина Сергеевна мой декан и сразу подобралась и выпрямилась.

Войдя вслед за Руссо в гостиную, я опешила. Сколько родственников! Человек двадцать! Наверное, это еще не все, раз мы приехали на час раньше.

– Народ! Это моя невеста – Вера! – представил меня родственникам Руссо. – Это ее брат и мой друг Александр, – Саня поочередно протягивал руку всем мужчинам. – Это его девушка, София. А это моя будущая теща Мария Алексеевна.

Повод для сбора был трагическим, но никто не смог удержаться от комментариев и поздравлений. Конечно, я не была к такому готова и смущалась. Когда Руссо объявил об этом в коттедже Софы, я подумала, что он это сделал из-за моей мамы. Ведь, понятное дело, как только мы останемся наедине, она мне мозг вынесет. Но сейчас до меня дошел истинный смысл, который придавал Руссо

нашему «Тайному венчанию» и подаренным кольцам. Интересно, он сразу так об этом думал или пришел к этой мысли уже позже? Я вспоминаю его напускной беззаботный вид и как быстро он согласился, что для него это тоже все серьезно.

После знакомства с родственниками Руссо мы с мамой сразу прошли на кухню. Галина Сергеевна показала нам замаринованное мясо и назвала примерное количество гостей.

– Мы хотели сделать шашлык, но потом подумали, как-то это смахивает на обычные воскресные посиделки в кругу семьи.

– Давайте его запечем с пряностями, – предложила мама.

Жестом Галина Сергеевна дала понять, что мы можем делать что хотим.

– Вера, – она взяла меня за плечи и развернула к себе, – я должна тебя предупредить, что сегодня придут родители Лилианны. Они наши друзья.

– Я понимаю, Аристарх меня предупредил, – успокоила я ее.

На душе у меня скреблись кошки, но я не хотела, чтобы она волновалась, особенно после приступа.

– Рада, что ты относишься к этой ситуации с пониманием. Ты умничка, – она целует меня в лоб, это первое проявление ее чувств и я смущаюсь. – Спасибо, что делаешь моего сына таким счастливым. Ты не представляешь, как для нас важно, что он сегодня здесь с нами.

Когда мы остаемся на кухне одни, я вкратце ввожу маму в курс дела. Рассказываю ей про Лилианну, про смерть Авроры, про мою работу в бутике. По истории с Игорем Сальниковым я прохожусь вскользь, чтобы не шокировать маму, но она все равно испугалась. Нам даже пришлось отвлечься от готовки и сделать перерыв на несколько минут, мама никак не могла прийти в себя. Она вдруг поняла, в какой я оказалась опасности, и даже присутствие Сани в Москве меня бы не уберегло.

Приехали Алена с Севой со всеми детьми. Дом сразу наполнился шумом, плачем и грохотом игрушек. Глядя на все семейство Романовых, я подумала, как хорошо, когда вслед за потерей дочери родители Руссо получили отдушину во внуках. Жизнь должна продолжаться.

Алена сразу ринулась нам помогать, но мы с мамой запротестовали. Мы привыкли все делать вдвоем и третий был лишним. Когда же свою помощь

предложил Руссо – по его виду я поняла, что он предпочитает быть с нами, чем со своими родственниками – мы с мамой дружно согласились. Как заправский повар Руссо повязал отцовский фартук и выполнял все задания моей мамы. Ничего сложного, порезать хлеб, отнести напитки на стол, вымыть зелень. Я видела, как он хочет наладить с моей мамой отношения. Даже больше, он хотел ей понравиться, и от этого я испытала огромное удовольствие. Он острил, но ровным счетом так, чтобы она его понимала, не выставлял свои возможности напоказ, не бахвалился.

К шести часам у нас все было готово. Последними пришли родители Лилианны. Все начали размещаться за столом. Тут Галина Сергеевна проявила немалую сноровку и рассадила нас так, чтобы мы сидели отдельно своей компанией. Я поняла, что она сделала это ради сына – Руссо даже за столом не горел желанием общаться с родственниками. Это меня удивило, на мой взгляд, вся его родня вполне достойные люди.

– А Катя и Игнат будут? – спрашиваю я у Галины Сергеевны.

– Э-э-э, – стушевалась она. – Они сейчас не в Москве. Игнату удалось вырваться на несколько дней в отпуск.

Руссо нахмурился, но ничего не сказал. Отсутствие двоюродной сестры и друга явно ему не понравилось. Оба знали Аврору и, по словам Руссо, Катя и Аврора были не разлей вода.

Когда начали вспоминать об Авроре, для Руссо началась настоящая пытка. Он, то сжимал мою руку, то хватался за подлокотники стула. Саня тоже видел его реакцию и частенько выводил его «на перекур». Не знаю, о чем они беседовали, но приходил он немного успокоенным. Всем было понятно, что Руссо не смирился со смертью сестры, он ее попусту не отпустил. Она до сих пор в его сердце, в его памяти – живая, смеющаяся, полна жизни.

Нашу с мамой стряпню оценили все без исключения и в первую очередь Галина Сергеевна. За столом была расслабленная атмосфера. Всем, кроме Руссо, было комфортно, пока в гостиную не вошла ОНА. Лилианна! Заноза в Заднице снова вторглась в нашу жизнь, как раз в тот момент, когда мы с Руссо только-только наладили отношения!

По реакции гостей и хозяев можно было с уверенностью сказать, что ее приезда никто не ожидал, даже ее собственные родители. Все сразу сникли, кидали в мою сторону осторожные и сочувственные взгляды. Даже нервная болтовня ее матери, пытающейся хоть как-то разрядить обстановку, не смогла прикрыть возникшее к ней общее отчуждение.

Когда она вошла мы с Софой рассматривали семейный альбом семейства Романовых. Подруга отвесила неуклюжий комментарий по поводу морского костюмчика маленького Руссо, который все, конечно же, услышали – Софа сама «деликатность». Мы почуяли неладное и подняли глаза. Заноза в Заднице была как всегда на высоте. На ней было облегающее платье цвета меди. Колье из желтых бриллиантов приковывало всеобщее внимание и вызывало зависть у всех присутствующих женщин. Лилианна пришла не одна, притащила ребенка и мужа. Умная особа... знает, как прикрыть тылы... За всем семейством, как тени двигались телохранители.

Первым делом мой взгляд скользнул по ее сыну. Вглядевшись в черты лица, я сразу поняла, что он вылитый папаша, а значит Руссо не отец ее ребенка. Именно эта мысль в последнее время все чаще посещала мое больное воображение – иначе я не могла объяснить поведения Лилианны.

Руссо стоял на заднем дворе и говорил с двумя троюродными братьями. Почувствовав на себе ее пристальный взгляд, он резко обернулся и замер. Несколько секунд они смотрели друг на друга через раздвижные стеклянные двери, потом он мельком оглядел ее сына и мужа. Я видела, как злобно блеснули его глаза и заиграли желваки. Он отвернулся и не зашел в гостиную даже тогда, когда его родственники вернулись. Я хотела выйти и сама его найти, но Саня меня опередил. Мама взяла меня за руку и приободряюще сжала.

– Все будет хорошо, дочка, – ее голос был такой спокойный и уверенный, будто она знала что-то, чего не знала я.

Но меня уже было не остановить. Я твердо решила, что сегодня вмешаюсь в ситуацию и поставлю эту вертихвостку на место. Заноза в Заднице приехала на поминки без предупреждения, этот факт красноречиво говорил о ее намерениях. Она не собиралась оставлять Руссо в покое. Визит в бутик был только началом ее коварного плана. Муж Лилианны постоянно говорил по телефону, а в перерывах

перекидывался короткими фразами с сыном и тестем. На жену он мало обращал внимания, это утвердило меня в мысли, что происходящее между Лилианной и Руссо остается за гранью его интересов. Ну что ж, придется привлечь его персону к решению моей самой большой на этот момент проблемы. Меня это не радовало, но Заноза в Заднице не оставила мне выбора.

Несмотря на протесты мамы, которые, к слову сказать, были совсем не робкими, мы с Софией дерябнули по две рюмки водки. Я дождалась, когда муж Лилианны выйдет в коридор, чтобы ответить на звонок, сказала что нужно подрезать хлеб и двинулась на кухню. В отражении зеркал я видела, как он на меня смотрит, и не сомневалась, что он последует за мной. На кухне я вооружилась ножом и разделочной доской, достала из пакета буханку пахучего бездрожжевого хлеба, по словам отца Руссо, он покупал его в какой-то монастырской пекарне.

– Мне понравилось мясо, может, поделитесь рецептом с моим шеф-поваром? – услышала я за спиной мужской низкий голос богатый обертонами.

Наверное, он предполагал с моей стороны мгновенную реакцию, но я не стала оборачиваться. Сделала вид, что не расслышала.

– Не думал, что у тебя проблемы со слухом.

Теперь он не церемонился, а я все еще не реагировала. Мне нужно вывести его из зоны комфорта, чтобы мой посыл он воспринял максимально эффективно. Нарезав хлеб, я разложила его по тарелкам и собиралась отнести его в гостиную, но в этот момент он схватил меня за запястье и со страстью прошипел:

– Ты злишься на меня? Почему? Мы ведь незнакомы, – его карие глаза сверлили меня как рентген.

Хватка у него железная. Теперь я его отлично разглядела. В соперничестве с Повелителем Вселенной за сердце Лилианны у Руссо не было ни единого шанса. Идеальное тело и ровный загар. Холеный, утонченный, немного ленивый, знающий себе цену и *очень* харизматичный. Внешне айсберг, но внутри клокочет неутомимая энергия, способная поработить, подчинить и растоптать. Его нельзя было назвать красивым, но это компенсировалось внешним лоском, завышенной самооценкой и великолепным вкусом.

– Боже упаси, – я вложила в голос максимум страсти, на которую была способна, – я злюсь на вашу жену.

Одна прядь моих тщательно накрученных локонов упала на лицо и я ее машинально сдунула. Поток моего дыхания, приправленного водкой, понесся в его сторону. Он прикрыл глаза, похоже на него это подействовало больше, чем мои слова.

– Вот как? Странно. Они ведь уже три года как расстались. Зачем же тебе на нее злиться?

Говорил он с издевкой, чем завел меня еще сильнее.

– Раз так, почему она ему проходу не дает?

Его как молнией ударило. Лицо окаменело. Все тело напряглось.

– О чем это ты?

– Разве вы не знаете?

Этим «вы» я нарочно подчеркивала разницу в возрасте. Сколько ему? Лет тридцать пять?

– Если б знал, не спрашивал, – грубо отозвался он.

– Она преследует его, – я сделала к нему шаг, заглянула в глаза и заговорила с такой же издевкой, как и он. – Звонит, требует встречи, а когда получает отказ, выслеживает по всей Москве. Однажды заявила в его бутик. Ее интересовало, почему он бросил медицину и пустил свою жизнь под откос. Он просил ее уйти, она не реагировала, пока он не разбил витрину над ее головой. Ну и женушка же у вас... – мой тон стал язвительен, как змеиное жало. – Вам чаще нужно укладывать ее в койку, а то она, – я со страстью зашептала ему на ухо: – Бегает по Москве недотраханная и вешается на чужих женихов.

Я и сама такого от себя не ожидала. В моем лексиконе не было даже таких слов. Но видит бог, Лилианна меня вывела. В глазах Повелителя Вселенной я увидела злобный блеск, копец Занозе в Заднице! Но было в них что-то еще. Я пробудила в нем интерес. От моего шепота по его коже пробежали мурашки, зрачки расширились, дыхание стало частым и поверхностным.

– А как ты хотела? – шутливо кинул он. – Выбрала себе племенного жеребца – готовься к конкуренции!

Это было его оборонительной реакцией, я это сразу поняла. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Я прямо слышала, как зашуршали его мыслишки. Он уже продумывал, что сделает со своей ненаглядной.

– После их встречи я купила огнетушитель, – непринужденно кидаю я. Мне нужно закончить разговор на более позитивной волне.

– Охо, да ты воительница!

– Одно неудобство...

Он вопросительно поднял брови, а я улыбнулась.

– Не умещается в дамскую сумочку.

Он разразился нервным хохотом, который наверняка был слышан в гостиной. Обнажились его ровные ослепительно белые зубы.

– Оказия какая. Мне кажется, в твоих руках даже такой странный аксессуар будет выглядеть логичным.

Что он имел в виду, я не поняла, поэтому промолчала, только многозначительно ухмыльнулась.

– Вы назначили дату свадьбы? – перевел он разговор на другую тему.

– Пока нет, но скоро назначим. Хотите прийти? Я пришлю вам открытку.

Он снова рассмеялся, но уже не так рьяно.

– Охо-хо... у девчонки дерзкий ротик. Нет, спасибо, не горю желанием, я не так жесток, как тебе кажется.

– О-о! Мне не кажется. Вы не просто жестокий, вы – садист. Вам нравится наблюдать за болью, конечно же, не своей. Вы и сюда пришли за этим, – мой взгляд скользнул ниже его пояса, – Мистер Набухшая Ширинка. Вам не терпелось посмотреть на моего жениха. Как он бедняжка страдает. Насладится своей победой. Вот только вы промахнулись, не нужно было так далеко приезжать. Достаточно было повернуть в постели голову и взглянуть на жену, если, конечно, вы все еще спите в одной постели...

По его реакции я поняла, что попала в точку. Они не спали вместе. Больше он меня не задерживал. Разжал пальцы, я спокойно шагнула в коридор. Но как только вышла из кухни, наткнулась на Руссо – он подслушивал наш разговор. Вид у него был как у закипающего чайника. Ноздри раздувались, вены на лбу вздулись. Пришел Пиночет! Наше вам с кисточкой! Ну что ж развлечемся!

– Привет, милый, – кинула я на ходу, как ни в чем не бывало и поразилась собственной выдержке. – Возвращайся к столу, пора уже хоть что-нибудь съесть. – Я потащила его за собой и усадила на прежнее место.

В этот момент Лилианна как раз рассказывала о своей покойной подруге. Слушать это было выше моих сил, и мы с Софой подогрели кровь очередной порцией водки. Ой-ой-ой! Какая гадость этот ваш «Van Gogh»! Руссо смотрел на меня выпученными глазами. Отлично! Пусть лучше смотрит на меня, чем на свою бывшую пассию.

Когда я после двух выпитых стопок сорокоградусной жидкости вернулась на кухню, мужа Лилианны уже не было. Его вообще больше никто не видел. С Занозой в Заднице и ее сыном остались два телохранителя, остальная гвардия сгинула вместе с Повелителем Вселенной.

Аристарх

– Что это было?! – ору я, впихивая Верону в нашу спальню.

Она навеселе, еще бы, столько выпить! Но голова ясная, хотя координация ее немного подводит. Всю обратную дорогу она кривилась в ухмылке, наслаждаясь своей маленькой победой.

Верона не спрашивает, о чем я толкую, все и так понятно. Медленно снимает туфли, затем возится с серьгами. Я на пределе, но из последних сил сдерживаюсь, внизу ее мать и Саня. Не хочу, чтобы мы снова прилюдно выясняли отношения.

– Я сделала то, что должен был сделать ты, как только она впервые позвонила, – шипит Верона, выходя из гардеробной.

Теперь она в одном нижнем белье.

– Я не о том, *что* ты ему сказала, хотя мы к этому еще вернемся, а о том, *как* ты это сказала! Ты намеренно завела его! Шептала ему на ухо! Я видел, как он убегал со стояком! Если бы не чертовы телохи, разорвал бы его голыми руками!

Разъяренный до предела я меряю комнату шагами, но Верона совершенно спокойна, как ни в чем не бывало готовится ко сну. Как она вообще может быть такой спокойной? Особенно учитывая, что началось после ее разговора с мужем

Лили. Верона и Софа напильсь водки, начали цепляться к Лили, да так нагло, что ни я, ни ее мать не могли сдержать их выпадов.

– Ты даже не представляешь, что наделала. Муж Лили еще тот козел! Он отберет у нее ребенка! Черт! Да он уничтожит ее!

– И какое нам до этого дело? – тихо спрашивает Верона, в ее голосе я слышу такую жесть, что ненароком застываю.

– Как ты можешь быть такой беспечной и черствой? Ты не такая! Ты никогда не была такой, что на тебя нашло?

– Если ты хочешь поговорить, прими душ и ложись в постель. Мы спокойно все обсудим. Но если ты и дальше намерен кричать, то я проведу эту ночь с мамой.

Она не шутит, хотя очень спокойна. Проклятье! Она чертовски спокойна! Как я раньше этого не заметил? В ней что-то надломилось, треснуло... что-то, что делало ее Вероной – смешной и забавной девчонкой.

Она идет в душ, а я продолжаю метаться по комнате. Меня просто разрывает от негодования, когда я слышу, что она... поет! Поет в душе! После всего что наделала!

В комнату кто-то стучится. Открываю, это Курт. Жестом зовет меня выйти.

– Там для Вероны приехал грузовик цветов, – говорит он с обалдевшим видом, когда я плотно прикрываю за собой дверь.

Мы оба знаем от кого это! Проклятье! Все начинается по-новой. Точно так же он действовал, когда завоевывал сердце Лили. Верона разожгла в нем огонь. Теперь он не отступит. Хотя бы ради того чтобы наказать свою жену. Потом пойдут в ход широкие жесты, ювелирные украшения и безбашенные поступки в стиле «Все для тебя, единственной».

Как он узнал, где мы с Веронкой живем? Неужели послал по нашему следу своих цепных псов? Я рычу и пинаю стену.

– Остынь, бро! Не срывайся на Вероне. Ты ведь понимаешь все это выше ее сил. Для нее Лили, как красная тряпка для быка. Ты бы видел ее бро... в те три дня... не хочу снова собирать ее по кусочкам.

Я киваю. Он прав. Сейчас мне нужна холодная голова.

Возвращаюсь в спальню, Верона сидит на кровати и втирает крем в руки и ноги. Запах обалденный. Ее мокрые волосы рассыпались по спине и плечам. Тру лицо, черт, надо успокоиться. Ладно. Скидываю с себя одежду и встаю под прохладный душ. Вода меня немного успокаивает, чердак встает на место.

Сука Лили снова встряла между нами, но на этот раз я не позволю ей разрушить то, что мы с Вероной с таким трудом выстраивали.

Выхожу из душа и застываю. Верона стоит посреди спальни и трогает себя.

– Что ты делаешь?! – рявкаю я.

Она вздрагивает и устремляет на меня покрасневшие от алкоголя глаза. Черт! Какая же она секси! Я просто дурею!

– Убери оттуда руки! – кричу я.

– Нет! – она кидает мне вызов.

Это восстание рабыни, которая на одну ночь превратилась в Госпожу.

Я понял ее, она не хочет никаких разговоров, она хочет секса и четко дает понять, что будет им заниматься либо со мной, либо одна. О Господи! Кто это? Я ее не знаю! Это точно не та невинная девчушка, в которую я влюбился!

– Верона, какого хрена ты творишь? – я грозно нависаю над ней.

– Хочешь меня? – она гладит меня по бедрам, спускается к ногам. По коже пробегают мурашки. Сэм ожил и начал подергиваться. Она улыбается. – Хочешь, я же вижу.

Я выдохнул, черт, не могу ей противостоять.

– Не задавай глупых вопросов, – тон уже мягче, я на взводе и готов к сексу.

– Ты же знаешь, я всегда тебя хочу.

– Вставай на колени, – ее голос звучит повелительно, – сегодня твоя очередь потакать моим желаниям.

Она хочет мною повелевать! А этого никогда не будет! Никогда!

Хватаю ее за волосы и дергаю так, чтобы пришла в себя. Заглушаю вскрик, впиваясь в ее губы. Глупая девчонка думает, что сможет диктовать мне свои правила. В нашей спальне я хозяин и господин! Пригвождаю ее к стене с такой силой, что из легких выбиваю весь воздух, она задыхается, трет голову, видимо, ударилась, но не сдается, в глазах зажегся бесовской огонек. Что она задумала?

– Значит, снова крутишь попой за моей спиной! – рычу я. Сейчас я вправлю ей мозги! – Дерзкий Ротик! Так он тебя называл? Небось, уже думал, что он сделает с этим ротиком?

– Он опоздал! У меня уже есть любимый, и я отдала ему свое сердце и свое тело! – она отозвалась с такой страстью, что я взываю.

– Черт! Верона! Да что с тобой?! На кой черт ты решила подразнить этого урода и извращенца?

– Он не извращенец! Это она его таким сделала... впрочем, как и тебя... тебя она тоже изменила!

Я отпрянул и заглянул ей в глаза.

– Что ты сказала? Ты считаешь меня извращенцем?

– Это ты так сказал. Я же сказала, что вы оба не были до нее такими, какие сейчас. Оба! Это она извращенка! Я поступила с ней так как она того заслуживает!

Пытаюсь ее схватить, но она отталкивает меня.

– Она сама затеяла эту игру! Начала играть краплеными картами. Это было нечестно! Когда она заявила мы были знакомы только месяц, а она прожила с тобой два года! Но она не знает, с кем связалась! Я переиграла Занозу в Заднице в ее же игре!

– Кого ты переиграла? Что ты несешь?! Какая игра? Ты сделала так, что теперь один ребенок лишится матери. Вот что ты сделала!

– Она не мать! Она недотраханная сучка! Вот кто она! Если бы она думала о ребенке, то не преследовала бы тебя, а жила спокойно и заботилась о муже и сыне. Не смей меня обвинять в том, что я сделала! Вопрос, почему *ты* этого не сделал? – она тычет в меня пальцем. – Ты хотел, чтобы она за тобой бегала! Хотел, чтобы она тебе звонила, добивалась встречи!

Я падаю на кровать и закрываю лицо руками. Проклятье! Как же меня все это достало!

– Верона... – шепчу я без сил, – я ее ненавижу. Да, мне больно на нее смотреть, память сразу отсылает меня в наше прошлое. Но я не хочу ни ее звонков, ни встреч с ней. Не хочу...

– Тогда почему она все еще портит нам жизнь?! Почему?!

– Это ты ее портишь, – парирую я.

– Что?! – она задыхается от негодования.

– В прошлый раз ты закатила скандал при всех и послала меня, – мой голос тихий, но от этого не менее беспощадный. – В этот раз выставила себя посмешищем при всех моих родственниках. Ты хоть помнишь что творила?

– Ничего *такого*, что не смогли бы переварить нежные ушки твоих родственников, я не говорила.

Черт! София на нее плохо влияет, уж лучше бы она чаще тусовалась с Анной.

– Ложись спать, Верона. Вчера и сегодня были трудные дни.

– Я не смогу уснуть, слишком возбуждена, – признается она.

– Тогда встань под холодный душ. Мне это помогает.

– Уже стояла... еле согрелась...

Хотелось взорваться, отпинать стену, но силы резко покинули меня. Будто кто-то выкачал весь заряд энергии, а со мной бывает такое очень редко. Я поднимаю на нее усталые глаза.

– Что ты хочешь?

– Пиночета, – шепчет она.

– Малышка, Пиночет сегодня не придет. Я устал и вымотан.

– Ладно, тогда позволь мне сделать все самой.

Я киваю и забираюсь на кровать с ногами.

– Нет, на ковре! Я хочу тебя на ковре!

Проклятье! Куда ее несет? Не нравится мне ее взгляд. Чую ничего хорошего мне это не сулит.

По спальне прошелся тайфун по имени Верона! Пока она моется в душе, я смотрю по сторонам и не могу отдышаться. Мой ремень «Harley Davidson» валяется на полу, Верона испробовала его на мне как удавку. Черт! Наверное, теперь на горле останется след. В какой-то момент мне показалось, что она меня придушит, и я забарабанил рукой по полу, как просящий пощады боец на ринге.

Никогда еще не испытывал такого унижения и было понятно, что она сделала это намеренно. Это была месть за Лили.

С другой стороны кровати разбросаны черный корсет, шелковые чулки и кружевной пояс. Эти атрибуты она использовала для второго захода. Зрелище было потрясающим. Она вышла в этом из гардеробной и встала в дверном проеме. В комнате играл мой диск Леонардо Козна и Верона начала плавно извиваться с такт музыке. К этому моменту я уже практически засыпал, но как увидел ее, встрепенулся, и меня накрыла волна страсти.

Что с ней творилось, я так и не понял, но решил поддаться и дать выход в сексе ее эмоциям и накопленному гневу. В первую очередь из любопытства, мне хотелось понять, куда ее могут завести фантазии. Боль и услада – все было именно в такой последовательности.

Дверь открылась, из ванны выпорхнула Верона и голой продефилировала мимо меня в гардеробную.

– Малышка, ты как? В порядке?

– Угу, – сонно отозвалась она и зашелестела какими-то пакетами.

Я уже подумал, не готовит ли она мне третий заход и весь напрягся, но она вышла в роскошном коротеньком пеньюаре цвета шоколада и запрыгнула ко мне в постель.

– Люблю тебя, – прошептала она, чмокнула в губы и устроилась у меня на плече.

Через несколько минут я услышал ее размеренное дыхание. Верона спала, а вот мне позарез нужен был свежий воздух. Осторожно, чтобы не разбудить ее, выбрался из кровати, надел пижамные штаны, взял телефон и поплелся на кухню. Во рту все пересохло, тело пылало огнем, мне хотелось выйти на улицу и остыть. Открыл дверцу холодильника и вынул бутылку бутилированной воды. Огляделся по сторонам, увидел на патио силуэт Курта. Он курил. Черт! Он же бросил!

– Тоже не спится? – спрашиваю я, откатывая в сторону дверь.

– Поспишь тут с ними! – огрызнулся Курт.

Э-хе! Кореш тоже попал под «ураган». Я хмыкнул и задался вопросом: «А почему ураганы называют женскими именами?». Ни разу не слышал, чтобы диктор какого-то новостного канала сказал: «Вчера на Калининградскую область

обрушился ураган «Эдуард» или «Ярополк»! На мой взгляд, это более логично. Тогда уж точно было бы понятно, что осталось от Калининградской области. Вспоминаю «Катрину». Тот, кто дал этому урагану имя точно знал, какой разрушительной силой он будет обладать. Видимо, в его жизни была такая Катрина – еле отвязаясь, а может даже сильно пострадал, потерял жилье и машину. Мысленно я уже пожалел этого мужика.

Пока я шел до шезлонга, чтобы сесть рядом с корешем, сработали датчики движения, зажегся уличный свет и Курт увидел меня во всей красе.

– Черт! Бро, что это?

У него чуть сигарета изо рта не выпала, он показал на мое горло.

– Ремень «Harley Davidson», – выпалил я с усмешкой.

В глазах обоих плясали бесята. Курт затрясся от хохота, я за ним. Кореш отодвигает ворот футболки и показывает покрасневшие пятна.

– А это что?

– Горячий воск.

У меня шары на лоб, что-то мне подсказывает, еще одна встреча с Лили и у меня тоже такое появится на груди. Я показываю на плечо, где все еще не зажил укус Вероны и говорю:

– Первый заход.

– Черт! Руссо! Давай закроем эту тему, она все же мой Ангел!

– Ну и зубки у твоего Ангела... – я чертыхаюсь.

С минуту мы молчим. Освещение снова погасло. Только красный тлеющий огонек на кончике сигареты, словно маяк указывал местоположение кореша.

– Понравился шлем?

– Крутой, но мой все равно был лучше.

Я знал, что Курт очень привязчив к вещам, впрочем, как и к людям.

– Она каталась на твоем байке по Рублевке.

– Я понял это, как только увидел байк. Рядом была мать и я не стал поднимать волну. Это уже третий раз. Не знаю, что с ней делать.

– Придется наказать.

Я кидаю на него многозначительный взгляд. Кореш знает, что я имею в виду и ухмыляется. Раньше мы часто это практиковали, в основном в клубном

баре. Провинившуюся девчонку раздевают до белья и выставляют напоказ как экспонат. Она не имеет права говорить, плакать или что-то просить. В какой-то момент желание помочиться, выпить воды или просто тупо сесть заставляет ее пересмотреть свое поведение и попросить прощение. Но если она одевается и уходит, дорога назад закрыта.

– Видимо, придется, Мудрость никто толком не воспитывал. Потакали во всем. Она не знает слово «нет». Будто не слышит.

– И вот что из этого выросло, – вставляю я с сарказмом, – на радость тебе...

Курт гасит одну сигарету и тут же тянется за другой. Я почувал неладное, дело не в Софии. Воспитывать свою девчонку – приятные хлопоты. Тут было что-то другое.

– Что случилось?

С минуту Курт, зажав зубами сигарету, потирает двумя руками джинсы на коленях.

– Когда мы с Аквамарин расстались, я подключил свои старые связи и записался в спецгруппу.

Я теряю дар речи.

– На кой хрен?

– Не мог найти себе место... такое ощущение, что чужой среди своих.

Ох, как мне это знакомо!

– Сегодня утром пришло уведомление о сборе.

– Когда? Куда?

– Через неделю. Африка.

– Черт! Курт! На хрена тебе это? Все же налаживается! Ты встретил девчонку, не разбивай ей сердце.

– Мудрость я еще в первый день в караоке предупредил...

– И что? От этого она будет меньше страдать?

– Я не могу отказаться, задействованы такие люди... не могу их подвести... сам ведь напросился...

– Верона знает?

Курт качает головой.

– Только ты и Софа.

Я допиваю воду и ежусь от холода. Ненавижу осень. Конец мотосезона.

– Завтра День Мертвых в клубе, будут все наши.

– Я – пас, – встаю и иду к двери. – Не хочу оставлять Верону одну. Ты же видел, что она сегодня вытворяла.

– Тут такое дело... – тон Курта мне не нравится, я оборачиваюсь. – Им нужны были два художника для грима, и Мудрость записала Анну и Верону. Так что идти все же придется.

– Проклятье!

Я резко открываю дверь и иду к лестнице, только этого мне не хватало. Будто кто-то там наверху посмеялся над нашими с Вероной планами и устроил новые испытания. Паб и пьяная мотобратва! Чиксы! Не одна, они будут там все! Черт! Одна Шер чего стоит! Они ведь сожрут мою малышку живьем!

На телефон приходит фото и сообщение. Это от Лили. У нее фингал под глазом и разбита губа.

Спасибо твоей малолетней балаболке! Как тебя угораздило с ней связаться? Ведет себя как базарная баба! Ни ума, ни воспитания! Откуда она? Судя по повадкам из деревни «Бухалово» или «Сукино»?

Я знал, что Лили не оставит без внимания выходку Вероны. Она намеренно не вступала с ней в перепалку, дабы показать какая моя девушка невоспитанная и скандальная. Все уловки Лили я знал, поэтому реагирую спокойно.

Не надо было тебе приезжать!

Аврора была моей подругой!

Ключевое слово «была»!

И еще мне хотелось увидеть тебя в последний раз.

Началось! Сейчас будет аккуратный подкат и в мою сторону полетит крючок, на который по ее разумению я непременно буду пойман. Ага! Сейчас! Разбежался!

Не отвечаю, может, сама слиняет, но нет... рано обрадовался. Не успеваю я подняться по лестнице, как приходит тот самый крючок.

Я у родителей. Сможешь подъехать осмотреть глаз? Мне кажется что-то там не так.

Обратись к окулисту!

С ума сошел? Чтобы завтра весь город судачил? Нет уж! Твоя пассия натворила делов, приезжай и разруливай!

Не знаю почему, но в этот момент на меня накатывает игривое настроение и вся эта ситуация с ремнем мне уже не кажется такой уж замороженной.

Не могу, я наказан.

Делаю фото следов на горле и высылаю. Пусть поймет, что не одной ей сегодня досталось. Она тут же отвечает:

О боже! Что это?

Ремень «Harley Davidson».

Мы оба сегодня пострадавшие.

Я знаю, куда она клонит, и тут же отвечаю:

Нет, мы оба сегодня доставили страдание своим вторым половинкам. Больше этого не будет, Лили. Мне было трудно, но я тебя отпустил. Отпусти теперь и ты. Не пиши мне. Не звони. Я не приеду. Прощай! Будь счастлива!

Знаю, сейчас с ней будет истерика, швыряние посуды об стену и крики способные поднять весь многоквартирный дом ее родаков. После чего они начнут мне звонить и умолять приехать. Все это уже было не раз и все это меня достало до печенки. Теперь меня это не трогает и не заботит. Верона права. А какое нам до этого дело? У нас теперь своя жизнь!

Отключаю телефон. Возвращаюсь в спальню и ложусь в кровать. Верона тут же перебирается ко мне на плечо.

– Где ты был? – бормочет она сонным голосом.

– Ходил на кухню, во рту пересохло, – я нежно глажу ее оголенную попку и накрываю одеялом.

– Не бросай меня, милый... – шепчет она и прижимается еще сильнее.

Опять она за свое! Чертова Лили! Каждый раз после встречи с ней у Вероны паника.

– Ни за что, малышка, даже если сама попросишь, – зарываюсь в ее белокурые пахнущие розами волосы.

Черт! Что же это делается? Каждый день сюрпризы! Завтра еще сходка в баре. Мне крышу скоро от всего этого снесет!

Глава пятая

Вера

Боже, как болит голова! Ох! Даже шевелится больно...
Открываю глаза. Я в коттедже в нашей спальне. Одна! Откуда-то снизу слышен приглушенный смех Анны. Фокусирую взгляд на прикроватной полочке и вижу, что часы показывают десять часов утра. Ну, я и дала храпака! От вида стакана воды с налипшими по стенке пузырьками я с силой разлепляю пересохшие губы, а потом замечаю какую-то белую огромную таблетку. Наверное, Руссо оставил мне что-то вроде антипохмелина.

И тут меня осеняет. Мама! Она же приехала вчера и сегодня наверняка меня ждет ее фирменный завтрак, а может что-то новенькое. По выходным она частенько пробовала новые рецепты. От этой мысли заурчал желудок. Вчера на поминках я почти не ела, поэтому меня так штормило.

Осторожно приподнимаюсь на локтях и осматриваю комнату. Мама миа! Что это? Мало того что комната кружится, так она еще, словно после нашествия вражеских войск! Мое нижнее белье, чулки, корсет... все валяется на полу. Что тут ночью было? Напрягаю память, но все тщетно... шум и тяжесть в голове не дают возможности мне сосредоточиться.

Запиваю водой таблетку и бреду как впотьмах в ванную. Судя по беспорядку, который оставил Руссо, мылся он давно, видимо, ранним утром – пена на бритвенном станке уже успела высохнуть. Полотенца на полу красноречиво говорят о том, что он принимал душ. Почему я этого не слышала? Захожу в душ и пытаюсь себя намылить, но руки меня не слушаются, такое ощущение, будто я тягала вчера штангу и перекачала мышцы. Осматриваю свое тело и вижу синяки на бедрах. Это четкие отпечатки пальцев Руссо. Помню, что ночью у нас был секс, но детали все еще размыты.

Стараюсь маскировочным карандашом и тональным кремом затушевать следы бурного вечера и ночи. Хотя кого я хочу обмануть? Маму? Она видела вчера сколько я выпила...

Спускаюсь на кухню и вижу картину под названием «Похмельное утро Софии». В отличии от нее, я вчера остановилась на четвертой рюмке, ну как остановилась... Руссо сказал, что если я выпью еще хоть глоток, то он вмиг меня

догонит. А это означало, что пьяный Руссо будет в одной комнате с трезвой и расчетливой Занозой в Заднице, которая только этого и ждала. А вот Софе никто ничего не запрещал. Саня хоть и выглядел подавленным, но, похоже, не из-за нее.

– Привет, а где все? – спросила я, подходя к плите.

– Ой, не кричи ты так... – стонет Софа. – Черт! У меня даже волосы болят.

Я усмехаюсь и наливаю себе кофе из кофемашины.

– Сочувствую. Проснулась в таком же состоянии, но мне таблетка помогла.

– Какая?

– Большая, белая, – пожимаю плечами, Софа хмыкает, – Руссо оставил...

знал, что меня ожидает утром. Где все? – усаживаюсь напротив подруги.

Видок у нее такой, что, кажется, уцелевшие нервные клетки мстят ей за погибших товарищей.

– Руссо и Курт уехали на сходку. Их с самого утра Дémon поднял.

– Кто такой Дémon?

Софа посмотрела на меня как на пришельца.

– Вот даешь! – она покачала головой, тут же взвыла и начала массировать виски. – Это же их главный. Правда, главным он стал недавно, еще не освоился. Так что Курт его частенько на хрен посылает.

– Где главный? – в конкурсе «Мисс сообразительность» я бы сегодня заняла последнее место.

– В клубе «Ночные совы».

– А что есть еще и дневные?

Софа посчитала это издевкой и отвечать не стала, но я-то спросила на полном серьезе.

– А где моя мама?

– За ней приехали родители Руссо и увезли на ВДНХ. Пф... – Софа скривилась. – Чего они там забыли?

– А Анна где? – я допиваю кофе и мою за собой чашку.

– Анька с хахалем только что пошли к его родакам.

Раньше Софа никогда так не называла нашу подругу, я нахмурилась.

– Что-то случилось? Вы поругались?

– Тихушница Анька всех нас обскакала, – глаза Софы злобно блеснули. –
Даже тебя Синеглазка.

Мои брови взлетают вверх.

– Обскакала?

– Да хорош повторять как попугай! – рыкнула Софа, тряхнула головой и снова взвыла от боли. – Ой! М-м-м...

С минуту она приходила в себя, потом открыла левый глаз и загадочно произнесла.

– Когда она придет, нарочно не пялься на ее кольцо! Пусть потомится...

– Габриель сделал ей предложение? – я выпучила глаза.

Софа кивнула.

Вскакиваю и вскричу «Йес!». Софа проворчала что-то про тишину, а я пустилась в пляс. Мне так хотелось, чтобы после всего, что случилось, Габриель и Анна были счастливы! Вчера мне показалось, что она была готова с ним расстаться, это еще раз подтверждало, что я ничегошеньки не понимаю в отношениях.

– В отличие от вас с Руссо они не будут ждать и подадут заявление в ЗАГС в понедельник.

– Вот это да! Круто!

У меня снова заурчал желудок, в поиске маминого завтрака я нырнула в холодильник, затем в духовой шкаф.

– А мама что-нибудь готовила?

– Нет, она сказала, что мы не достойны ее внимания, – поведала Софа и надула губы. – Кажется, я вчера все окончательно испортила...

На глаза Софы накатили слезы, губы задрожали.

– Софа, ты чего?

Я так испугалась, никогда раньше не видела Софу плачущей. Привыкла видеть подругу всегда сильной, энергичной, неунывающей.

– Вчера, когда она приехала, я вела себя как квартирантка, спряталась за Анну и даже чай не предложила. Потом оделась на поминки как на вечеринку в клубе. Напилась водки, а я ведь никогда... – Софа звучно всхлипнула, – никогда раньше не пила водку...

Она схватила кухонное полотенце и высморкалась. Я сидела тихо как мышка, внимая каждому ее слову. Понятное дело, Софа хотела произвести хорошее впечатление, перенервничала и сделала все наоборот, но она не знает моей мамы.

– ...а закончила тем, что проигнорировала все ее замечания и набросилась на эту идиотку Лили! А еще эта Африка! Ненавижу Курта! Как он мог со мной так поступить?

Я нахмурилась. Какая еще Африка?

– Да, он был честен со мной... тут не придерешься... сказал сразу, но я надеялась, что он передумает... а вчера рано утром, когда ему позвонил командир группы и он подтвердил, что будет в точке сбора, я его чуть не разорвала... у меня земля ушла из-под ног. Я уже ничего не соображала... а тут еще твоя мать... поэтому меня понесло...

– Софа, о чем ты толкуешь? Какая Африка? – я встала и обдала ее холодным как арктический лед взглядом.

Она тут же сообразила, что проболталась, зажмурилась от головной боли и от накотившего сожаления.

– Господи, вот теперь он меня точно убьет...

С Софой началась настоящая истерика, я подскочила к ней и, несмотря на ее сопротивление, обняла и прижала к себе.

– Софочка, дорогая моя, все будет хорошо... Я не про Саню, этому засранцу я сама голову намылю. Я о маме. Ты ей очень понравилась, а я знаю свою маму. Поверь мне! Если она и злится, то только в воспитательных целях с надеждой, что ее слова вправят нам мозги. Если бы ты была ей безразлична, она бы никогда не делала тебе замечаний, а она тебя отчитывала наравне со мной. Расслабься, это добрый знак.

– Правда? – Софа отстранилась, чтобы видеть мое лицо.

– Конечно, верь мне!

Мы постояли так еще с минуту, не больше, а потом Софа включила свой прежний режим, чем порадовала меня как никогда.

– Если ты еще раз погладишь меня по голове, я приму это за домогательство.

Аристарх

Воскресенье выдалось разудалым. Как только я разлепил глаза, на меня посыпались траблы. Открыл череду Демон. Ему доложили о наркоте, которую взял под реализацию Бизон. О том, что мы с Годзиллой нашли сумку с коксом, он не знал, поэтому созвал весь клуб, чтобы все выяснить и типа уладить дело. Нутром я чуял, что Бизон ему нужен как покойнику галоши. Демона интересовал только кокс! С реализации одной партии он бы поднял уйму прайсов и поправил свои дела. Видать бизнесмен с него еще тот. Те бро, кто с ним уже успели начать мутить дела, реально теряли бабосы и спрыгивали со стартапов под любым предложением.

Потом позвонил Игнат и полчаса талдычил мне про то, как он сделал Кате предложение на берегу океана под закат гребанного солнца, а она отказала, сославшись на банальное: «Я пока не готова к такому серьезному шагу». Игнат провел всю ночь на пляже, а утром собрал манатки и уехал в аэропорт... само собой без Кати. Не знаю, чем обусловлен ее отказ, я был уверен, что она его любит.

Кореш был так раздавлен, что у меня на душе заскребли кошки. Все траблы от баб. Видно время женщин зацикленных на замужестве проходит и наступает эра феминисток, желающих брать от жизни все, быть независимой, обладать любым понравившимся мужчиной. В такую жизнь брак точно не вписывается. Теперь я в той же ловушке. Но это мой выбор и я не жалею. Хотя самой Вероне независимость нужна как пожарному миноискатель. Это желание ее матери и я уже знаю как всю эту блабуду разрулить.

Потом на связь вышел Егор... уж он-то меня никогда не грузил. А тут сразу три проблемы. На ресторан подали в суд за причинения ущерба здоровью. У какого-то клиента оказалась аллергия на один из ингредиентов суши, а в меню не было указано всего состава. Я сказал, что подключу своего юриста, и мы приедем завтра в обед. Второй проблемой был чиновничий отказ от выкупа помещения. Я сказал, что сам займусь этим вопросом. Далее Егор оповестил, что ему нужно свалить в отпуск, а чел, что присматривал обычно за рестораном в его отсутствие,

приболел и кроме меня теперь это сделать некому. Черт! И это все на фоне траблов с ночным клубом. Если так будет до конца месяца, я точно чокнусь!

Последним был звонок от Дракона, тот сказал, что обнаружил кое-что на записи из офиса Ландау. Проклятье! Я про этого мудака Ландау и думать забыл. Назначил встречу в баре, надеюсь, смогу оставить Верону с Куртом хоть на полчаса и перетереть с Драконом дела.

Прежде чем покинуть спальню, я долго смотрел на спящую Верону и пытался сообразить, как мне поступить с ее внезапной вспышкой к доминированию. Если бы не сегодняшний поход в бар, где нам предстоит пройти через ад, я бы разнес ее в пух и прах, как только бы она протрезвела. Наказал жестко и исчез бы из ее жизни как минимум на две недели. Не знаю, как бы я все это выдержал, но итог был бы таков. Теперь я сам попал в засаду и мне нужен кредит ее доверия. Поэтому наказание – не вариант. Тогда что? Просто поговорить и пригрозить? Черт! То, что случилось ночью нельзя оставлять без внимания. Если она чувствует тягу к доминированию, нам точно не по пути! Тогда поговорить нужно до того как мы переступим порог бара. Родственников, если что, я как-нибудь еще загашу, а вот братву – нет. Если я представлю сегодня Верону как невесту, назад дороги точно не будет!

С этими мыслями я спустился на кухню и сварганил себе кофе. Сразу за мной подтянулся Курт и его мамаша. Вид у обоих был мрачнее тучи. Видать, он рассказал ей о предстоящей командировке. Скрывать следы ночной пытки от кого-либо я не стал, и надел под куртку обычную футболку. Пока мы пили на патио кофе и обсуждали где можно найти Бизона, Мария Алексеевна приготовила потрясный завтрак. Я быстро прикончил свою порцию, не удержался и попросил добавки. За столом она увидела следы на горле, но ни о чем не спросила. Моя будущая теща нравилась мне все больше и больше. А вот Верона после этой ночи в моем сознании отдалилась и казалась мне незнакомкой.

Выехали мы с Куртом с восходом солнца и погнали на базу. Давно мы так не гоняли. Дороги были пустыми, Гайцев¹⁵ не видать. Пока летели, я думал о Вероне, мои мозги немного проветрились. Черт! Да что она такого сделала? Ну,

¹⁵ Гайцы (сленг) – инспекторы ДПС.

подумаешь, немного стянула ремень на глотке, а я уже раскудахтался как баба на Привозе. Поговорим и дело с концом.

Мне стало самому противно, от того как я пытаюсь под любым предлогом спрыгнуть «с клятвы». Ну, еще бы! Я ведь поклялся в гребанной верности, хотя с большой неохотой. Как это будет на деле? Не понятно. Я никогда особой верностью не отличался. Идея моногамии мне чужда. Баб у меня было до фига... казалось, должен был уже остепениться... Но от одной мысли о верности, перед глазами маячит навязчивый образ клетки. Так выходит, что каждая оплошность Вероны будет толкать меня на эти мысли? От нее я требую верности и беспрекословного подчинения, а сам пасую от идеи постоянных отношениях. Я очкую, я реально очкую! Стыдник! Знала бы она, сколько дерьма в моем чердаке. На деле одно, а внутри такое, что Курту даже не скажешь – не одобрит, она ведь его Ангел.

На сходку мы приехали одни из последних. По запаху перегара я понял, что основная масса просто доплелась с соседней улицы из бара. Годзилла махнул рукой и мы с Куртом плюхнулись на забитые для нас места. Демон говорил много, перекатывал порожняк. Все и так знали про Бизона, я еще вчера разместил ключ в клубный чат, а Годзилла лично обзвонил всех, кто хоть мало-мальски общался с Бизоном.

Демон уже не скрывал своего интереса, говорил о перепродаже наркоты и братва, особенно та часть, что не при делах, сильно напряглась. Я боялся, что Годзилла выдаст себя поворотом головы в мою сторону, но тот сидел как камень. Мне такой приоритет был не по нраву, молчать я не собирался и стал давить, что в первую очередь надо найти Бизона, он-то и поможет понять весь расклад. Демон сверкал покрасневшими от алкоголя глазенками, ему не нравилось, что я увожу базар на тему поиска пропавшего бро. Но братва меня поддержала и Демон нервно заерзал. Тут Годзилла шлет мне смс.

Ну и чуйка у тебя!

Я не ответил, и так было понятно, что Демона интересуют только прайсы, на людей ему наплевать.

Пока шла сходка, я все размышлял, где же может скрываться Бизон? Такое внезапное исчезновение было не в его духе. Он мог смыться от чиксы или жены,

но не от братвы. А что если мы не там ищем? Мы ищем его среди живых, а может надо искать среди мертвых?

Набиваю смс Дракону.

Пропал Бизон. Поищи среди трупиков.

Дракон раньше работал следаком, но после ранения вышел в отставку и жил в свое удовольствие. В мотоклубе держался от всех сторонной, но ко мне он сразу прикипел и помогал практически во всех делах, не бесплатно, конечно, но и не лупил расценками из серии «отвали или плати» как с других. Брал только те дела, что были ему интересны. Что удивительно, помог даже с делом Сальникова, хотя так долго мялся, что я чуть не прозевал стычку Вероны с Эмилом. Связи с силовиками у него остались и я надеялся, что к следующему утру, мы с его помощью уже отыщем Бизона.

Вера

Воспользовавшись отсутствием мамы и Руссо, я решила заняться хозяйственными делами. Сначала засела в постирочной, перестирала нашу с Руссо одежду, потом высушила в сушке и отпарила крутейшим утюгом, который я когда-либо видела. Оборудование в постирочной было полупрофессиональным, поэтому пришлось какое-то время уделить изучению инструкций. Софа закрылась в своей спальне и отказалась мне помогать. Типа она раздавлена и все такое...

По всей видимости, до четверга следующей недели мы с Руссо будем вместе, хотя это не обсуждалось, но я это чувствую, поэтому после стирки занялась готовкой. Мне хотелось наготовить как можно больше еды для брата и девчонок. Когда я закончила часы показывали шесть вечера. Рядами я уложила в морозилке налепленные пельмени и вареники. На плите томились огромная кастрюля борща и две сковороды поджаристых ароматных котлет, а в центре кухонного острова стояла плетеная корзинка с кексами и печеньем с разной начинкой.

Уф! Сегодня я как запрограммированный биоробот!

Несколько раз я посылала сообщения Руссо. Спрашивала, какие у нас планы на вечер. Во сколько он приедет и будет ли ужинать, но за весь день он так

мне и не ответил. Это было странно, так он не вел себя со дня ссоры, а значит, он зол и игнорирует меня сознательно. А вдруг я вчера перестаралась и сделала только хуже?

Пока я занималась домашними делами, Руссо не выходил у меня из головы. Какое будущее нас ждет? Какие испытания нам уготовила судьба? И выдержим ли мы их? Конечно, после Италии мы стали гораздо ближе, чувствуем малейшие перепады настроения друг друга. Стараемся не ступать на зыбкую почву разногласий, но рано или поздно эта тактика даст сбой и наши разные миры снова столкнутся.

Оглядев довольным взглядом кухню, я сняла фартук и решила немного посмотреть телевизор. Но как только села на диван в гостиной, приехали Саня и Руссо. Услышав тарактения байков, Софа сразу выскочила из своей спальни и примостилась рядом со мной, словно и не отлипала от меня с самого утра. Вот хитрюга!

Я бросилась навстречу к Руссо, но когда до него оставалось три метра, застыла на месте как вкопанная. Вокруг горла краснела широкая полоса! В голове вдруг все прояснилось, я вспомнила прошлую ночь. Мама миа! Вот почему он не отвечал! Он зол! Не у Софы, а у меня сейчас будут реальные проблемы!

Не знаю, как реагировать, стою и смотрю на след от ремня. Руссо понимает мое замешательство и распахивает руки для объятий. Я бросаюсь к нему на шею и причитаю:

– Прости меня... прости... не знаю, что на меня нашло...

Софа тоже видит алую борозду и присвистывает.

– Вот тебе и Синеглазка! Полон дом тихушниц!

– Мудрость! – обрывает ее Саня.

– Что? Посмотри, что она с ним сделала! Она ведь могла его придушить!

– Они сами разберутся, не лезь!

Но Софу было уже не остановить.

– Я просто фанатею с тебя Верона, вместо того чтобы вправить мозги Лилианне ты решила оторваться на Руссо?

Я сконфужена, еще сильнее прижимаюсь к Руссо. Щеки краснеют до пунцового оттенка.

– София, – в голосе Руссо металл, – Курт прав, это не твое дело...

– Что, Руссо, она не похожа на твоих прежних подружек? – Софа несется как электропоезд и даже не чувствует опасности.

Она уже мало что соображает, и я понимаю, дело тут вовсе не в нас с Руссо, ей страшно потерять Саню.

– Ты тоже не похожа на моих предыдущих подружек! – парирует ей Саня.

– Знаю! Я не была башкой об пол твою сестру!

Брат свирепеет.

– А знаешь, ты не так далеко ушла от Аквамарин, как думаешь! Такая же избалованная и безбашенная, из богатенькой семьи! Привыкла брать от жизни все что хочешь. Сколько ты еще проживешь с девизом: «Живи сегодняшним днем?».

– Да пошел ты, Курт! – выпалила Софа брату в лицо. – Не тебе меня учить! А какой твой девиз? «Будь верным, будь мертвым!»?

Она гневно зыркнула на него и побежала в спальню.

– Ну все! – Саня выругался и двинулся за ней, на ходу выдергивая ремень из петлиц. Мой подарок, между прочим! – Ты сама напросилась!

Из спальни слышались крики, звуки падающих предметов.

– Покорми меня, малышка, – Руссо разворачивает меня за плечи и мягко подталкивает к кухне.

Я накрываю на стол, украдкой посматривая в сторону спальни подруги. Крики, брань, звуки ударов нарастают. Действую на автомате. Даже не спрашиваю, будет ли Руссо борщ – он вообще не любит первые блюда. Он это тоже замечает и молча за мной наблюдает. Под его пристальным взглядом руки начинают трястись. Пытаюсь представить, что он чувствовал, когда я со всей силы стягивала на его горле ремень. Я что пыталась его придушить? Ох! Это плохо, очень плохо. Однажды у меня уже было такое, после чего мама водила меня полгода к психологу. Мне стыдно от того, что я не могу справиться со стрессом как мама: молча, спокойно, стиснув зубы. Мой гнев и обиды всегда выплескиваются наружу

Будто в насмешку над моими терзаниями в спальне Софы минутное затишье, а потом первый этаж наполняют томные возгласы и стоны. Вот это я сейчас точно не готова слушать! Руссо ест, как ни в чем не бывало, похоже, его

совершенно это не смущает. А мои глаза застилают слезы, но я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не зарыдать.

– А ты со мной не поужинаешь? – спрашивает он, когда я решительно направляюсь к лестнице.

– Нет, – мой голос дрожит. – Я уже поела.

Мне хочется скрыться от его глаз, спрятаться в скорлупу и чтобы в ближайшие часы он в нее не заглядывал. Я вбегаю в спальню, вижу на кровати постиранные вещи и начинаю машинально их раскладывать по стопкам, потом опять перекидывать. Порядок всегда разный, то вещи Руссо я складываю отдельно, то смешиваю с моими. Это бессмысленное занятие немного успокаивает, обессиленная я плюхаюсь на кровать и вдыхаю аромат его футболки. Кондиционер придал ей свежести, но она все равно пропитана его терпким как пустыня запахом.

Что мне ему сказать? Как объяснить то, чего я сама не понимаю? А ведь он сейчас спросит, обязательно спросит. Руссо никогда ничего не откладывает «на потом».

Аристарх

Налопавшись до отвала, иду в спальню и нахожу задумчивую Верону, сидящую на кровати. В ее руках моя футболка. Смотрю на свои шмотки, сложенные в стопку. Она постирала все мои вещи. К горлу подкатывает комок. Почему она их не убирает в гардеробную? Хочет, чтобы я свалил? Черт! Я нервно сглатываю. К такому раскладу я был не готов. Сердце тарахтит как движок, работающий на пределе.

Тихо стучу о дверной косяк и спрашиваю:

– Можно войти или это частная вечеринка?

Она слабо улыбается и кивает. Я сажусь на кровать и обнимаю ее за плечи. Этот безобидный жест прорывает кое-как сдерживаемую плотину и Верона заливается слезами.

– Прости меня... – всхлипывает она и кладет голову мне на плечо.

– Детка, скажи мне, что это вчера было?

– Я не знаю... – растеряно лопочет она и трет глаза.

У нее такой уставший вид, будто она три ночи не спала.

– Не правда... ты знаешь. Не закрывайся от меня. Скажи.

Мой голос звучит мягко, но настойчиво. Она немного отстраняется и начинает перебирать шмотки. Нет! Нет! Нет! Это со мной не прокатит! Я хватаю ее за плечи и встряхиваю.

– Не уходи от ответа! Ты же знаешь, я не позволю!

– Руссо, пожалуйста, мне нужно побыть одной. Я не хочу сейчас ничего объяснять, – умоляет она и смотрит на меня с такой грустью, что я отпускаю ее плечи.

Вскакиваю и начинаю наворачивать по комнате круги. Она точно хочет, чтобы я свалил! Сейчас соберется духом и скажет! Краем глаза слежу за ней. Дрожащими руками она перекладывает из стопки в стопку вещи. Что это с ней? Крыша поехала? Настраивается перед тем, как выставить меня? Я хватаю шмотки и сваливаю их в гардеробной.

– Посмотри на меня! – кричу я.

Она вздрагивает, заламывает руки, отводит взгляд.

– Верона!

– Прости меня...

– Не нужно извиняться, я хочу знать, почему ты это сделала?

– Я не могу объяснить... это... – она снова всхлипывает, – выше меня...

– Что?! – меня прямо током шандарахнуло. – Это уже не в первый раз? С кем ты это проделывала раньше?

– С куклами, – она закрывает лицо руками и заливается слезами.

Я грохаюсь на колени как подкошенный и таращусь на нее. Проклятье! И все-таки ее психика пострадала. Собираюсь с мыслями. Надо ее успокоить, нельзя чтобы она сейчас от меня закрылась, тогда мы вообще не сможем это разрулить.

– Малышка, поговори со мной... я не злюсь... взгляни на меня...

Черт! Я злюсь! Еще как злюсь! Но сейчас важно до нее достучаться. Она робко поднимает глаза, с ресниц срываются крупные слезинки. Меня рвет на части. Встречу ее отца – убью!

– Сколько лет тебе было, когда ты сделала это с куклами?

– Семь.

– И почему ты тогда это сделала?

– Это было первое сентября. Мои подруги пошли в школу, такие красивые... с бантами... а я осталась еще на год дома.

Я знал эту историю, из-за поломанных ребер и руки, Верона проходила длительную реабилитацию. Значит, это выход подавляемой злости, а не желание доминировать. Теперь понятно... Уф! С этим я могу справиться.

– А что ты чувствовала вчера?

– Много чего, – буркнула она и снова отвела взгляд.

– Злость?

Она кивает.

– И отчаяние?

Она снова кивает.

– И страх, – добавляет она и обнимает себя за плечи, будто мерзнет и хочет согреться. – Страх... потерять тебя. Я не могу контролировать страх... Он съедает меня изнутри...

– Верона, ты можешь потерять меня только по одной единственной причине...

Она поднимает на меня глаза, крупные слезинки срываются с ее щек и капают на футболку.

– ...если изменишь мне. Только в таком случае ты меня потеряешь. На остальное я могу злиться, могу накричать, могу напустить Пиночета, могу даже наказать. Но я не уйду. Давай, ты это усвоишь раз и навсегда. Хорошо?

Она кивает, но во взгляде все еще чувствуется неуверенность. Похоже ей очень стыдно. Мне это по душе. Значит, она глубоко раскаивается.

– Мне хорошо с тобой, Верона. Я ни с кем не был так близок и так счастлив, поверь мне. Ты вписалась в мою жизнь без какого-то напряжения, как будто всегда была в ней. Я уже не могу без тебя и дня прожить. То, что есть между нами и близко не было с Лили. Ты зря беспокоишься, она не сможет нас разлучить. Ты должна понимать, что такое для меня верность и преданность. Даже если бы я все еще ее любил, никогда бы не смог с ней начать все заново. Я больше не доверяю ей. Понимаешь?

– Понимаю, – она смотрит на свои руки, будто видит их впервые, наверное, не верит, что вчера ими причинила мне боль. – Но не могу вынести ваши взгляды. В них столько страсти, столько пережитого прошлого, что я невольно окунаюсь в ревность и страх... и задыхаюсь.

– Я разобрался с Лили, она больше не проблема. Правда, за ее мужа я не ручаюсь. Вчера ты привлекла его внимание.

– Мне он до лампочки, – она отмахивается и рассматривает ковер.

Наверняка в ее памяти сейчас всплывают картинки из прошлой ночи. Меня самого лихорадит от этих воспоминаний. Местами было страшно, местами забавно, а иногда даже клево, особенно, когда Верона пошла на второй заход.

– А вот ты ему – нет. Ночью он прислал тебе грузовик цветов.

Она вскидывает голову и с интересом смотрит на меня. Черт! Ее что зацепило это? Проклятье!

– И что ты с ними сделал?

– Курт отправил их обратно, сказал, что такого адресата здесь нет.

– Зря, – она улыбается, а мне, наоборот, не до смеха. – Надо было отправить их в клуб, живые цветы там бы пригодились. Можно было украсить ими столики и бар.

Мое лицо расплзлось в улыбке, усаживаюсь по-турецки, хватаю ее за руку и притягиваю к себе. Она сворачивается в моих ногах клубочком, будто младенец в колыбели и тяжело вздыхает. Смотрю на нее, от умиления сердце чуть не выпрыгивает из груди. Мой маленький комочек счастья. Моя хрупкая и ранимая любовь.

Первый этап пройден, теперь второй. Выждав паузу, я поглаживал ее волосы, шею и плечи, пока она окончательно не расслабилась.

– Малышка, тут такое дело... – она переворачивается на спину и смотрит на меня. – Сегодня в баре, где обычно собирается мотобратва отмечают День Мертвых, это...

– Я знаю что это, я делала в школе маски из папье-маше ко Дню Мертвых.

– ...о'кей, так вот, им нужны были два художника для боди-арта и София записала вас с Анной.

Она поднимается и садится напротив меня. По моему виду понятно, что эта затея мне не по нраву.

– Что тебя беспокоит?

– Чиксы! – выпаливаю я без промедления.

Ее брови взлетают от удивления. Я хмурюсь. Меня такая реакция приводит в замешательство.

– Ты боишься, что я увижу твоих девочек на ночь? Почему?

– Детка, но это же логично, у меня с ними был секс, – виновато пожимаю плечами.

– Это была похоть, желание скинуть напряжение.

– Похоть? – я чуть не прыснул от смеха, ну какая же она забавная. – А что тогда, по-твоему, страсть?

– Страсть – низшая ступень любви, – с видом знатока вещает Верона. – Бывает, что любовь приходит без страсти, но редко...

Верона очень романтична, начиталась средневековых романов. Я еле подавляю улыбку.

– Ромео и Джульетта тоже были охвачены страстью, но сначала к ним пришла любовь. Магия первого взгляда. Он окутал и поглотил их. Молниеносная вспышка. Удар! Бах! – она бьет в ладоши.

Я улыбаюсь, это напоминает мне нашу первую встречу.

– Значит похоть и страсть не одно и то же? – спрашиваю я и чувствую, как Сэм начинает оживать.

– Нет, похоть это разврат. Из страсти может родиться любовь, а из похоти нет. Поэтому ты был опустошен и бесился после секса со своими чиксами. Душа желала большего, а его не было.

Я задумался, а ведь моя малышка права. Черт! Она реально права!

– Так зачем мне ревновать к пустоте? – она пожимает плечами. – Тем более ты не был обременен постоянными отношениями. Меня твои чиксы не беспокоят. Меня беспокоит Лилианна.

Черт! Опять Лили! Далась она ей!

– Сейчас, конечно, все по-другому. У тебя есть я. Но... если ты будешь смотреть на них с похотью, я за себя не ручаюсь.

– Снова возьмешься на ремень?

– Нет, – она отпрянула, – такого больше не будет...

– Слава богу! – с горячностью выпаливаю я. – Успокоила!

Она смотрит на меня с прищуром.

– А почему ты меня не остановил? Ведь тебе это ничего не стоило, но ты поддался... Почему?

– Хотел посмотреть, куда тебя это заведет.

– А если бы я тебя придушила? – со страхом спрашивает она.

– Детка, я держал все под контролем, кстати, как и ты, когда я начинал молотить кулаком по полу, ты отступала.

– Я этого не помню, – призналась она, на лице отпечатался ужас.

– О-о! Ты мне вчера открылась совершенно с другой стороны, – я кривлюсь в ехидной улыбочке. – Командовала мной, требовала подчинения.

– Ты ударил меня об стену, вот это я помню.

– Не ударил, резко прижал. Малышка, если я ударю, ты не выживешь.

На хрена я это сказал?! Я же ее пугаю!

– Помнишь, что ты мне ночью говорила? – увожу разговор в другую сторону, пока она не скуксилась.

Она качает головой.

– Встань на колени, – картинно изображаю ее манеру говорить и жестикулирую. – Сегодня твоя очередь подчиниться, – она удивленно вскидывает голову, я добавляю перца. – Смотри на меня! Ты мой! Только мой! – Верона заливается смехом. – Если ты хоть раз отправишь Сэма в сторону, я оторву его и буду носить в кармане, со мной ему будет лучше.

Верона нервно сглатывает, облизывает губы и смотрит мне в глаза. Черт! Я сам уже завелся! Притягиваю ее за попку к себе, ее ноги обвивают мои бедра. Одна рука ныряет за пояс ее джинс, другая придерживает за спину. Я сжимаю ее ягодицы, она стонет. Мы впиваемся друг в друга пожирающим взглядом. Разворачиваю ее вполборота.

– О! Вот так мы еще не пробовали, – шепчет Верона и улыбается.

– Надо это немедленно исправить.

Впиваюсь в ее губы, она дрожит всем телом, будто после долгого перерыва и тянется к Сэму.

– А ты наденешь вчерашний корсет? – ухмыляюсь я в предвкушении.

– У меня есть кое-что получше, – Верона кусает мочку моего уха и расстегивает пуговицу на моих джинсах. – Помнишь тот черный пеньюар с белыми рюшами, что ты выбрал в Милане?

Вспоминаю примерочную бутика нижнего белья. Проклятье! Глядя на такое зрелище мне долго не продержаться...

– Тащи его сюда!

Верона впархивает в гардеробную, переодевается и распахивает дверь. Я обмер! Черт! Ну все! Понеслось!

Глава шестая

Вера

У одноэтажного кирпичного здания с вывеской «Дорожный патруль» примостилась внушительная вереница байков. Саня еле нашел место для парковки. Вчетвером мы выбираемся из «Мустанга» брата и идем в бар. Софа с братом впереди, мы с Руссо держимся поодаль. Он мне нашептывает сальности, мы разгоряченные, еще не отошли от секса. Софа так колотила кулаком в дверь спальни, что мы вынуждены были выбраться из кровати. Подруга всю дорогу подкалывала меня и Руссо, но мы лишь переплели наши пальцы и не сводили друг с друга глаз.

Наше примирение было таким страстным и отчаянным, что, наверное, было слышно в соседних домах. Хорошо, что мама до сих пор с родителями Руссо. Мы позвонили ей с Саней и она, охмелевшая от вина, выпитого за ужином, с восторгом рассказывала, как родители Руссо возят ее по городу и показывает достопримечательности. Судя по обильным комментариям, слышным на фоне оживленного уличного движения родители неплохо поладили и отлично развлекаются.

Прежде чем войти в бар, Руссо прижал меня к стене и зашептал:

– Малышка, помни, одно твое слово и мы уедем, – он кусает мой безымянный палец, на котором поблескивает сапфир и улыбается так, что у меня голова идет кругом. – Нам и дома есть чем заняться...

Саня толкает дверь ногой и влетает в бар, Софа за ним. Руссо тянет меня за собой, и мы окунаемся в какую-то совершенно дикую атмосферу. В зале грохочет музыка, что-то из разряда тяжелого металла. Ор, визг, разборки! Три пьяные девицы извиваются на танцполе. Еще две у барной стойки выясняют отношения из-за парня, а тот стоит рядом и на все смотрит с явным безразличием. За его спиной вижу лозунг на стене: «Умирают все, живет не каждый».

Прямо с порога кто-то бьет Руссо по плечу, да так, что нас обоих отбросило к стенке.

– Руссо! Твою мать! Ты чего в клетке пришкандыбал?!

– Закрой хлебальник, Мутант! – грубо отозвался Руссо и на мое удивление здоровяк тут же отступил.

Позже Руссо мне объяснил что клетка, это на байкерском сленге означает автомобиль. На протяжении всего вечера я не понимала, о чем говорили байкеры. Вообще ничего! Это был поток из непонятных технических сокращений, видимо, связанных с мотиками, байкерской жизнью и братского сленга. Если вы услышите, что кто-то из байкеров говорит про церковь и библию, не подумайте, что они набожны. Оказалось, что церковь, это постоянное место встречи, еще его называют база. А библия, это что-то типа инструкции по ремонту байка.

На сцене музыканты настраивают аппаратуру. О! Сегодня будет живая музыка! Музыканты приветствуют Руссо, он улыбается, заскакивает на сцену и каждому пожимает руку. Наверное, эта та самая группа, с которой он гастролировал.

Мы идем к столику в отдалении бара, отовсюду нам что-то кричат, улюлюкают и подкалывают. Сегодня Руссо впервые с девушкой и меня с интересом разглядывают. Многих я узнаю, это клиенты бутика. В основном это жены байкеров, они машут мне, улыбаются. Руссо приятно удивлен, собственно, как и я.

Пока мы идем к столику, в голове у меня прокручиваются слова Кобры, как заклинание: «Выработать иммунитет». Очень даже вовремя, так как одна из

девиц идущих нам навстречу схватила Руссо за пряжку ремня и с возгласом: «Руссо, поехали к тебе!» сильно дернула на себя.

– Отвали, сука! – он отпихнул ее так сильно, что она отлетела к соседнему столику, но возмутиться не успела, по инерции плюхнулась на колени одному из байкеров, а тот не растерялся.

Дома я сказала Руссо, что не ревную его к чиксам. Отчасти это правда, они меня не так сильно заботили, как Лилианна, но отчасти я солгала. Из-за того, что вчера я переборщила с ремнем и на поминках, мне не хотелось, чтобы Руссо думал что я «Отелло в юбке».

За столиком нас ждали Игнат и Олег. Руссо поздоровался с Игнатом, затем недовольно зыркнул на Олега, руки не протянул. Между ними чувствовалось напряжение, даже Саня это заметил и вопросительно посмотрел на Руссо, но тот сделал вид, что не понял посылы и усадил меня к себе на колени.

– Беби, – прозвучал голос Кобры над моим ухом.

Поднимаю глаза, Кобра стоит в джинсах и футболке с принтом названия мотоклуба.

– Кобра! – улыбаюсь я во все тридцать два зуба.

Руссо тоже поздоровался и показал ей на соседний стул. С тяжелым вздохом Кобра приземлилась, они перекинулись несколькими новостями и Руссо спросил:

– Как твое дело? Севе удалось чем-нибудь помочь?

– Да! Думаю, что дело сдвинется. Ты же его знаешь, он заранее ничего не скажет, отмахивается от меня фразой: «Дело в производстве».

Руссо усмехнулся.

– Значит, все на мази.

– Хорошо бы, – с тоской отозвалась Кобра.

И тут я замечаю Анну, она поймала мой взгляд и машет. Оказывается, она уже подготовила краски и даже разукрасила одну из девиц. Я хотела подняться, но Руссо не дал.

– Ты куда?

– Там Анна, ты забыл, почему я здесь?

– Ты здесь потому, что ты моя девушка.

Олег хмыкнул и процедил сквозь зубы:

– Надолго ли?

– Что ты там брякнул, Мангуст? – тут же завелся Руссо.

Саня шикнул на обоих друзей, чтобы утихомирились. Я повернула к себе голову Руссо и поцеловала в губы.

– Если ты будешь так на все реагировать, мы тут долго не продержимся, – я глажу его лицо и волосы, Руссо успокаивается.

На мой телефон приходит сообщение от Анны:

Ты идешь? Или мне к вам прийти?

Я показываю сообщение Руссо и тот говорит:

– Сейчас пойдешь, но сначала кое-что сделаем.

– Что? – по выражению его лица пытаюсь понять, что он задумал.

– Готова? – спрашивает он, глаза горят.

– К чему? – мне уже не нравится его задор.

Руссо хватается за руку и тащит к сцене. На мне высоченные каблуки и я еле поспеваю. Мы что... будем сейчас петь? Ох, я плохой в этом помощник. Для выступления перед такой публикой мне нужен алкоголь или сильный мотиватор. Руссо делает всем знак замолчать, музыка смолкает, танцующие с негодованием останавливаются. Некоторым это не нравится и они кидают в Руссо пустые пластиковые стаканчики.

– Братва! Здорово! – разносится в микрофон напористый голос Руссо.

Все улюлюкают и свистят.

– Вижу, у многих возникли вопросы, вот я и решил внести ясность. Это Верона, сестренка Курта, – он сжимает меня за плечи и целует в губы, а когда отрывается, добавляет: – И моя девушка...

Воцаряется полнейшая тишина, даже две девицы, что толкались и кидались оскорблениями, замолкают.

– Кольцо на ее безымянном пальце говорит о моих серьезных намерениях. Так что не исключено, что весной или летом вы погуляете на нашей свадьбе.

Я в шоке, вообще-то для начала нужно было спросить меня, хочу ли я выйти за него замуж... хотя бы для приличия.

Бар взрывается от нового шквала улюлюканий и разноладового свиста. Клавишник играет марш Мендельсона.

– Молодчик, братуха! – выкрикивает кто-то из зала.

От такой громогласной реакции я прижимаюсь к Руссо и зарываюсь лицом в его кожаную куртку, мне хочется спрятаться.

– Она у меня немного стеснительная, поэтому полегче с ней, бро! Увижу, что кто-то ее обидел или тарашится, надеру зад. Без обид, братва, что мое, то мое!

Похоже, выступление Руссо оценили, несколько байкеров лично подошли к сцене, поздравили и пожали ему руку. Гигантского роста верзила с окладистой бородой сгреб меня в охапку, поцеловал в лоб и вернул Руссо. При этом мои ноги болтались как у бездушной куклы, а глаза, как говорит Руссо дали максимальную амплитуду.

Заиграла музыка, танцпол оживился, мы с Руссо сошли со сцены. Мои щеки были цвета пожарного гидранта. Когда мы вернулись к столику, Кобра ехидно улыбалась. Руссо заказал для девчонок три бутылки шампанского, а остальным пиво. К столику подошла Анна, после выступления Руссо она тоже пылала как огонь.

– У нас прям свадебная эпидемия какая-то, – она продемонстрировала кольцо, и мы от души ее поздравили.

Это был скромный маленький бриллиант, но Анна гордилась им, как если бы это был Millennium Star¹⁶. Все знали, что Габриель еще учится, и было чудом, что он смог скопить хоть на такое кольцо. Мне стало даже как-то неудобно за свой неприлично показушный сапфир, но прятать его я не собиралась.

Принесли шампанское, Саня с Руссо начали наполнять пластиковые стаканчики. Руссо расстегнул куртку, все кто был за столом, воззрились на его шею.

– Господи, что это у тебя? – Анна чуть в обморок не упала. – Это же от...

– Мой ремень, – подсказал Руссо. – Меня вчера наказали.

Я смутилась, уже в который раз за сегодня. Теперь я раскусила тактику Руссо. Демонстрация следов на шее – мое наказание. Брат и Руссо обменялись многозначительными взглядами и усмехнулись.

¹⁶ Millennium Star – название бриллианта. Входит в десятку крупнейших бриллиантов в мире.

– Курту тоже вчера досталось, – шепчет мне на ухо Руссо.

Я натянуто улыбнулась, но развивать тему не стала. Из головы все еще не выходили слова Руссо о предстоящей свадьбе. С чего он вообще взял, что я соглашусь? Мое настроение резко упало ниже плинтуса, Руссо это сразу заметил.

– Эй, малышка, ты чего?

Он запустил свои длинные пальцы в мои волосы, чем вывел меня из ступора и я мгновенно завелась.

– Ты еще спрашиваешь? – мечу в него гневный взгляд. – Свадьба? А меня спросить ты не подумал?

Руссо прижимает меня еще сильнее и шепчет на ухо:

– Детка, иначе бы к тебе не относились серьезно. Понимаешь? Мало ли кто с кем встречается.

Опля! Мне стало дурно. Не знаю что хуже: думать, что Руссо без согласования со мной планирует свадьбу или что он сказал это для галочки, а о свадьбе даже не думает. Видимо, на лице у меня все было написано как в раскрытой книге большим шрифтом, из-за чего Руссо помрачнел и зачесал пятерней свои волосы.

– Детка, о чем ты думаешь?

Я молчу. Он ведь знает о чем!

– Почему ты не скажешь, что хочешь большего?

– Потому что о таком не говорят! – выпалила я. – Тем более девушки... И потом, это должно быть обоюдным желанием, а ты точно к этому не готов. Все это, – я показываю на сцену, – бравада.

– Я не готов? Может – ты? – Руссо щурится и сверлит меня взглядом. – Ты бы видела себя, когда я сказал про предстоящую свадьбу.

До меня только сейчас дошло, что Руссо, таким образом, прощупывал почву. Вот я идиотка, эмоции как всегда бегут впереди мозгов. Он никогда не заговорит серьезно о свадьбе, если не будет уверен, что я отвечу «да». Все это из-за поступка Лилианны и мне придется это учитывать.

– Я была удивлена тем, что ты решил это за нас двоих.

– Зачем мне планировать свадьбу? Тебе девятнадцать, понятное дело, брак сейчас в твои планы не входит.

Что-то мне подсказывает, что на самом деле он так не думает. Мы не сводим друга с друга глаз.

– Да езжайте вы домой или дойдите хотя бы до машины! Вы сейчас трахаетесь глазами, – смеется над нами Игнат.

– Поверь, они только что оттуда, – ехидничает Софа.

– Анна, сделай из меня мертвеца, – просит Олег и тянет Анну к столику, где она разложила краски и кисти.

– Если бы ты меня спросил до Италии, я, наверное, так и ответила, – шепчу я Руссо. – Но после Италии мне кажется это совершенно логичным.

Руссо все еще хмурится, но злости в глазах нет, видимо, пытается понять, откуда дует ветер моих мыслей. Ох! Знала бы я это сама!

– А чего ждать? – спрашиваю я, шампанское уже ударило мне в голову. – Все и так понятно... со штампом в паспорте или нет... мы будем вместе... я забочусь о тебе, ты обо мне... мы любим друг друга... мы счастливы...

Руссо положил голову мне на плечо и начал в задумчивости раскачиваться.

Как только Анна приступила к работе, возле столика выстроилась целая очередь и подруга прокричала на весь бар:

– Верона! Не уваливай от работы!

Я высвободилась из рук Руссо, ему очень не хотелось меня отпускать. Кобра как тень двинулась за мной.

– Ты тоже будешь делать себе боди-арт?

– Угу, – безразлично отозвалась она.

Понятное дело, она идет за мной, чтобы приглядывать. Я обернулась и кинула на Руссо испепеляющий взгляд, но тот пожал плечами как бы говоря: «Что с меня взять? Я такой!».

Аристарх

Пока Игнат талдычит о своей любви к моей сеструхе, я наблюдаю за Вероной и перевариваю ее последние слова: «А чего ждать? Мне и так все понятно...». В ее устах они прозвучали так просто, будто у нас и выбора-то нет. Но это не так... Выбор есть всегда.

– Мы как бы и не жили вместе эти годы, – продолжает ныть Игнат. – Чувак, я в натуре не ожидал отказа... у меня был шок... Знаешь, о чем я жалею? – я перевожу на него взгляд. – Надо было жениться сразу, как только съехались. На хрена я ждал? Тогда было с деньгами туго, я только начал оперировать... Трудностей испугался! Они только закалили бы наши отношения, а так, за три года столько воды утекло. Каждый жил своим бюджетом, своими проблемами. Теперь она уже не та, я уже не тот... короче, я упустил момент... не знаю, что будет... Черт!

Я снова перевожу взгляд на Верону. Эта фраза кореша меня пронзила в самое сердце. Упустить момент... да, он прав, для всего есть свой момент. Вот только понять бы тот ли самый. Проклятье! У меня в башке все перемешалось. То, Верона устраивает мне истерики, что я гоню лошадей, то теперь ей «все понятно». Умеют бабы мозг взорвать!

На сцене группа поет шлягер трехлетней давности. Меня уносит в бурное прошлое. Орущая толпа поклонниц, готовых от обожания разорвать тебя на куски. Режущий свет софитов. Микрофон в потной руке.

Скольжу взглядом по бару и замечаю краем глаза Дракона, он как тень, просочился в бар и стоит с кружкой пива у стены рядом с входом. Типа музончик слушает. Тот еще шифровальщик. Я пишу ему смс.

Перетрем?

Не поверишь, за мной хвост!

Я поднимаю голову и шныряю глазами по бару. Нахожу «чужака» и пишу ответ.

Кожаная кепка?

Да!

Выкинуть его?

Нет, скину и вернусь.

Черт! Вот дела! Как это Дракон умудрился подцепить хвост? Давно я не выпускал пар, руки у меня так и чешутся об эту «черную кепку».

– Ладно, пойду, намалюю себе рожу, может, кого подцеплю там в тусовке. Что это за девчонка? – спрашивает Игнат и кивком показывает на Анну.

– Подруга Вероны, – Игнат заправляет футболку за пояс, а я с издевкой добавляю: – Выходит замуж.

– Фак! И тут облом! А я услышал про свадебную эпидемию и подумал, она меня подкалывает.

– Бро, она тебя даже не знает, зачем ей это делать?

Игнат кивает и бредет к Вероне, как потрепанный жизнью пес и подсаживается рядом. Сейчас ему дашь все сорок, под глазами мешки, наверное, бухал две ночи. Плечи опущены, в глазах тоска. Я вижу, что он с ходу завязал разговор с моей малышкой, она улыбается, а во мне закипает ревность. Не хочу, чтобы она кому-то улыбалась, даже моим друзьям. Я ловлю их похотливые взгляды и знаю, какие фантазии гуляют в их головах. Закутаю на хрен в паранджу! Вот опять меня понесло! Интересно, я успокоюсь, если надену на ее палец обручальное кольцо?

Дракон уходит, за ним следом «Кепка». Сомнений нет, это хвост. Что же там за инфа, что он раскопал? Может из-за этого и слезка? Видать, мы не одни пасем Ландау. Надо было этому мудаку рожу намылить, когда была возможность. Ну да ладно, я еще с ним не закончил.

В бар приехал Демон со своими шестерками. Компашка как на подбор, маргиналы да бывшие уголовники. Мы с Демоном перетираем у барной стойки новости, вернее их отсутствие. Бизона так и не нашли. Сегодня меня дернула новая жена Бизона, лепетала про то, что ей нужны деньги, что Бизон оставил ее без гроша. Я послал ее куда подальше, предупредил, чтобы в клуб не ногой. Тогда она пригрозила мне налоговой, а я рассказал ей, как туда пройти. Талдычу все это Демону. Краем глаза замечаю, как он похотливо таращится на Верону.

– Моя девушка, – ввожу его в курс.

Тот смотрит на меня как на Иуду, мол, только ты так можешь обломить.

– Где ты ее откопал?

– Сестренка Курта.

– Это та, что бой ему сорвала?

Я киваю. Тот лыбится и чешет затылок. Потом замечает на моей шее след от ремня и тычет в горло.

– У тебя проблемы, Золотой Мальчик?

Ненавижу это прозвище. Еле сдерживаюсь. Кивком показываю на Верону и говорю:

– Моя малышка ночью продемонстрировала, что будет, если я не сохраню ей верность.

Глаза Демона вспыхивают, он снова тарашится на Верону.

– Горячая штучка, – облизывает губы.

Я набычился, сжал кулаки.

– Ладно, Руссо не бзди, я своим дорожку не перебегаю.

Мне так и хотелось сказать, ты свою рожу в зеркале хоть раз видел или бреешься в водном отражении, но еле сдержался. Пока с Бизоном не решится мне лучше быть с ним на одной стороне.

– Кокс нашли?

Я мотаю головой.

– Лады, как найдете, сразу доложите мне.

Он уходит, я смотрю ему вслед с таким презрением, что его шестерки аж ссут кипятком. Грабли у них давно об меня чешутся. Если бы не Сева и Годзилла, со мной бы уже давно разобрались. Возвращаюсь за столик. Курт и София опять что-то не поделили и оба набыченные. Вот достали! Теперь такая блабуда будет до самого его отъезда.

Вспоминаю про четверг, мне нужно заказать билеты на самолет. В такой ситуации лучше отправлять всех девчонок одним скопом. Анна прикупит там шмотья для свадьбы. Софа забухает, подцепит там итальянца и забудет про Курта уже через день. Одним глазом ищу подходящий рейс, другим наблюдаю за Вероной, почему-то к ней в очередь набились одни мужики. Вот уроды! Надо разогнать этих имбецилов.

– Руссо? – слышу я женский голос над головой.

Черт! Шер! Только ее сейчас не хватало! Поднимаю голову. Началась операция под названием «Миссия невыполнима».

– Хай! – ее рука ложится на мое плечо, я резко скидываю ее.

Знает ведь, что я не люблю когда меня лапают.

– И тебе здорово, – обдаю ее ледяным взглядом.

– Говорят, ты тут выступил с сенсационной новостью, – ехидничает она и закатывается идиотским смехом. – Типа ты чего? Жениться собрался?

Так и врезал бы ей сейчас! Но с Шер надо быть осторожнее, она вмиг мне подпортит репутацию, а я не хочу с Вероной осложнений.

– И? – я заглядываю ей в глаза.

Она смотрит на мою новую татуировку.

– Да, ладно! Я думала, меня развели! Это же абсурд! Руссо – жених! Ха-ха-ха! Ой, мамочки!

Шер кривится в ухмылке, но во взгляде я подмечаю боль. Это еще что такое? Неужели она на что-то надеялась? Чокнутая можно с этими бабами! Ей доставалось от меня больше чем другим, однажды я выкинул ее шмотки с балкона, а саму ее выставил в подъезд голую из-за того что она не хотела уходить после секса, но она как кошка все равно снова и снова приползала ко мне.

– И кто твоя избранница?

– Со временем узнаешь.

Вот чего я боялся! Если она подкатит к Вероне я не смогу сдержаться и вмешаюсь, а за этим ничего хорошего не последует.

Краем глаза вижу, как Верона обнимается с Игнатом. Это еще что за херня?! Игнат совсем с катушек слетел что ли? Сеструха ему отказала, так он на мне решил отыгаться? Я вскочил как подорванный и рванул!

– Эй! Мы не договорили! – кричит мне вслед Шер.

– Отвали!

Вера

– Четыре... пять... шесть... – отсчитывают Анна и ее модель с белым лицом и «зашитыми» губами.

Они тоже приняли игру Игната и с нетерпением ожидали результата.

– Чувак, да ты мой рекорд побил! – смеется Игнат и отпускает меня из своих крепких объятий. – Долетел как снайперская пуля!

Над нами нависает Огнедышащий Дракон. Пока он не начал изливаться свое огненное жало, прижимаюсь к нему что есть силы и говорю:

– Игнат научил меня, как привлечь твоё внимание, – нежно воркую я и смотрю на него преданными глазами. – Нужно с кем-нибудь обняться или громко смеяться над чьей-нибудь шуткой. Никто не шутил и мы решили обняться.

– Вот как? Значит, это был эксперимент? – взгляд Руссо смягчается.

– Да, – я целую тату со своим именем.

Мы не прикасались друг к другу всего полтора часа, а я уже соскучилась.

– Я как увидел Шер, сразу понял, тебя надо выдергивать, – Игнат хлопает Руссо по плечу, берет куртку и идет к барной стойке, где столпились несколько девчонок.

– Кто такая Шер? – ищу глазами девушку, с которой только что говорил Руссо.

Она смотрит на нас со злобой. Я уже имею представление о том, с какими девушками Руссо занимался сексом. Все они чем-то напоминают Лилианну. Брюнетки с длинными волосами и раскидистыми бедрами. А вот эта так прямо копия Занозы в Заднице, аж мурашки идут по коже.

– Ты знаешь кто... – Руссо нервно сглатывает.

Почему он так нервничает? Мы ведь уже все обговорили? Руссо видит, что я ее рассматриваю, поднимает мой подбородок, наши взгляды встречаются, он с такой силой впивается в мои губы, что дух захватывает. Он напуган! Мы долго целуемся, пока нас не одергивает громкий голос в микрофон.

– Руссо, отлепись от своей девчонки и иди на сцену, – солист группы машет Руссо. – Следующая песня «Free me» группы «Ugiah heer». Иди, поработай чуток, а мне нужно глотку промочить.

– Пойдешь со мной? – спрашивает Руссо и, не дожидаясь ответа, тянет за собой.

Я не в силах ему противостоять.

Одним прыжком Руссо заскакивает на сцену, я встаю напротив. Сцена маленькая и мне не хочется ютиться рядом с ним. Руссо щелчками пальцев отбивает ритм, ему вторит барабанщик. Звучат первые аккорды и он затягивает:

– Free me... free me. Why don't you free me. Free me from your spell. Come on and free me. Why don't you free me. Come on and free me. Free me from your spell¹⁷.

Он не смотрит на меня, поет в зал, взгляд бесцельно блуждает по толпе. Слова мне уже не нравятся. Видимо поэтому Руссо не хочет, чтобы у меня были ассоциации с песней. Без куртки и под светом прожекторов след на шее отчетливо багровый. Мне снова не по себе. Да уж! Непонятно кто кого наказал!

Ко мне подходят подружки и тянут в центр танцпола. Под голос Руссо мы начинаем зажигать, придураемся и хохочем. Саня курит за столиком и не сводит взгляда с Софы. В нашем девичьем кругу тут же появляется Олег. С разукрашенным лицом под мертвеца он выглядит немного комичным, и я еле сдерживаю улыбку. Его близкое присутствие меня немного напрягает, но он делает вид, что увлечен Анной, а на меня даже не смотрит.

Когда Руссо выкрикивает «Free me» мы кричим вместе с ним и наклоняемся к центру, чуть ли не стучаясь лбами и образуя треугольник. Громче всех кричит Софа. Бедняжка! Я прямо слышу, как разрывается от боли ее сердце. К концу песни вместе с Руссо «Free me» кричит весь танцпол.

Песня заканчивается. Мы с девчонками на таком драйве, что не сразу успокаиваемся. На нас смотрит почти весь бар. Руссо переговаривается с музыкантами и через минуту мы слышим новый ритм, на этот раз медляк. Ко мне идет какой-то парень, улыбается, видимо хочет пригласить. И тут раздается голос Руссо:

– Детка, иди ко мне.

Я мгновенно взлетела по крутым ступеням и прижалась к нему всем телом. Сегодня нам точно не нужны драки.

– Следующая песня для тебя, малышка. Этой песней я хочу сказать, как верю в тебя и в твой талант. Ты непременно добьешься всего что задумаешь. Не бойся, иди только вперед. Смело преодолевай трудности. А я всегда прикрою твои тылы. Договорились?

Я киваю.

– Нет-нет, детка. Я хочу слышать твой сладкий голосок.

¹⁷ Дай мне, дай мне. Свободу дай мне. Дай уйти от чар. Прошу я, дай мне. Свободу дай мне. Прошу я, дай мне. Дай уйти от чар.

– Договорились, – улыбаюсь я во весь рот.

– Хорошо, тогда поехали, – он дает знак музыкантам и снова поворачивается ко мне. – Песня называется «No arms can ever hold you».

Звучит вступление, уже по первым аккордам я понимаю, что песня будет потрясающая. Никогда ее не слышала, но определенно она теперь будет моей любимой. Руссо поет обычным голосом, без хрипотцы, но с такими мелодичными мягкими переливами, что остается только удивляться, как он может так подстраиваться под настроение и музыку.

– Baby, frozen tears. It was hard through the years. I never give up one of my dreams. And deep inside is my love still alive. And God only knows that I can't let you go. When I'm in love. It'll be for better. I gave you my heart forever and ever¹⁸.

На танцполе прибавляются парочки. В каком-то веке вышел Саня и прижал к себе Софу, да так, что у нее задралась футболка, но, похоже, ее сейчас это совершенно не волнует. Олег снова танцует с Анной. Ее взгляд прикован к кольцу. Подруга погружена в свои мысли.

Руссо поет о том, что кроме него меня не сможет никто обнять. Что ни один мужчина не будет любить меня так сильно, как он. Он прижимает меня к себе за талию, его дыхание обдувает мое лицо. Меня уносит куда-то ввысь, я точно уже не здесь в прокуренном баре, а где-то на седьмом небе, где только он и я. Где никто не смотрит на нас злобными завистливыми взглядами. Меня сопровождают туда проводники – его зелено-изумрудные глаза.

– You came to me from heaven. Girl, it's true¹⁹.

Проникновенный голос и такой нежный и сладостный взгляд. По коже бегут мурашки. Хочется, чтобы это волшебство никогда не кончалось. Даже если бы я поставила эту песню на повтор и слушала тысячу раз, то все равно бы не насытилась.

Увы, все хорошее когда-нибудь заканчивается, сыграли последние аккорды песни и музыка смолкла. Музыканты решили сделать перерыв. Бармен потянулся к пульту и бар снова наполнился тяжелыми ритмами рока. Мы с Руссо вернулись

¹⁸ Родная, мои слезы замерзли. Ведь годы были такими тяжелыми. Я никогда не сдамся, даже во сне. Глубоко внутри моя любовь все еще живет. И только Богу известно, что я не могу отпустить тебя. Влюбляясь, я становлюсь лучше. Я навсегда дарю тебе свое сердце.

¹⁹ Ты спустилась ко мне с небес. Девочка моя, это правда.

за столик, и выпили по бокалу шампанского. Я запросилась в дамскую комнату, но он провел меня в туалет, примыкающий к кабинету администратора, и ждал за дверью. Не знаю, чего он больше боялся, что ко мне проявят интерес его собратья по клубу или бывшие любовницы?

Аристарх

Пока я голосил на сцене, краем глаза видел, как Шер нервно расхаживала вдоль барной стойки. Это сучка еле держала себя в руках. Не думал, что с ней возникнут проблемы. Казалось, что уж она-то была понятливой, особенно, когда мы притерлись. Всегда знала, когда заткнуться и делать то, что мне нужно. Черт! Как я не заметил раньше? Она вторилась! Вспоминаю нашу последнюю встречу, это было в конце августа. Шер предлагала мне поехать вместе на фестиваль, я сказал, что подумаю. Через три дня я назначил ей стрелку здесь в баре после боев, но на ринг выбежала Верона и мне снесло чердак. После этого я уже чикс не снимал, кроме одного раза в стрип-клубе. Да и то домой не повез – трахнул в туалете.

Оглядываю публику, надо сваливать, видимо, Дракон уже сегодня не придет. Пишу ему смс, что я в баре еще полчаса, если не сможет, то созвонимся завтра. Ответа нет.

Звонит Годзилла. Я вышел через служебный выход в коридор и перетер с ним новости. Он отправил семью на отдых. Передал дилеру кокс и заплатил за один пакет наликком. Теперь типа все путем. Но Демон его достал звонками, как чует, что добыча прошла мимо. Я отвечал односложно, больше слушал. Мимо шныряли работники бара, среди них могли быть шестерки Демона. Бар принадлежит клубу и хоть им управляет Крест, мой партнер по мотосалону, за каждым служащим не проследишь.

Годзилла сказал, что ему звонил Комбат, предшественник Демона, который не вылезал теперь из больнички, устроил допрос с пристрастием и долго нудел, что без него клуб уже не тот. Я с Комбатом всегда ладил, мужик он конкретный и умел сплотить людей разных профессий, национальностей и

социальной прослойки идеей байкерского братства. Клуб при нем был как никогда сильным. Нас побаивались и уважали.

На телефон приходит сообщение с неизвестного номера. Сначала, я хотел его удалить, думал реклама, но странный текст привлек мое внимание.

Вокруг бара непонятная движуха.

Что за движуха? Черт! Кто это? Наверное, кто-то из братьев сменил номер, а мне не сказал. Пишу Игнату, чтобы присмотрел за Вероной. Подхожу к Демону, спрашиваю, ждем ли мы гостей? Может, он устроил заварушку, а мы не в курсе. Тот отрывается от титек чиксы и идет в отказ. Тогда я беру с собой трех братков, что покрепче и выхожу из бара. Ночь лунная, ясная, сейчас бы сидеть на пару с Вероной на патио в коттедже и наслаждаться звездным небом, а я торчу тут и пытаюсь понять, что за мудила воду мутит.

Впереди нас вереница байков. С ходу узнаю свой, на днях я продал его одному из бро. Он даже мою метку не стал стирать, своего рода знак качества.

– Стоим, курим, сканируем периметр, – говорю я и оглядываю территорию.

Долго приглядываться не пришлось. По дороге проехал Уазик и фарами осветил деревья, что слева от стоянки. Прорисовался четкий контур. Автобус? Что за черт?

Кивком показываю направление.

– Надо проверить.

Вера

К полуночи бар до отказа забился посетителями. Если кто-нибудь поднимался со стула, то тут же его лишался. Неприветливая поначалу толпа постепенно раскрепощалась и обнажалась. Терпкий запах пота и женских духов, которым бы подошло название «Ядерная война» распространялся по всему бару. Взрывы хохота и громкие выкрики заглушали музыку. На сцену уже никто не смотрел. Теперь на танцполе больше дрались, чем танцевали. Я заметила, что публика резко сменилась, семейные пары разъехались, а им на смену пришли искатели острых ощущений.

Нам с Анной снова пришлось вернуться к столику с красками. Пожелания вновь прибывшей женской половины были более смелыми. Одна даже скинула с себя одежду и попросила раскрасить все тело. От неприязни я сморщилась, но Анна заулыбалась и согласилась с ней поработать, предупредив, что краски водные и при первом же попадании воды смываются. В отличие от меня, подруга чувствовала себя в байкерской тусовке комфортно.

Уже от второй партии претенденток на боди-арт, я узнала, что женщины в баре бывают двух типов: жены и нажопницы, как мне объяснили это тип женщин, которых возят байкеры на заднем сиденье мотоцикла. Мнения по их характеристике диаметрально отличались, в зависимости от того кого спросить, у байкеров или их жен. Но в одном они все же сошлись: нажопница – это девушка, которая любит скорость и, в принципе, сядет к любому, лишь бы байк был «породистый» и выжимал приличную скорость. Наиболее опытные немного разбираются в байках, при случае смогут помочь устранить поломку на трассе, ну там подать вовремя нужный инструмент. Некоторые из них сами неплохо владеют навыками вождения и могут довести своего парня до дома, если тот перебрал спиртного. Есть две поговорки про нажопниц, которые бытуют среди байкеров: «Села – дала!» и «Уронил – женился!». Иногда эти две группы пополняют ряды за счет перебежек девушки из одной группы в другую. Вот собственно все, что мне удалось про них узнать. Руссо это определение не нравится, он называет их одним хлестким словом – чиксы. Поэтому понятно, какое у меня сложилось к ним отношение – предвзятое!

Особы, мягко скажем, очень неприятные: матерщинницы, распущенные, горлопанистые, грубые, выпячивают свое нагрудное достоинство, причем прилюдно, т.е. могут расстегнуть лиф и вывалить двух сестричек напоказ при всем честном народе, да еще плечами потрясти, будто решили сплясать «Цыганочку». Все, чтобы привлечь внимание. Мальчики хвастаются байками, девочки размером груди. Вот такой расклад.

Про байкеров я в тот день мало что узнала, мнение было искажено самими подвыпившими байкерами: байкер рожден быть диким, его нереально приручить. Можно прикормить, как бездомного голодного пса, но наевшись, он снова затоскует и при первой же возможности вырвется на свободу. Пиво для байкера

все равно, что бензин для байка. Байкер всегда в черном. В основном у байкеров две прически: либо он лысый, либо с сальными волосами. Совершенно безбашенный народ, хотя среди них были еще те шутники. У одного даже была такая кличка Буффон. У него отсутствовали передние верхние зубы, он шепелявил, от чего слова еле различались и искажались. Губы у него были все в шрамах, будто его пытал маньяк. Волосы стояли торчком, хотя он постоянно приминал их ладонью, но от этого действия они еще сильнее наэлектризовывались. Он подсел к нам с Анной и попросил нарисовать по кресту на каждой щеке. Анна была еще занята голой девицей и я показала ему на телефоне варианты дизайна. Когда я закончила рисовать он начал рассказывать нам, как познакомился со своей женой.

Из-за сленга, который он использовал я не смогу передать все дословно, но монолог был примерно такой:

– Приезжаю на мотооткрытие. Настрой выше крыши. Даю клич, что ищу девчонку для пробега. Желающих оказалось тьма тьмущая. Начинаю выбирать. Мне-то нравятся как ты, – он больно тыкает мне в плечо. – Миниатюрные голубоглазые блондиночки.

Кобра бьет его по руке.

– Не лапай, – рычит она на него и гневно сверкает глазами, – а то кресты тебе на могилке будут рисовать.

Тот с пониманием поднимает руки вверх, показывает, что больше не будет, но тут же с заговорческим видом подмигивает мне и улыбается, как мартовский кот.

– Ну, так вот... выбрал, значит, самую красивую. Рассказываю ей про маршрут и экипировку. С нее хавчик и полный доступ к телу, с меня байк. Она кивает, на все согласная. Встречаемся на мотопробегае, я ей отдаю свой рюкзак, там все доки, туда же она складывает хавчик. Катим значить по прерии, вокруг ляпота, птички поют, солнце светит. Она мне в слухальник что-то мурлычет. Я так возбудился, что прибавил газу и давай виражи закладывать. А у меня не газулька там какая-нить, а Чоппер Круизер. Едем так прилично, я уже хотел на привал тормознуть, как меня нагнал мотобат и останавливает для проверки доков.

Он закатывается от смеха, мы переглядываемся в недоумении. Пока ничего смешного, но он так заразительно смеется, что мы замираем в предвкушении. Кисть Анны застыла в воздухе, даже ее модель открыла рот и ждет продолжения истории.

– Торможу у обочины, подходит гаец: «Старший лейтенант Мудило. Предъявите документы», я радуюсь, на этот раз подготовился, доки взял с собой, – он потирает руки. – Кричу нажопнице: «Давай рюкзак!». В ответ гробовая тишина. Поворачиваюсь, – он строит гневную рожицу и бьет по столу так сильно, что мы вздрагиваем, – а ее нет!

У всех слушателей брови ползут вверх от удивления.

– Нет ее! Ни ее, ни моего рюкзака! Слетела с коня!

У меня мороз по коже, это с какой же скоростью он гнал?

Он закатывается таким залиvistым и раскатистым смехом, что заражает всех вокруг. Я единственная кто не смеется, невольно примеряю эту ситуацию на себя. Поврежденная нога, кровяца, операционная, ампутация. Вот как я это видела.

– А я-то думал, чего это мой конь так легко летит!

Опять всеобщий взрыв хохота.

– Талдычил же ей перед стартом, крепче держись на разгоне! А может, когда я вилли сделал она и отвалилась! А-а-а-ха-ха-ха! Знал бы, доки не отдал. Говорю мотогайцу, войди типа в положение, доки с нажопницей отвалились. Тут подъезжает мотобратва и интересуются не моя ли телка на перекрестке лежит. А-а-а-ха-ха-ха! – он бьет себя по коленям. – Я говорю: «Моя»! Еду назад. Она сидит у обочины, держится за голову и плачет. Подкатываю к телке, беру рюкзак, проверяю доки, они все в ее хавчике! А-а-а-ха-ха-ха! Спрашиваю: «Ты как, милая? Помнишь меня?». Она смотрит, как видит в первый раз, видать головешкой сильно стуканулась. Я вызвал ей такси, сунул бабла, и пока она меня не вспомнила, газую и кричу: «Я позвоню тебе». А-а-а-ха-ха-ха! А у меня даже нет ее номера!

Вокруг нас уже собралась толпа. Все покатываются со смеху, а я все думаю о той бедняжке. Как она еще после такого жива осталась!

– Прикинул, если судьба, то обязательно встретимся!

– Ну ты и придурок, – вырвалось у меня.

Буффон закатывается еще громче.

– Нет, если по чесноку, то все было, как положено! Уронил-женился!
Только после этого она на байк не садится.

Тут прогремел какой-то грохот, похожий на взрыв и все повскакивали с мест. Минутное замешательство, потом женский визг, отборный мат. Многие байкеры повскакивали с мест и повалили на улицу, но были и те, что замерли и наблюдали за происходящим с растерянным видом. Женщины бросились в рассыпную. Громче всех кричит разукрашенная модель Анны. Она мечется вдоль барной стойки в поиске одежды, но в шоковом состоянии не может вспомнить, где раздевалась.

– Верона, – на мое плечо ложится рука Игната. – Иди за мной.

Я поднимаю голову и смотрю с непониманием.

– Что случилось? Где Руссо?

– Расскажу все по дороге, – он подхватывает нас с Коброй под руки и направляется к служебному выходу.

Я оборачиваюсь, не вижу ни Анны, ни Софии.

– Там мои подруги!

– Их уже вывели!

Почему их вывели раньше? Я этого не видела. Бегу за Игнатом. На кухне никого. Обслуживающий персонал попрятался или разбежался. Игнат хватается за нож для разделки мяса и говорит:

– Я привык к скальпелю, но сейчас тесак больше подойдет, – он подмигивает мне и улыбается. – Готова, Зайка?

– Я тебе не Зайка и ни к чему я не готова, – огрызнулась я.

– О! Чувствуется школа Руссо!

Кобра схватила в одну руку металлический поднос, в другую рыбный нож.

– Беби, оторви каблуки, – говорит Кобра и показывает на мои туфли.

– Что? Как? – да я знала как, но просто у самой рука бы не поднялась.

Игнат понял ход ее мыслей и жестом требует дать ему туфли. Снимаю и поочередно протягиваю их Игнату. Резким рывком он отрывает сначала один

каблук, затем другой. Теперь туфли похожи на деревянные сабо. Идти жутко неудобно, но из-за страха я не обращаю на это внимания.

Мы движемся к выходу. Оба тяжело дышат. Что происходит? Они точно понимают, а у меня нет даже предположений. Панический страх и в первую очередь за Руссо. Он ведь только что вышел из бара, а потом этот грохот. Внушаю себе, что сейчас не до истерик и не до вопросов. Вопросы будут потом... если все благополучно закончится. В чем я уже сейчас очень сомневаюсь.

С улицы слышен рев байков, окрики, звуки потасовки, стоны. В окно швырнули дымовую шашку. По кухне прокатился режущий звук разбитого стекла. Мы снимаем куртки, свитера и пытаемся защититься от едкого дыма, но безуспешно. От него раздирает горло, щиплет глаза.

– Газ! – кричит Игнат. – Уходим!

Я ничего не вижу. Кобра хватает меня за руку и тащит за собой. Но в этот момент двери резко распахиваются, путь нам преграждают трое бойцов ОМОН в противогазах и тычут в нас автоматы.

– Стоять! Руки за голову!

Я и так плохо соображала, а тут еще этот крик и дуло автомата перед глазами.

– Чего-чего? – спрашиваю я.

Специально для тормознутых и плохо слышащих омоновец цедит сквозь зубы:

– Руки за голову!

Интересно, если я еще раз спрошу, он меня ударит? Кобра, будто чувствует мое состояние и настоятельно просит:

– Беби, убери руки за голову.

Если подниму руки, куртка упадет, а она хоть как-то оберегает меня от дыма. Кобру уже штормит, еще мгновение и она упадет. Игнат только кашляет, но стоит ровно. Нас держат на прицеле двое, а остальные, пригнувшись, бегут к двери, ведущей в зал.

– Руки! – снова кричит омоновец, он явно теряет терпение.

Я смотрю ему в глаза, потом перевожу взгляд на дуло его автомата и выполняю приказ. Разжимаю руки, куртка падает на пол. Теперь мое лицо ничем не защищено. В нос бьет ядовитый запах.

Омоновец издает удивленный возглас. Сквозь крики и собственный кашель я слышу странный вопрос:

– Вера? Это ты?

Перед глазами туман. Он назвал меня по имени? Голос знакомый, но никак не могу вспомнить кто это. Не чувствую ног. Ох, сейчас я упаду.

Аристарх

Мы двинуться не успели, как мусорный бак в конце парковки взлетел на воздух. Нас отбросило ударной волной. Я откашлялся и поднялся на ноги. Глаза щипало. Догорающий мусор падал с неба на стоянку как вулканический пепел. Не успели мы прийти в себя, как со всех сторон на нас двинулся до зубов вооруженный ОМОН. Что за хрень?! На кой черт мы им сдались? И тут до меня дошло... Демон! Вот точняк он что-то замутил и всех подставил! Уж больно он охочий до бабла. Прямо прайсовый голод! Вот только безмозглый!

– На колени! Руки за головы!

Завелась старая песня! Твою ж мать! Знаем, плавали!

На нас наставлены стволы. В такие моменты главное не мельтешить, бойцы на взводе, любое твое движение может быть истолковано превратно. Но все же один из нас оказался непонятливым и решил что сегодня отличный день для геройств. Вот дебил, нашел время и место. Его сшибают с ног, тот как мешок валится на землю. Несколько ударов в живот. Тупоголовый стонет, стискивает зубы от боли. На лице мучительная гримаса. Спрашивается, на кой черт полез на рожон?!

Из бара вываливается толпа, еще бы, грохот стоял такой, что слышно за квартал. Дюжина братьев попыталась прорваться на байках, но их всех завернули. Автоматная очередь кого угодно остановит. Смотрю вдаль. Нет, двое все же прорвались. Гуляет ветер в чердаке! Стопудово бухие и на кураже! Надеюсь, они догадаются дать клич в чате клуба и подтянутся те, кто сможет нас вытащить.

Один из бро начал выкаблучиваться. Типа, что по чем. Еще один рыцарь в кожаных доспехах. Его тут же загасили. Вижу, бойцы разгорячились, кровь вскипела, все на адреналине. Среди толпы Демон. Оценив обстановку, дает приказ не сопротивляться. Дошло до урода! Половину сходу уже могли завалить. Какого хрена он всю гурьбу за собой потащил? Смотрю на него краем глаза. Демон очкует не на шутку. Точняк! Ему есть чего бояться! Увалень хренов! Что же он провернул, что на него ОМОН напустили?

Пока шел захват здания, нас держали на улице. Мои мысли были только о Вероне? Успел ли ее вывести Игнат? А если не успел? Тогда она в самой гуще мясорубки! Черт! Не похоже, чтобы хоть кто-то смог выйти. Я тут же дал себе зарок: если выберемся из этой передраги, никогда больше не приведу ее в этот гребанный бар. Сейчас я реально вижу, как она из-за меня может пострадать. Если так выйдет, сам себя не прощу.

Братву по одному заводят внутрь. Настал мой черед. Переступаю порог, и кровь стынет в жилах. Запах газа бьет в нос. У всех кто оставался внутри раздирает горло и красные глаза. Двое наших в несознанке валяются в луже кровищи. У бара на полу в отключке лежат несколько девчонок среди них Шер и Кобра.

Ищу глазами Верону или Игната. В душе еще тлеет надежда, что он успел ее вывести до захвата. И тут мой взгляд останавливается на бездыханном теле. Моя малышка лежит в стороне от всех. Почему?

Нет! Нет! Нет! Верона!

Я взываю на весь бар. Чуваки прячут глаза. Мои ноги подкосились, я упал на колени. Кто-то толкает меня в спину, но я не могу пошевелиться, будто стремительно погружаюсь на глубину. В голове проносятся ее слова: «Я буду любить тебя до последнего вздоха». Перед глазами мелькает ее улыбчивое лицо. Я теряю связь с реальностью. Не соображу где я и почему все так обернулось. Чьи-то руки подтаскивают меня к стене. Я утыкаюсь головой в собственные колени. Внутри будто выжженная пустыня, нечем дышать. Поднимаю голову и смотрю на Верону. Почему она лежит в отдалении от всех? Она что мертва? От этой мысли я чуть кони не двинул. Голова у нее запрокинута неестественно.

Поднимаюсь на колени, присматриваюсь, нет, хоть лицо белее мела, на лбу и над губой поблескивает испарина.

Эти уроды запустили газ. Чувакам по фигу, мы и не таким дерьмом упарывались, а девчонок всех свалило. Надо взять себя в руки! Нельзя раскисать! Думай! Борись! Мне пришлось загасить все эмоции на корню, только бы не выдать себя. Сейчас для Вероны лучше держаться от меня подальше. Тогда может ее отпустят...

– Что с девчонками?! – кричу я старшему.

– Заткнись! – меня бьют по корпусу, я отлетаю и ударяюсь башкой об выступ в стене.

Бр-р-р-р... Встряхиваю баш. Прихожу в себя и снова кричу:

– Я врач! Могу оказать первую помощь!

– Без тебя разберемся! Ухарь! Врач он... В каком месте ты врач? – с насмешкой откликается старший, сплевывает и подходит к Вероне.

Двое склоняются над ее телом и пытаются привести в чувства. А дальше все становится еще интереснее. Оказывается, старший знает мою малышку. Что за утырок? Кто он? Откуда ее знает? Меня захлестывает волна ревности, когда он называет ее Джульеттой и делает ей искусственное дыхание. Урод! Я убью его! Размажу хмыря по асфальту! Сейчас Верона назвала бы меня Огнедышащим Драконом. Братья на меня посматривают, но не комментируют. Всем понятно, что я на грани.

– Эй, боец, – подает голос Волк и кивком показывает на Верону, – девчонка не из наших. Очухается, отправьте домой. Она художница, была здесь с подругой.

– Чего она здесь забыла? – теперь старший заинтересовался.

– Их наняли для праздника, – Волк показывает на голую разрисованную чиксу, которая как раз к тому времени начала постанывать и шевелиться.

– Разберемся, – бросает недовольно старший и снова склоняется над Вероной.

Я бросаю на Волка благодарный взгляд. Мне бы только подползти к Вероне, нас разделяет несколько шагов, уж я бы быстро привел ее в чувства. Но после двух попыток наступать на те же грабли мне не с руки.

Детка, давай, очнись! Открой свои синие глазки! Смотрю на свою малышку с надеждой. Этот урод тормозит ее, слегка бьет по щекам. Обращается с ней бережно, это меня немного успокаивает, но каждое его прикосновение отражается во мне болью. Убью гада! Дыхалка сбивается. Не могу себя утихомирить.

– Остынь, – шепчет Волк, – этим ты ей не поможешь.

– Не разговаривать! – кричит один из омовцев и бьет прикладом Волка по затылку.

Тот взывает от боли и заваливается на бок. Мое плечо не дает ему упасть.

– Сука! – выкрикивает Волк и получает второй удар.

Вера

Кто-то теребит меня за щеки.

– Вера, Вера... очнись...

Открываю глаза. Все в тумане.

– Наконец-то. Эй, Павлова, хорош откисать. Возвращайся! Вот... хорошо...

Открывай глаза.

Пытаюсь понять, где я и кто меня так требовательно призывает. Голос знакомый. Фокусируюсь. Тимур! Брат моей школьной подруги Лейлы. Откуда он здесь?

– М-м-м... Тимур?..

– Узнала? Значит память не отшибла, – смеется он. – Как ты? Тошнит?

– Да... ужасно, – призналась я и хватаюсь за горло.

– Пей, Джульетта, только не спеши, – Тимур подносит к губам бутылку воды и медленно наклоняет.

Так только он меня называл.

– Я стояла на балконе Джульетты, – хвастаюсь я.

Зачем я это ему говорю?

– Во сне? – Тимур улыбается.

– Нет, в Вероне.

Тимур снова наклоняет бутылку.

– пей мелкими глотками. Не жадничай.

Слышу чей-то стон. Такой знакомый. Не слушая предостережения, хватаюсь двумя руками за бутылку и выпиваю всю воду.

Тимур смотрит на меня восторженным взглядом.

– Сто лет тебя не видел, ты так повзрослела. Узнал тебя по глазам.

– Так ты в ОМОНе? А что же с мечтой о юридическом?

– Мечта никуда не делась... только пришлось небольшой кружок сделать.

Допиваю воду, вытираю ладонью губы, оглядываюсь по сторонам. Я лежу на дощатом полу. Тимур придерживает мою голову.

– Я приподниму тебя, если затошнит, скажи.

Киваю и со стоном хватаюсь за голову. Тимур медленно меня поднимает и усаживает. Я смотрю на свои туфли, ну или то, что от них осталось. Почему-то вспомнился Последний звонок и анекдот, рассказанный в тот день одноклассником. В Москве ОМОН задержал пятьсот молодых людей с красными лентами. Думали революция, оказалось Последний звонок.

– А где Руссо? – спрашиваю я, окончательно придя в себя.

– Я здесь, детка! – откликается родной голос.

Пытаюсь повернуться на звук голоса, но тело меня не слушается.

Тимур хмурится, ему не нравится такое знакомство. А мне плевать, что он там думает!

Фокусируюсь и вижу вереницу байкеров, стоящих на коленях вдоль стены, их руки сцеплены за головами. Над ними нависли бойцы ОМОНа. Взгляд останавливается на Руссо. О, Господи! Губа разбита, под левым глазом багровеет пятно. С височной части головы стекает тонкая струйка крови.

– Руссо! – кричу я и пытаюсь вырваться из рук Тимура, но он не пускает.

– Вера, Вера! Подумай, прежде чем что-то еще сказать.

Его взгляд говорит мне, что я в опасности.

– Почему я на полу? Что здесь происходит?

– Вот это я тебя хотел спросить. Как ты оказалась в этом клоповнике?

– Я была здесь со своим братом... – я облизываю мокрые губы, – и со своим парнем. Мы развлекались... а потом какая-то кутерьма... не помню... ох, мои туфли!

– Она не соображает что говорит! – слышу я чей-то голос. – Она художница!

– Вера! – Тимур показывает жестом, чтобы я смотрела на него. – Солнышко, посмотри на меня.

Перевожу на него взгляд.

– Я поручусь за тебя, только ты должна сказать, что ты здесь случайно. Понимаешь? Пришла с подругами... и так далее... я тебя отвезу, куда скажешь...

– Тимур, я тебе уже сказала. Нет надобности повторять. Я здесь с парнем, – я показываю на Руссо. – Вот он!

Он хмурится, чертыхается и потирает подбородок. Руссо склоняет голову, на меня не смотрит. Что это с ним?

– Тогда у тебя проблемы, Джульетта, а я не хочу, чтобы они у тебя были. Понимаешь?

Я киваю, меня тут же мутит.

– Повторяю, скажи, что была с подругами, и я отвезу тебя, куда скажешь, – в голосе Тимура слышу угрозу. – И надеюсь, на этот раз ты меня предельно ясно поняла?

– Я с Руссо! – упрямо повторяю я. – Он мой... парень... – я показываю на кольцо. – Мы помолвлены...

Тимура словно током ударило. Он отпрянул, прожег меня взглядом.

– Эх, Вера, Вера. Из всех претендентов на твою руку и сердце ты выбрала бандита-байкера. Вот уж никак от тебя не ожидал.

Не знаю почему, но я улыбнулась и процитировала Шекспира:

– Мои глаза в тебя не влюблены,

Они твои пороки видят ясно,

Но Сердце ни одной твоей вины

Не видит, и с глазами несогласно.

Тимур перевел взгляд на Руссо.

– Понятно, значит, по-твоему, он не бандит? Ну что ж я докажу тебе обратное, – Тимур встает с колен, отпускает меня и ледяным тоном говорит кому-то кто стоит за моей спиной: – Ведите ее к остальным женщинам.

– Верона! Нет! – кричит Руссо. – Делай, как он сказал, малышка! Тебя заберут в кутузку! Прошу тебя, детка, делай, как он сказал! Пусть тебя отвезут домой. Я вернусь, не успеешь заснуть.

– Вот это вряд ли, – усмехнулся старший.

Смотрю на друзей Руссо и понимаю, что это своего рода экзамен. Проверка на вшивость. Если я с ним, то должна быть готова ко всему и даже к этому. Знаю, он хочет меня оградить от неприятностей, но почему-то мне кажется это предательством.

– Прости милый, я знаю, ты будешь злиться и, наверное, накажешь меня, но я не могу... – я мотаю головой, на глаза наворачиваются слезы. – Не могу, милый. Я люблю тебя. Все будет хорошо!

– Верона! Нет! Послушай меня! – кричит Руссо, его бьют прикладом по шее, он стонет от боли.

– Не трогай его! – кричу я омовцу и взываю от головной боли.

Тимур бросает на меня прощальный взгляд и выходит из бара. Я его разочаровала. Знаю, он всегда питал надежду, что мы будем вместе, даже как-то раз сказал мне об этом. Он мне никогда не нравился, но приходилось общаться из-за подруги. Смотрю ему вслед, тошнота подкатывает к горлу. Кутузка? Я упустила свой шанс на спасение. Что теперь? Меня всю трясет от страха.

Рядом кто-то стонет, я оборачиваюсь и вижу Кобру. Она что-то мне шепчет. Я наклоняюсь и слышу еле различимый шепот:

– Шлепнись в обморок, тогда тебя вместе со всеми отвезут в больничку.

Как я могу запланировано шлепнуться в обморок?

Схватив за локоть стальной хваткой, меня ведут вдоль вереницы «Ночных сов». У некоторых разбиты лица. Один парень лежит без движения в луже крови. Пытаюсь найти Саню, но его нет.

– Саня! – кричу я, ищу его глазами. – Саня!

– Его здесь нет, детка! – снова подал голос Руссо.

Господи! Где же он?

Дверь в трех шагах. Сейчас или уже никогда! Я нервно сглотнула, закатила глаза и начала заваливаться назад.

– О! Поплыла!

Меня подхватывают на руки и снова укладывают рядом с Коброй. Понимаю, что не моргать у меня не получится и тогда я решаю оставить глаза приоткрытыми и постанывать. Актриса из меня никакая. Мне бы не переиграть.

– Молодчинка, – шепчет мне Кобра, когда я с притворным стоном поворачиваю к ней голову.

Аристарх

Начался шмон. На полу расстелили мешки для мусора, и стали бросать на них все, что находили в наших карманах: доки, прайсы, побрякушки, мобилы, ключи, кастеты, отмычки, ножи и даже стволы. Мой мобильник непростой, в нем онлайн банк-клиент всех расчетных счетов, система «Умный дом» моей квартиры, трейдовые прогнозы и в такое место я его никогда не беру. Поэтому всегда, прежде чем ехать в бар вставлял сим-карту в более дешевую модель. Сегодня не исключение. Я вспомнил, как вместе с медальоном снял кольцо перед выходом и улыбнулся. Ну и чуйка у меня! Никогда не подводит. Сам удивляюсь. Главное, в такой момент не включать мозг. Сейчас бы кольцо лежало среди прочего хлама на черной пленке. И хрен его знает, вернули ли бы мне его или нет, а для меня оно слишком много значит.

В куче изъятого, не переставая, вибрируют и надрываются на все лады наши мобильники. Близкие и родственники нервничают. Надеюсь, те, кто прорвался, оповестил остальную братву, и инфа о рейде красуется на сайте.

Из-под барной стойки вытаскивают две черные кожаные сумки. Один боец расстегивает молнию, заглядывает и вынимает пакетики с наркотой. Черт! Опять эта гребанная наркота! Пробирается из всех щелей, как зеленый змей из ада. Была у русских одна беда – водка, так теперь нас накрыло волной опиоидного дурмана.

Не надо быть чертовым экстрасенсом, чтобы понять, кому принадлежат эти две сумки. Демону!

– Синий мет! – кричит один из оперов в штатском.

Братва напряглась, мечет в Демона гневный взгляд. Я в тупеже! Сегодня из-за этого ушлепка нас чуть не перестреляли! И это после того как Демон

вправлял нам мозги про кокс на утренней сходке. Ему конец! Башку даю на отсечение, что у костяка нашего клуба уже зреет мысль о смене главного.

Через десять минут в бар вразвалочку входит какой-то гнусный тип в гражданке. Остроносый, сутулый, высокий.

– Что тут у вас?

Пока они таращатся и думают, что делать дальше, мы с братьями злобно переглядываемся. За такое дело срок схлопотать можно по полной, никакие адвокаты тебе не помогут. Если наркота изъята при рейде, уладить дело предельно сложно, так как задействованы несколько ведомств. Хоть Демон и тугодум, но лис хитрый и придумает, как отмазаться. Наверняка, к этим сумкам он даже не прикасался. Все делали его шестерки.

Вижу полоску света через приоткрытую дверь. Светает!

От подъезда с сиренами уезжали одна «Скорая» за другой. Последней увозили Верону, а это означало, что ее состояние было стабильнее, чем у других пострадавших и это обнадеживало. Я все ждал, когда ее погрузят на носилки, чтобы хоть мельком увидеть лицо. Колени ныли, я еле держался. В висках стучала пульсирующая боль. Когда Верону пронесли мимо меня, она открыла глаза и улыбнулась. Черт! Эта плутовка мне подмигнула! Не прошло и получаса, как она типа рухнула в обморок, а теперь мне подмигивает! Я выдохнул с облегчением. Значит, притворялась! Вот дает! А сыграла-то вполне убедительно! Сама бы она до такого не дотумкалась, видать Кобра ее натаскала. Этой Сорви Голове я в который раз уже должен.

Как только увезли девчонок, на пороге бара появился мой несравненный братец. Выцепил меня взглядом среди коленопреклоненных и сразу пошел к Сутулому. Они перетерли что-то, вышли на улицу. Через десять минут, которые мне показались вечностью, нас с Игнатом вывели под предлогом допроса на кухню, а оттуда через черный ход на стоянку.

Сева стоял у своего внедорожника. Злой, заведенный. Без лишних слов он указал на тачку, мы сели, он газанул и будь готов. Еще минут пять я оборачивался и не мог поверить, что для нас все закончилось.

– Надо узнать, куда увезли пострадавших. В последней «Скорой» была Верона, – говорю я Севе. – Эти уроды пустили газ.

– Что?! – взорвался Сева. – Ты притащил Веру в этот рассадник разврата?! Ты что совсем с катушек слетел? Нет, я не могу поверить! А ее мать знает, где она?

– Не ори! – огрызаюсь я.

Мне хреново и я не готов сейчас выслушивать нравоучения братца.

Сева резко тормозит, нас накрывает облако пыли и кричит мне в лицо:

– Не хочешь слушать?! Проваливай! – я делаю рывок к двери, он тычет в меня пальцем и добавляет: – Но знай, как только выйдешь, я позвоню в наркоотдел и скажу, что мой осведомитель сбежал. Пойдешь по этапу со всеми своими дружками. Как тебе такой расклад?

Я вздыхаю и откидываюсь на сиденье. Возвращаться в тот ад мне совсем не хочется. В ход пошел открытый шантаж, а это значит, Сева на пределе. Раньше между нами всегда вклинивалась Аврора – наш арбитр. Теперь самим приходится улаживать конфликты.

– Сева, остынь, – парирует Игнат. – Он сам все понимает, не дурак.

– А ты вообще заткнись! – братец в ударе. Сева смотрит на моего друга в зеркало заднего вида. – Знаешь, что Катя не любит, когда ты ходишь в этот бар без нее и нарываешься!

– Эй! Вообще-то она мне отказала!

– Да?! – Сева разворачивается и смотрит Игнату в глаза. – А ты не спросил почему? Нет? Я так и думал! Пошел заливать ущемленную гордыню. Провалился с какой-то бабой всю ночь на пляже, а на утро без единого слова собрал манатки и свалил. Ты от Ари недалеко ушел! Такой же эгоист и сластолюбец!

Ну вот! Понеслась кочерга по дымоходу! За компашку и другану сейчас достанется.

– С бабой? – я поворачиваюсь к Игнату и прожигаю его взглядом. – Seriously?!

– Да не было там никакой бабы! – возмущается Игнат, но глазки уже забегали. Ага! Значит, что-то вспомнил! – Все это Катя выдумала!

– Она всю ночь тебя искала! А когда нашла, ты обжимал какую-то бабу и тащил ее в воду!

– Вот дура! Не обжимал я ее! Просто предложил искупнуться, мы все пьяные были и ее штормило!

– Все с тобой ясно, – кривлюсь в ухмылке.

После пятой рюмки Игнат себя не контролировал. В его памяти напрочь стиралось все, что было после этого пресловутого «Пятого элемента», так мы называем его глюк. Все это знали и старались до этого состояния не допускать. Нужно позвонить Катюхе и узнать все произошедшее с ее слов.

– А ты не лыбся! – одернул меня брательник. – С тобой я еще не закончил! Мало того, что ты сам рискуешь своей задницей, так еще Веру потащил за собой! Урод!

Я зарычал и ткнулся лбом в стекло. Если бы не необходимость узнать, куда отвезли Верону, я бы тут же выскочил из машины, плевать что после этого сделал бы Сева.

– Ари! Тебе повезло встретить такую девчонку! Я не шучу! Она еще и любит тебя до потери пульса. Это ей крышу сносит, а не тебе. Она не думает о себе. В ее голове только ты и твои проблемы! Ее матери это не нравится! Да и нашей тоже!

Ненавижу, когда материнский десант лезет в мои дела. Просто зверею! Тем более, когда дело коснулось Вероны.

– Да плевать я хотел, что кому нравится! – кричу я и бью по торпедо. – Это наша с ней жизнь и мы сами в ней разберемся! Не лезь Сева, а то ты сам сейчас нарвешься. Я не шучу!

Сева резко тормозит и выходит из машины, я выскакиваю ему навстречу.

– Твою ж мать! – кричит Игнат и летит мне на подмогу. – Да остыньте вы оба! Еще не хватало, чтобы вы тут передрались!

Мы его не слышим. Два смерча несутся друг на друга. Я долго не раздумываю, наношу удар первым. Сева встряхивает башкой, не ожидал! Его кулак летит в мою челюсть, но я уворачиваюсь. Сейчас посмотрим, кто кого! Игнат пытается нас разнять, но получает от Севы в нос, взывает и чертыхается.

– Ну ты урод, Сева! – кричит Игнат. – Мне завтра оперировать!

Больше попыток вмешаться кореш не предпринимает. Щупает разбитый нос, переминается с ноги на ногу и нервно курит в сторонке. Стопудово думает о

Кате и что она могла увидеть ночью на пляже. Я выместил на брате весь накопившийся гнев. Он на мне тоже. Все как в детстве. Ничего не изменилось.

Слышим сигнал клаксона и оборачиваемся. Это Курт и Софа. В машине гремит музыка. Оба довольные как слоны. Софа машет башкой в такт битам.

– Вы чего кулаками размахались? – Курт с довольным видом выходит из машины и заглядывает во внедорожник Севы. – А где Верона?

Черт! Он ничего не знает! Небось, все это время трахал, где-то свою подружку и потерял счет времени.

Не успел я все выложить корешу, как на дороге показался байк Мангуста. Позади него хохочущая Анна. Видок аналогичный, что и у Софы. Машет нам. Что-то кричит. Зашибись! Она ведь замуж вроде собралась! Какого черта раскатывает с этим уродом? Ненавижу Мангуста. Он как падальщик, подбирает за всеми объедки. Ему нужно было дать кличку Гриф или Шакал, точно отражающую его сущность.

Анна соскакивает с байка и плывет в нашу сторону. Ну вот! Все подруги Вероны в сборе, а ее самой нет! Еле подавляю слезы и отхожу в сторону. Мне нужно остыть и взять себя в руки. Верона нуждается во мне! Нужно ехать в больницу, а я как мудака согнулся пополам и не могу прийти в норму.

Вера

После осмотра в приемном покое всех пострадавших перевели в реанимацию. У девушки с разрисованным телом был коллапс легкого и сильные судороги. Врачи не отходили от нее ни на минуту. Я с испугом смотрела, как ее расписанное красками тело сотрясалось на каталке и мне казалось, что в этот момент она реально отправляется в мир мертвых. Видимо, медсестры увозили ее куда-то, где отскоблили краску, в реанимацию она уже поступила с нежно розовой кожей.

Двух парней с черепно-мозговыми травмами и множественными внутренними повреждениями отправили в хирургию. Я не видела, как их били, но последствия были просто катастрофическими. Кобра сказала, что оба парня

женаты и у них есть дети. От этого мне стало еще хуже, комок подкатил к горлу и я всплакнула. А вдруг они не выживут?

Никто не смог пронести телефон в реанимацию, удалось только Кобре. Она вообще сегодня демонстрировала многие свои таланты, чем влюбила меня в себя еще больше. С первых минут Кобра стала местным информбюро. Она оповестила родственников пострадавших, сообщила в какой мы больнице. Телефоны всех кто был в баре при задержании либо были недоступны, либо не отвечали. Никто не знал, из-за чего захватили бар и всех кто в нем оказался. А если Кобра и догадывалась, то держала свои мысли при себе.

Я дышала через кислородную маску, смотрела на бесцветное лекарство в капельнице и думала о нас с Руссо. Вечер так хорошо начался. Мы даже не хотели вылезать из постели. Потом он представил меня друзьям как невесту и даже поволок за собой на сцену. Пел для меня. Мелодия до сих пор крутиться в голове. Где он сейчас? Увезут его вместе со всеми в отделение полиции или Сева сможет его вызволить? Первым делом я попросила Кобру сообщить Севе обо всем, что случилось в баре. Как-то Руссо мне рассказал, что на такой случай брат дал ему удостоверение внештатного сотрудника его отдела, а значит, был способ все уладить. Но Сева оказывается, уже знал об облаве и проявил больше беспокойства обо мне, нежели о брате.

– Как Курт допустил, чтобы ты связалась с Руссо? – услышала я над собой незнакомый женский голос и подняла глаза.

Передо мной, сложа руки на груди, стояла та самая брюнетка – точная копия Занозы в Заднице.

– Отвали от нее, Шер! – предостерегающе произнесла Кобра и оторвалась от своего телефона.

– Сама отвали! – огрызнулась Шер и приняла угрожающую позу.

Охо! Кажется, она подошла не поговорить, а поскандальить, а, возможно, даже подраться...

Кобра хотела вмешаться, но тут вошла медсестра и проверила состояние «разрисованной» девушки. Шер сделала вид, что смотрит в окно и после предупреждения медсестры лечь в койку, ангельским голоском пообещала, что непременно это сделает, как только разомнет ноги. Ну надо же! Сама скромность!

Интересно, она и с Руссо так себя вела? От одной мысли, что передо мной стоит бывшая любовница моего парня меня лихорадит. Но присутствие Кобры вселяет надежду, что наш разговор продлится недолго. По ее виду я понимаю, если надо, Кобра пустит в ход кулаки.

– Нет, я просто хочу понять, где она была все это время, и как ее угораздило спутаться с Руссо? – она повернулась ко мне. – Твой брат не сказал, что бывает с такими глупенькими и наивными дурочками, когда они попадают в лапы к Руссо?

– И почему это тебя так заботит? – съязвила Кобра, ее тело было так напряжено, казалось, еще мгновение и она вскочит на ноги.

– В баре делали ставки на то, когда эта безмозглая кукла примкнет к армии отвергнутых. Очередь выстроилась, кто будет следующим. Мангуст как всегда впереди. В спальне Руссо отметились почти сотни девок, я не удивлюсь, если он зарубки на кровати делал, – она хохотнула и встряхнула волосами. В ее взгляде читался вызов, но было что-то еще. Паника? – Ты там случайно мои красные труселя не находила? А то у Руссо красные простыни, а красное на красном хрен заметишь. Если найдешь, а я уверена, что Мария их уже постирала и отправила в коллекцию забытых девками вещей, то привези их в бар. Удобные были труселя.

Кобра собиралась ей что-то ответить, но я ее опередила.

– Нет, не находила. В той комнате теперь вообще больше ничего нет. Вся мебель выброшена, стены покрашены, даже занавески он отправил в мусоропровод. Видимо, избавлялся от вашего тошнотворного запаха.

Мою реплику оценила соседка по койке и заливисто засмеялась. Шер зарычала и двинулась в мою сторону. Послышался скрип кровати, это Кобра вскочила и преградила ей путь.

– Не скалься раньше времени, безмозглая кукла, – прошипела Шер, попыталась отпихнуть Кобру, но та стояла как скала. – Не пройдет и месяца как он забудет твой телефон, а если позвонишь, отбреет своей коронной фразочкой: «Отвали, Гербарий!».

– Так он тебя послал? – усмехнулась Кобра. – Ты реально Гербарий! Сколько тебе лет, Шер? Сороковник уже есть?

Лицо Шер исказилось в ядовитой ухмылке. Понятно, что ей нет еще тридцати, и что таким способом Кобра хотела ее осадить.

– Иди, ляг, проспись и начни новую жизнь, – Кобра отпихнула Шер от моей кровати. – Этот поезд для тебя утек. Поздно зубы точить.

– Еще посмотрим! – злобно выпалила Шер. – Мангуст сделал самую большую ставку и бахвалился, что уже прикупил для этой куклы тазик для слез. А он всегда оказывается прав, уже с десяток отогрел после Руссо. Говорит, что после Руссо девки особенно покладистые, готовые на все. У Мангуста теперь хобби такое. Еще парочку выигрышей и мотик новый прикупит.

Ох! Олег сделал ставку в баре на то, что мы с Руссо расстанемся? Слышать такое было неприятно и обидно. Я видела, что между ним и Руссо было сильное напряжение, но причину спросить было неудобно.

– Я бы на твоём месте ставки не делала – проиграешь, – мой голос звучал спокойно, но внутри меня бушевал пожар негодования.

Новая попытка прорваться к моей кровати чуть не оказалась успешной. Черные, остро заточенные, как у кошки ногти Шер почти добрались до моей ноги. Но Кобра несла дозор чутко и смогла предотвратить схватку, в которой я бы, конечно же, проиграла. Я подобрала под себя ноги и впялила в нее ненавистный взгляд. Какая же она гадкая и грубая. Как Руссо мог заниматься с такой женщиной сексом? Только лишь из-за схожести во внешности с бывшей подругой? Меня выворачивает от ее присутствия.

Кобра схватила Шер за шею и оттащила к ее койке. С минуту что-то ей втолковывала и только потом вернулась. Больше Шер не предпринимала попыток со мной заговорить, но вот с другими посетительницами бара была излишне откровенна. В красках рассказывала об их с Руссо встречах. Сколько раз за ночь они занимались сексом и в каких позах. Слышать такое было невыносимо, из тех деталей, которые она поведала, было понятно, что их встречи были частыми и жаркими. По ее словам, если она ему писала или звонила, то никогда не получала отказа. Смена тактики была очень удачным ходом. К концу ее излияний я уже не находила себе места. Мне хотелось выбежать из этой проклятой палаты и бежать куда угодно лишь бы не слышать этот противный насмешливый голос.

Видя мое состояние, Кобра выставила перед моей кроватью ширму и попыталась успокоить.

– Беби, ей только и остается, что кусать тебя. Предостережения Руссо она проигнорировала и втюрилась в него по полной. Вот только какое тебе до этого дело? Пусть брызжет своим ядом. Руссо для нее недосыгаем.

После откровений Шер вид у меня был несчастный и сконфуженный. Я ей не ответила, повернулась на бок и накрылась одеялом. Умом я понимала, что Шер не проблема, но слышать подробности сексуальных походов Руссо было крайне неприятно. Слезы застилают мне глаза. Сейчас я так зла на Руссо, что лучше бы мне его не видеть еще сутки. Мне не хватает воздуха и я снова надеваю маску с кислородом.

– Вера, – слышу я тихий голос медсестры через несколько минут, и открываю глаза. – К вам посетитель, только говорите как можно тише.

Сердце выпрыгнуло из груди и понеслось туда, откуда доносились шелестящие от бахил шаги. Руссо? Он приехал! Мужская рука тянется к ширме, отделяющей меня от остального мира. По содранному ногтю на безымянном пальце я уже понимаю, что это Саня...

– Привет, сестренка, – брат гладит меня по волосам, вид обеспокоенный. – Ты как?

Я отнимаю маску от лица и вполголоса отвечаю.

– Уже намного лучше. Было сильное головокружение. Где ты был?

– В коттедже сработал датчик движения, мы поехали проверить, не забрался ли кто. Оказалось, что соседская кошка решила нанести нам визит через открытое окно постирочной. Ну... и задержались немного...

Немного? Его не было минимум три часа. Мне сразу стало понятно, чем они там с Софией занимались.

Постирочная! Это я забыла закрыть там окно! Вот растяпа!

– А мама?

– Она осталась с ночевкой у родителей Руссо.

– Не говори ей, что я в больнице, она тогда не уедет, а примчится сюда и будет плакать. А дома Лешка без присмотра.

– Поздно, там такая заварушка поднялась, – Саня провел рукой по волосам и тихо выругался. – Ты все равно узнаешь... так что...

– Ну же? Говори! – прошипела я на брата, сердце заколотилось как сумасшедшее.

– Короче, Сева и Руссо начистили друг другу фэйсы.

– Чего?! – я чуть с кровати не вскочила. – Когда они успели? За что?

– Да черт их знает, им много не надо, чтобы подраться. Сева позвонил жене, а та их матери. Наша услышала. Короче теперь они все едут сюда.

– О боже! Руссо не выдержит такого натиска!

Саня поморщился, ему не понравился мой ответ.

– Да при чем тут Руссо? – возмутился он. – Ты сейчас о себе беспокойся, Ангел. Что говорят врачи?

– Если анализы будут хорошими, то после обхода меня отпустят. Я меньше всех пострадала. Знаешь, кого я увидела, когда открыла глаза после отключки?

Саня вопросительно поднимает брови.

– Тимура Гаджиева.

Услышав фамилию, Саня напрягся.

– Чего он там делал?

– Руководил группой захвата.

– Да ладно! – Саня не верит своим ушам.

Я рассказала о нашем разговоре и о том, как он просил меня солгать, лишь бы меня отпустили. Думала, что Саня сейчас скажет, что я идиотка, надо было послушать Тимура, но брат сжал мою руку и одобрительно кивнул.

– Он еще год назад мне названивал, – признался Саня. – Просил моего согласия, чтобы встречаться с тобой.

– Что? – я шокирована, не знала, что Тимур так далеко зайдет. – Почему ты мне не сказал?

– Зачем? – Саня гневно блеснул глазами. – Я послал его куда подальше. Еще не хватало, чтобы ты свою веру меняла.

Я выпучиваю глаза.

– Веру?

– Да! Прикинь? – Саня чешет затылок. – И как у него язык повернулся такое предложить?

Сказать, что я потрясена, ничего не сказать. Тимур Гаджиев не просто просил согласие у моего брата, чтобы со мной встречаться, он хотел, чтобы я сменила веру? Обалдеть! Слов нет!

– Где Руссо? – со страхом спрашиваю я.

– Томится перед реанимацией.

– Попроси его зайти ко мне.

– И просить не надо, он рвался к тебе как революционер на баррикады, но персонал не пускает. Вызвали охрану. Он чуть там драку не устроил, но ему жестко дали отпор: «Только родственникам»... ты бы видела его... – Саня смеется, на него шикает медсестра, он шепотом добавляет: – Я думал, он вызовет сюда работника ЗАГСа для срочной регистрации брака и помчится за кольцами, лишь бы стоять у твоей койки.

Я смеюсь, уже представляю эту картину.

– Мудрость сказала ему, чтобы привел себя в порядок, а потом заходил к тебе. Только тогда он пошел в хирургию, там его подлатали. Потом на такси смотался домой, переоделся и сейчас обрывает мобильный телефон всему руководству больницы.

– Мамочка родная, – я прикрываю рот рукой и в шутку сама у себя спрашиваю: – Кто же там за дверью? Огнедышащий Дракон или Пиночет?

Саня морщится.

– Ни тот и ни другой. Он перепуган до смерти. Неизвестность рисует в его мозгу самые мрачные картины. Ты же знаешь, ему нужно все контролировать, а тут столько преград. Но не волнуйся, он сметет их, вопрос времени.

Я сжимаю руку брата и заглядываю ему в глаза.

– Ты сказал матери, что уезжаешь в командировку?

Еще вчера утром я хотела ему намылить шею, но после пережитого немного начинаю понимать его мотивацию. Мне хочется поддержать Саню, сказать, что я всегда рядом, чтобы ни случилось.

– Да, – Саня сжимает мою ладонь. – Думал, она будет на меня кричать или плакать... но нет... она просто сидела и смотрела на меня как... – Саня шумно сглотнул, – на отца.

Ох! Бедный Саня! У меня у самой на глаза навернулись слезы.

– Ей больно. Ты ведь ее опора, ее гордость.

– Да какая уж там гордость, – горько усмехается брат. – Сколько она из-за меня дерьма вытерпела. Пьянки, драки, игровая зависимость.

– Она гордится тобой, ты бы слышал, как она о тебе подругам говорит: «У Сани золотые руки» или «Я только на Саню надеюсь».

Саня смущен и неловко переминается с ноги на ногу.

– Никак нельзя отказаться от поездки? – с надеждой спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает, мотает головой. Понятно. Нельзя. Я холодею от одной мысли, что могу потерять брата.

– Я люблю тебя, Саня, – улыбаюсь и добавляю: – Хоть ты бедовая голова и оторвишник.

– Ты присмотришь за Мудростью?

– Конечно! Хотя это будет *очень сложно*... – я закатываю глаза, и мы оба усмехаемся.

Тяну его к себе, он боится задеть капельницу или кислородную маску, поэтому держится одной рукой за изголовье койки и слегка меня приобнимает.

– Если услышишь шум, знай, это вышел на тропу войны твой Огнедышащий Дракон, – Саня улыбается и подмигивает мне.

Ох! Вся злость на Руссо мгновенно развеялась как туман. Скорее бы его увидеть! У меня сердце щемит в груди. Как же я соскучилась!

Аристарх

Я сидел на корточках перед дверью реанимации и, приложив мобилу к уху, слушал последнюю сводку новостей от Годзиллы. Шея ныла от удара прикладом. Левая щека распухла, мне казалось, фэйсом я сейчас похож на творение Франкенштейна. Охранник стоит в стороне, не спуская с меня глаз. Больше я не делаю попыток прорваться. Глядя на него, меня так и подмывает врезать ему в

челюсть. Этот ублюдок трижды выводил меня из здания, но к его удивлению я всегда оказывался у двери реанимации раньше него.

Годзилла что-то бурчит в телефон, но я слушаю вполуха. Мои мысли все там... в реанимации... с Вероной. Прогноз был утешительным, но окончательно можно было делать выводы только, когда придут результаты экспресс анализов, а это будет не раньше чем через час. Все это меня нисколько не успокаивало, мне хотелось увидеть ее самому. Вдохнуть аромат ее кожи, почувствовать на себе ее нежные прикосновения. Утонуть в синих глазах и сидеть рядом, сжимая ее руку. Верона здесь по моей вине. От этого сердце разрывалось на части и я медленно сходил с ума.

Дверь открылась и в коридор вышел Курт. На ходу он скинул белый медицинский халат и вручил его взглянувшей на меня с укором медсестре. Я отпихнул ее от двери, когда она меня не пускала к Вероне. Именно эта сикельда вызвала охрану.

Вглядываюсь в лицо кореша, пока он вышагивает в мою сторону, и не могу определить, что у Курта на уме.

– Она в порядке? – вскакиваю я и без предупреждения отбиваю звонок Годзиллы.

– Вроде да... – мнется Курт, – только очень подавлена. Кажется, она плакала, когда я вошел.

– Черт! Ты спросил, может ей что-то нужно?

– Нет, не спросил, – Курт чешет затылок, – как-то не подумал. Она бы сама сказала, если что...

– Она спрашивала обо мне? – сверлю глазами кореша.

– А как ты думаешь? – окрылся Курт. – Конечно, спрашивала! Просила тебя зайти, я сказал, что тебя не пускают.

– Проклятье! – я взревел и стукнул по стене кулаком.

– Врач сказал, если анализы будут чистыми, ее после обхода выпустят. Так что перестань ломиться и лучше подготовься к выписке. Нужно привести ей сменные вещи.

– Да-да, я привезу, – киваю я.

– Как там наши?

Курт спрашивал о двух братьях из клуба, что были сейчас на операционном столе.

– Операции еще не закончены. Новой инфы нет.

Обычно я бы уже издергался и в первых рядах маячил перед хирургией, но сейчас в беду попала моя малышка и приоритеты поменялись.

– Мне братва телефон оборвала. Все спрашивают про сумку с наркотой, изъятую во время рейда.

– Синий мет, – вставляю я.

Курт чертыхается и подходит к окну. Его взгляд блуждает по соседнему больничному корпусу, где в окнах мелькает медицинский персонал.

– Думаешь, наркота Демона и его прихвостней?

– А кого еще? Трудно представить, что кто-то из братвы начал торговать за спиной Демона.

– А Крест что говорит?

– До Креста не дозвонился, он вроде свалить из города на выходные хотел. Если уехал на охоту, то раньше вторника не вернется.

– Этим Демон и воспользовался. Был бы Крест в баре, он бы эту дурь не принес, побоялся.

– Хотел попросить Дракона влезть в камеры наблюдения, я знаю, что Крест поставил ту же систему в баре, что и в мотосалоне, в нее можно удаленно войти по паролю, так и этот пропал. Трубу не берет.

– Отсыпается.

– Вчера за ним в бар хвост приклеился.

– Да ладно!

– Прикинь! Я думал это по делу Адама Ландау, Дракон слушает его офис. Но после налета уже не знаю что думать.

– Ты слушаешь Ландау? Зачем?

– Не знаю... чуйка... сам он по доброй воле не оставит нас в покое...

– Ты сказал, что Верона уволилась из бутика. Дело сделано. Они больше не увидятся. Не лезь к Ландау, Руссо, – Курт хватает меня за руку, я одергиваю, – слышишь?

– Слышу, – бурчу я.

– Вот если он еще раз попытку предпримет, тогда да... тебе и так сейчас геморроя хватает. Бизон пропал, Лили явилась – не запылилась, тут еще этот налет омонцовцев.

– Я просто его слушаю, – скрещиваю руки на груди, – пока никакой движухи.

Курт и половины моих проблем не знает, но он прав. Сейчас мне не до Ландау.

– Ты что в натуре будешь дом покупать для вас с Вероной?

Я пожимаю плечами.

– Почему нет?

– Значит, все серьезно, бро?

Курт до сих пор сомневается в моих намерениях. Еще бы! Уж он-то меня знает как облупленного. Были времена, когда мы на пару развлекались с чиксами. Он знал мои пристрастия, предпочтения и на что я способен в гневе.

– Сегодня, когда она лежала там... мне показалось, что она не дышит...

Безуспешно пытаюсь подавить слезы. Ноги подкашиваются. Меня накрывает чувство вины. Я падаю на ближайший стул и закрываю лицо руками.

– Мне чуть чердак не снесло. Мы до этого обсуждали будущее и я не мог понять, куда все это нас заведет. То Верона говорила, что все происходит очень быстро, то хотела жить вместе и даже расписаться. Не брала ключи от моей хаты, а потом собралась делать в комнате для траха свою мастерскую. Я запутался. Не знал что делать. А как увидел ее там... на полу...

Я с шумом сглатываю и поднимаю голову, Курт смотрит на мои покрасневшие от слез глаза.

– Мы не ценим то, что у нас есть, пока не потеряем. Да? Вот я и думал, что потерял. Это было как удар, как вспышка. Короткая, молниеносная. Она прожгла мне все внутренности, я понял... к черту все! Надо брать от жизни все и ни на кого не оглядываться. Плевать на все традиции и здравый смысл. Мы не знаем, будем ли завтра живы. Так что я тогда решил, если выберемся из передрыги, я буду форсировать все, что можно.

Курт свалился на соседний стул как подкошенный. Кажись, мои слова его задели за живое. У него свои тараканы в голове. Ему тоже предстоит принять

трудное решение и я сомневаюсь, что он примет правильное. Он боец, вояка. Это его драйв, его стихия. Его удел махать кулаками и стрелять. Ему так проще. Сердечная тягомотина не для него. Она рвет ему душу, он не в силах справиться с этой болью и в итоге бежит от нее куда подальше.

Двери лифта распахиваются, я слышу знакомые голоса.

– Черт! Сейчас начнется! – ворчу я и вижу, как из лифта выходят родаки и мать Вероны.

– Разделяй и властвуй, – вполголоса говорит Курт и со стоном поднимается. – Павловых направо, Романовых налево.

Пройдоха! Стратег хренов! Как говорят в клубе: здороваешься с Куртом, не забудь пересчитать поршневые.

Из лифта выходят родаки и мать Вероны. Сейчас на меня обрушится волна негодования. От бессилия я уронил голову на грудь. Шизец! Это уже было через край. Зачем они прикатили сюда всей гоп-компашкой? Не хочу ничего объяснять, оправдываться, да собственно и незачем. Я виноват и точка. Мать, будто почувствовав это, села рядом и положила мне руку на плечо. Я поднял голову, наши глаза встретились. Она отпрянула, таким беспомощным и отчаявшимся меня видели только на похоронах Авроры. Вдобавок мое лицо как у бомжа с Курского вокзала. Всей толпе понадобилось время, чтобы переварить мой настрой. В итоге мать погладила меня – непутевого сына – по спине и тяжело вздохнула.

– Сынок, не переживай, все обошлось. Ее состояние стабильное. Я звонила и говорила с врачом.

Киваю головой, мол, знаю, из груди вырывается стон.

Курт отвел свою мать в сторону и что-то вполголоса втолковывает.

– Сева нам рассказал про спецоперацию наркоотдела, – говорит мать и складывает руки на груди.

Я поворачиваю голову, хоть от матери узнаю новости, мне брательник так ничего и не сказал.

– Они два месяца следили за клубом и хотели накрыть в момент передачи товара, но что-то пошло не так...

– Что-то? Ма! Они пустили газ в закрытое помещение, где было полно девчонок. Девять пострадавших, ма! Девять! У одной коллапс легкого. А двоих чуваков так загасили, что сейчас этажом ниже хирурги борются за их жизни. Что-то пошло не так... Уроды они все! Для них человеческая жизнь копейки не стоит. Ненавижу!

Я вскакиваю и начинаю нарезать круги.

– Ари, каждый делает свою работу, – выдает с важным видом отец и с беспокойством поглядывает на двери лифта.

Чего это он туда смотрит? Ждет кого-то?

– Они бы не планировали захват здания, если бы не было в этом надобности.

– Па, не надо! – осек его я. – Не заводи этой блабуды. По их вине моя девушка в реанимации!

– Вера в реанимации из-за того, что кто-то из твоих дружков решил потравить половину города смертоносным самопальным наркотиком, – от гнева отец брызжет на меня слюной. – После его приема дорога уже не в реанимацию, а на кладбище! Представь сколько бы народа полегло, если бы эта дрянь попала на черный рынок. Иногда нужно принимать сложные решения, либо кучка байкеров, каждый день рискующих своей жизнью, либо ни в чем не повинные люди, решающие в какой-то момент просто развлечься, чаще всего несмышленные дети!

Значит, наркота была еще и бадяжной. Черт! Час от часу не легче. Переглядываемся с Куртом. Кореш понял мой настрой. Надо смещать Демона!

– А что касается ваших с Севой разногласий, – продолжает отец, – тут я с твоим братом полностью согласен. Со своей жизнью ты можешь делать что угодно, но жизнь Веры рисковать не должен.

Сжав кулаки, я зарычал, но тут неожиданно за меня заступилась мать Вероны. Она повернулась к моим родителям и спокойно сказала:

– Аристарх не хотел ехать в бар, это София, подруга Веры, записала ее как художницу. Был праздник, им нужно было что-то там разрисовывать. Никто и подумать не мог, чем все это обернется.

Я опешил. Не ожидал такой поддержки. Думал, мать Вероны первая меня в бараний рог скрутит. Курт виртуозно загасил ее гнев, рассказав как все было. Он выручил друга, но подставил свою девчонку. Ух, не завидую я корешу. Но радовался я недолго. Далее началось то, к чему я совсем не был готов. Мария Алексеевна садится рядом с моей матерью и тяжело вздыхает:

- Боюсь, я совершила большую ошибку, отправив дочь в Москву.
- Не говори глупостей, мама, – выпалил Курт.

Она подняла на него глаза и я ужаснулся. Что-то в ее взгляде меня насторожило, мороз пробежал по коже. Если мать Вероны встанет в позу, мне с ней не справиться. Верона, конечно, послушает мать. Кто я для нее? Черт! Опять эта фраза, теперь она будет меня преследовать, как прилипала гаец из мотобата. Я нервно сглотнул и почувствовал, как к горлу подкатывает ком.

Двери лифта распахиваются, в коридор вышел брат в сопровождении того самого сморчка, что приводил Верону в чувства. Прихорошился падла! В руках цветы. Они даже не смотрят на меня, идут сразу к реанимации.

В глазах потемнело. На меня накатила такая ярость, что забыл, как дышать. Я сейчас ему этот веник в задницу вставлю!

– А он что здесь делает?! – рычу я, вскакиваю как подорванный и несусь на омовца.

Курт окликает меня, хватает за куртку, но я вырываюсь и налетаю на противника. Убью гада! Резко разворачиваю его и со всей силы бью в челюсть. Видать, такого «теплого» приема он не ожидал, повалился на спину и попытался защитить лицо руками. Наношу удар за ударом. Цветы на полу, моя рука в крови. Меня пытаются оттащить отец и брат, но каждый раз я уворачиваюсь и продолжаю расправу. Кровь вскипела, адреналин бьет в башку, изрыгаю проклятья, концентрируя весь гнев на этом ублюдке. Вокруг крики, визг, но я отгородился от всего мира.

– Я ведь тебя, суку, просил дать мне ей помочь! А ты падла глумиться надо мной вздумал?! А теперь еще набрался наглости и сюда притащился?!

– Руссо! Твою мать! Остынь! – орет мне в ухо Игнат, оттаскивает от омовца и начинает меня трясти. – Возьми себя в руки! Очнись же, наконец!

Дышу как загнанный зверь, в глазах неукротимая ярость. Поднимаю глаза и вижу, как вся толпа в ужасе смотрит на меня. Моя мать и мать Вероны схватились за головы. Отец кипит от гнева. В дверях реанимации застыли врачи и медсестры. Из лифта выбежал все тот же охранник, что следил за мной последний час, но я так на него зыркнул, что он попятился назад в кабину.

Я сорвался! Проклятье!

И тут робкий и родной голос прорезает нависшую тишину:

– Руссо...

Поворачиваю голову. Верона выходит из реанимации. Ее хрупкая фигурка утопает в больничной сорочке и накинутом на плечи халате.

– Малышка!

Я рванул к ней и сгреб в охапку. Ее холодные как студеная вода руки обвили меня вокруг бедер и тут же нырнули под футболку. Она потянулась к моим губам и я с жаром прильнул к ней. По телу пробежал озноб, меня заколотило.

– Я не знала, что с тобой... где ты... с ума сходила... – прошептала она.

У-у-ух! Я поплыл. Вся накопленная ярость мгновенно схлынула, забрав остатки сил, я плюхнулся на колени, продолжая сжимать свою любимую так крепко, будто она намеревалась сбежать от меня в больничном халате и одноразовых тапочках.

– Детка, я тоже чуть с ума не сошел! Прости! Меня к тебе не пускали!

Она подняла мое лицо и внимательно начала его ощупывать, от ее нежных прикосновений я закрыл глаза.

– Ты был у врача? А рентген тебе делали? Я видела, как тебя били, Руссо! Нужно проверить, нет ли переломов. Почему у тебя снова руки в крови? Ты хоть что-нибудь сегодня ел?

Она засыпала меня вопросами, беспокоясь о моем здоровье и набитом желудке, а я все крепче сжимал ее, пока Верона не начала ежиться и кряхтеть от боли. Ох, как же я хотел сейчас оказаться с ней наедине дома. Сорвать эту ненавистную мне больничную одежду и исследовать каждый дюйм ее тела, убедиться, что с ней действительно все в порядке.

– Малышка, не беспокойся обо мне, это не я лежу в реанимации.

– Со мной все хорошо. Через пару часов меня выписывают. Игнат договорился с врачами, мы можем подождать в ординаторской. Но мне совершенно не в чем ехать домой. Игнат сломал каблуки на туфлях.

– Я привезу вещи, малышка, не беспокойся ни о чем, – улыбаюсь я и поднимаюсь с колен.

Толпа начала расходиться. Обалдевшие родители решились, наконец, подойти к нам ближе. Верона заметила свою мать и сказала:

– Мама, зачем вы все сюда приехали? Со мной все в порядке, – и понизив голос, добавила: – Я притворилась, что падаю в обморок. Тимур пригрозил отправить меня куда-то там... наверное, в женскую тюрьму.

Вот актриса, я просто обалдел! Она специально так сказала!

Все невольно покосились на Тимура, который как раз очухался и пытался усесться на стул. Мой брат-предатель, помогал ему привести себя в порядок. Верона тоже заметила «виновника торжества» и двинулась к нему. Увидела затоптанный букет и насупилась.

– Как это понимать? Зачем ты пришел? Из-за тебя я здесь!

– Я пришел извиниться, не хотел, чтобы между...

Верона не дала ему договорить:

– Извиниться? Ты с ума сошел? Ты мог позвонить мне на мобильник и извиниться. Твоя сестра знает мой номер. Зачем приходить? На что ты надеялся? Что мой парень будет смотреть, как ты даришь мне цветы? У тебя все с головой в порядке? Я же сказала тебе, мы помолвлены.

Верона сотрясала кулачками, нагнувшись над омовцем и так была прекрасна в своем гневе, что я не сразу смекнул, что ей сейчас нельзя нервничать и кричать.

– Детка, пойдем, – я подтащил ее к себе и обнял.

Взглядом отыскал Игната, тот стоял у раскрытой двери реанимации и говорил с одним из врачей.

– Где ординаторская? – спросил я у него.

– Этажом ниже, – отозвался он и побежал к нам.

Вера

Руссо тщательно обследовал мое тело в туалете, что был внутри ординаторской. Он задал мне кучу вопросов и ощупал каждый сантиметр тела. Постукивал по груди, слушал дыхание, ощупал лимфоузлы. Я посмеивалась, говорила, что мне щекотно, жеманилась и вела себя игриво, пока не посмотрела ему в глаза. Взгляд у него был затравленный и жалобный. Улыбка соскользнула с лица, я снова к нему прижалась, теперь уже абсолютно голая. Он со свистом втянул воздух и нежно обнял. Его руки жадно заскользили по моим интимным зонам, от чего я закатила глаза и застонала – мне так не хватало его прикосновений.

Увидев, как он избивает Тимура, я поняла, что надо что-то предпринять, чтобы его успокоить. Ни крики матери, ни попытки друзей оттащить его от соперника, не увенчались успехом. Я вспомнила слова Сани, о том, что Руссо нужно все контролировать, а его ко мне не пускали. Только в тот момент я осознала, какой это был для него стресс. От картины, которая предстала передо мной, когда я вышла из реанимации, мне хотелось расплакаться и закричать, но впервые со дня нашего знакомства я сдержалась. Я должна быть сильной, ради нас, ради него.

Я знала, что Тимур человек гордый, ни за что не оставит нападение без отмщения, такое противостояние двух сильных личностей могло перерасти в настоящую войну. Поэтому, как только Руссо успокоился, я двинулась на брата своей подруги и закатила скандал. Мне казалось, если я привлеку внимание к его персоне всех присутствующих и выскажу ему все, что накопело на душе, инцидент будет исчерпан. Поживем – увидим.

– Малышка, я все же отвезу тебя в хорошую клинику.

– Я согласна, если там осмотрят и тебя.

Руссо изогнул левую бровь, но ничего не ответил, протянул мне сорочку и помог облачиться в пропитанный больничным запахом наряд.

Он довел меня до дивана, помог лечь и накрыл пледом.

– Я туда и обратно, не успеешь заскучать, – он целует меня и, кинув на Саню красноречивый взгляд, нехотя выходит из ординаторской.

Мама садиться рядом и нежно поглаживает меня по голове. Она вроде пытается меня приободрить, но движения неловкие, рука подрагивает. Мама нервничает.

– Дочка, я хочу забрать тебя домой.

– Что?! Еще чего! – вспыхнула я и с опаской оглядела присутствующих.

Зачем мама затеяла этот разговор при посторонних?

– Мне не нравится то, что я вижу. Очень не нравится.

Саня застонал, видимо, мама уже заводила этот разговор без меня.

– А что ты видишь, мама?

– Ты в Москве постоянно попадаешь в какие-то передраги. Я думала, что Саня о тебе позаботится, – мама смотрит на брата с укором, – но ему не до тебя, вдобавок он уезжает...

– Не беспокойся, Руссо обо мне хорошо заботится.

– Я вижу, – мама кивком показывает на мою одежду, – как он о тебе заботится. Мне не нравятся ваши отношения и как он влияет на тебя. Он относится к тебе как к собственности.

– Что?! Мама не говори ерунды! Руссо любит меня!

Игнат не выдержал и вышел в коридор. Родители Руссо тоже обменялись многозначительными взглядами и удалились, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Сначала я тоже так подумала, – продолжает мама, – но то, что я наблюдала потом, заставило меня усомниться. Он полностью подчинил тебя. У тебя нет своей жизни. Ты поглощена заботами о нем. А ты ведь на первом курсе и должна уделять все свое внимание учебе. Образование очень важно для современной девушки.

Честно говоря, при первом же удобном случае я планировала поговорить с мамой о том, что хочу бросить Академию, но сейчас поняла, что правильно сделала, что не затронула эту тему в телефонном разговоре. Это бы ее подкосило, а сейчас дало бы лишний повод настоять на своем. Пока не пойму что делать с учебой дальше, разговор с мамой нужно отложить.

– Ты пропускаешь занятия. Бросила работу. Постоянно обитаешь в его квартире, будто тебе негде жить.

– Мы любим друг друга и хотим быть вместе.

– Вы знакомы всего месяц, а ведете себя так, будто женаты.

Мы знакомы не месяц, а два, но в глазах мамы это ничего не меняет, поэтому я промолчала. Я знала, что разговор неизбежен, но не думала, что мама обрушит свое негодование на меня именно сейчас, когда я только что покинула реанимацию. Хоть я не пострадала как другие девчонки, душевное состояние у меня было не из лучших.

Закутавшись в одеяло, я закусила губу и отвернулась.

– Как только тебя выпишут, мы поедem домой. Недельку отдохнешь, потом решим, что делать дальше.

– Отдохнешь? – я вскипела. – По-твоему, в поселке это отдых?

Мама опешила, она не понимала моей реакции, ведь я никогда не поднимала эту тему. Саня последовал примеру Игната и пулей выскочил из ординаторской. Это понятно, в этом вопросе он хочет сохранить нейтралитет.

– По сравнению с тем как я жила раньше, сейчас я живу в раю.

Я все еще не смотрела на маму. Наверное, ей обидно такое слышать, но ведь это правда, как сказал бы Руссо, констатация факта.

– Вера, я тебя не узнаю, – у мамы задрожал голос, но я упрямо не смотрела на нее. – За два месяца ты изменилась до неузнаваемости. Стала такой дерзкой и отстраненной. Ты не звонила мне со дня выезда из общежития. Я думала, что сделала что-то не так, но теперь понимаю почему. В твоей голове только он. У тебя новый дорогой телефон, платья, туфли, украшения. Это все он купил? – я молчу, мама продолжает: – Насколько я поняла, твой парень не отличается постоянством. Ты для него всего лишь новая необычная игрушка. А что с тобой будет, когда ты ему надоешь?

Это было уже слишком. Не знаю, кто ей напел про Руссо, скорее всего, кто-то из родственников на поминках, я ведь часто отлучалась на кухню и не видела, с кем она общалась.

– Мама, полевая грязью Руссо ты ничего хорошего не добьешься, а только еще больше оттолкнешь меня.

– Руссо? Это прозвище? Почему ты его так называешь? Почему он тебя называет детским прозвищем? У вас нет имен? Что это за маскарад?

– Твой сын тоже участвует в маскараде, – огрызнулась я. – Теперь он Курт.

Тяжело вздохнув, мама разгладила подол платья и потерла колени. Эта привычка передалась брату, именно так он делает, если хочет сказать что-то важное или неприятное. Мама поднялась и встала у окна.

– Саня – глубоко травмированный мальчик. Чудо, что он вообще выкарабкался из депрессии. Но такого мужа, как он я для тебя не желаю, дочка. Насколько я поняла из того что увидела сегодня, Аристарх похлеще Сани. Сейчас он направляет свой гнев на кого-то, а потом на тебя. Хочешь такой же жизни как у меня? – мама повернулась и прожгла меня взглядом. – Не думаю, дочка...

Я не понимала, что творилось с мамой, ее будто подменили. С Руссо все понятно, ее реакция вполне ожидаема. Она его не знает, судит по тому, что видит. Но мама никогда так не говорила о Сане. В каждом его проступке она винила себя и отца. Честно говоря, я тоже их винила, но не суть дела. Сейчас я вообще ее не узнавала, наверное, как и она меня. Мы говорим друг с другом, будто два чужих человека. Раньше я давно бы уже бросилась в ее объятия, повинилась и вопрос был бы исчерпан. Но сейчас, глядя на нее, я мысленно прячусь в самом отдаленном уголке моей вселенной. Там я для всех недосягаема. Меня не ранят слова мамы, я забываю про нападки Шер и все, что произошло в баре.

– В четверг я лечу в Верону, – я дождалась, когда мама ко мне повернется и пояснила: – Я выиграла недельные курсы по кулинарии. Это хорошая возможность набраться опыта.

– Для чего? – слова мамы прозвучали хлестко, как пощечина. Она сильно разозлилась. – Чтобы ублажать своего парня? Ох, Вера, неужели ты хранила себя для такого прожженного и искушенного гуляки как Аристарх? Ты его фотографии видела? – я уставилась на нее в недоумении. – Не те, что тебе показали его родители на поминках, а те, что лежат в его комнате.

Мотаю головой. Какие еще фотографии?

– Ну вот, а я видела. Поднялась в его комнату и хорошенько все осмотрела. На каждой странице фотоальбома он с новой девушкой. Хорошенькие, фигуристые. Вкус у него есть. Везде он с ними в развязных позах. То рука на груди, то притягивает за волосы, вот точно так же как тебя сегодня. Я не поленилась, посчитала. Их сорок две!

Из своего мысленного укрытия я вылетела как пробка, реальность накрыла меня облаком очередных терзаний. Я поморщилась, мне было до жути больно такое слышать. Тем более от мамы. Зачем Руссо хранит этот чертов альбом в родительском доме?

– Ты только подумай, Вера, сорок две! Что-то мне подсказывает, это не весь его арсенал, а так сказать, избранные. На кого время от времени хочется посмотреть и вспомнить пережитое. Вероятно, оставили в нем неизгладимый след, – мама тяжело вздыхает и складывает руки за спиной. – Ты еще неопытна, Вера. Каждая женщина в любви амбициозна, думает, что она особенная. Что именно у нее получится приручить дикого волка и быть с ним счастливой. Но это не так. Рано или поздно он показывает свои клыки, а назад дороги нет. К тому моменту ты уже можешь быть обременена ребенком. Но когда он тебя бросит, на тебя жалко будет смотреть. Ты просто развалишься на части. Тебе придется собирать себя по кусочкам годами. Это еще не все. Самое страшное, что все обиды и накопленный гнев ты выплеснешь на новые отношения. На ни в чем не повинного человека, который как раз таки и будет тебя достоин.

Мама переводит дух, поворачивается ко мне.

– Вера, у тебя был повторный приступ?

Ох, это она про горло Руссо. Вот теперь у меня реальные проблемы. Если она разовьет эту тему, то возвращения домой мне не избежать.

– Да, – с горечью выдавливаю я из себя.

Отрицать бесполезно, она своими глазами видела последствия.

– Это произошло сразу после поминок?

К моему лицу приливает кровь. Ох! Как же стыдно.

– Да, ночью. Ты же знаешь, я была пьяна.

– Про алкоголь и твое возмутительное поведение на поминках мы еще поговорим. Причина приступа была ревность. Я права?

Я киваю.

– В таком случае, как ты собираешься жить с ним, если после каждого появления его очередной бывшей девушки, а мы знаем, что этот список нескончаем, у тебя будет новый приступ?

– Не знаю.

А что мне еще говорить? Я действительно не знала ответ на этот вопрос.

Мама говорила, говорила и говорила... Я смотрела на подвесной потолок со встроенными светильниками и беззвучно плакала. Как объяснить ей, что я чувствую? Как объяснить, что чувствует Руссо?

Когда она, наконец, замолчала, я собралась духом, разлепила пересохшие губы и сказала:

– Даже если мне суждено прожить с ним всего месяц, это будет самый счастливый месяц в моей жизни.

– Хочешь сказать, что я сейчас вижу счастливое лицо своей дочери? Ты это хочешь сказать?

– Мама, в том, что произошло, вины Руссо нет...

Мама хотела возразить, но в этот момент в ординаторскую вошел Игнат и сказал, что пришли мои анализы – меня выписывают.

Аристарх

Я знал, что как только выйду за порог ординаторской, мать Вероны пойдет в атаку! Это было видно по ее решительному настрою, по гневным взглядам, которые она метала в мою сторону. После моего срыва она резко поменяла обо мне мнение. Я знал почему. Она увидела во мне своего муженька: агрессивного, неуправляемого тирана.

Черт! Я как всегда все испортил! Сорвался в самый неподобающий момент. Это чудо, что сама Верона меня таким не видит, хотя я не раз уже продемонстрировал ей, на что способен. Но под давлением матери она может «прозреть» и поменять свое мнение.

Курт позвонил мне и вкратце рассказал, о чем толковала мать за закрытой дверью. Этот Штирлиц шпионил за ними из коридора. Пока я его слушал, то понял, он реально не хочет, чтобы у нас с Вероной были какие-то терки. На кого он оставит Софу и сестру, если меня не будет рядом?

Приехав в квартиру, залетаю в гардеробную и копаюсь в трех коробках неразобранных вещей Вероны. Закидываю шмотки в кожаную сумку. Выхожу из подъезда и замираю. Перед домом стоят три тачки, а вокруг них человек десять.

Обвожу взглядом и узнаю шестерок Демона. Видок у всех помятый, как с бодуна. Не помню, чтобы кто-то из них был вчера в баре. Резак, правая рука Демона, сидит на капоте своей тачки и сверлит меня взглядом. На лице ухмылочка, будто поймал меня с поличным. Остальные наготове. Они что думают, что я дам деру? Вот уроды! Без Демона они и пукнуть бы побоялись, а значит, это он их прислал.

– Куда собрался, Руссо? – цедит сквозь зубы Резак и сплевывает.

В любой другой день я бы его тупо послал, но после вчерашнего в клубе разброд и накалять атмосферу мне нет резона.

– За Вероной в больницу, – отрезаю я и здороваюсь за руку с двумя бро, которых знаю по совместным делам.

Не сомневаюсь, что после вчерашнего моего «выступления» весь клуб уже знает о нас с Вероной и ухмылка Резака это подтверждает.

– Чего приперлись? Мобилой разучились пользоваться?

– Разговор есть.

– Ну? – я изгибаю бровь.

– Красиво ты слинял бро. Сел в тачку и был готов. Болтают, что это ты навел фараонов. Сказал, что искать и где. Дружок твой Курт тоже вовремя с девчонкой свалил. Выходит... тоже знал!

– Да? И кто же все это болтает? – угрожающе нависаю над Резаком. – Уж не ты ли? Не секрет, что ты любитель языком почесать.

Между нами меньше полуметра. Я знаю, что у него за поясом тесак. Без него он из дома не выходит. Но меня он не тронет. Духа не хватит.

– Что? Скажешь, это не твой братец приезжал? – он лыбится, оголяя желтые прокуренные зубы.

– Мой. Ему Кобра позвонила и сказала, что за дела в баре. Еще вопросы есть?

– Кобра? Хе-хе! – Резак почесал щетину на подбородке. – А она говорит, не звонила, и знать ничего не знает.

– Ты меня на понт берешь, Резак? Я тебе, что пацан пуганный? Еще раз гнилье из твоего поганого рта услышу – урою.

Резак прищурился, сверлит меня взглядом, но не дергается.

– Ты вот что мне лучше скажи, как это в нашем баре оказались две сумки бодяжного мета? Где Демон?

– Где надо, – огрызнулся Резак.

– Отпустили, значит уже... ну тогда созывайте сход. У братвы есть вопросы и у меня лично тоже.

Резак поднялся с капота и кивнул на сумку.

– У нас тоже есть вопросы. Что в сумке, Руссо?

И тут до меня доходит! Эти придурки думают, что я кокс заныкал и после облавы на бар побежал его сбывать. Эта сумка один в один похожа на ту, что мы нашли в подвале, а значит, кто-то слил инфу, что Бизону приносили наркоту в такой сумке. Черт! Надо уволить весь старый состав секьюрити в ночном клубе. Теперь у Годзиллы есть еще одна головная боль – найти крысу в своей стае.

Бросаю сумку на асфальт, упираю руки в бока. От резкого звука Резак вздрогнул и полез за пояс, но видя мое спокойствие, дает своему корешу знак и тот ставит сумку на капот. Мы с Резаком не сводим друг с друга сверлящего взгляда. У меня прямо руки чешутся об его тупую головешку. Слышу звук открывающейся молнии.

– Резак, – тихо зовет его кореш.

Тот поворачивается, видит шмотки и ухмыляется.

– Я сказал Демону: «Руссо хитер. Голыми руками не возьмешь».

– Отвали, Резак. Еще раз сунешься – тебе конец. Понял?

Резак побелел от злости, он знает, я слов на ветер не бросаю. Но быстро взял себя в руки, думает если он под пятой Демона, то тот его прикроет. Но я давно уяснил: для Демона люди – мусор.

Хватаю сумку и прежде чем уйти, говорю:

– Слышал, что за вами ушлепками фараоны уже два месяца охотились. Это ж какими надо быть лохами, чтобы хвост не видеть. Может, и сейчас тебя пасут? А? Резак?

Резак невольно оглянулся по сторонам и засобирился. Дал знак своим людям и все попрыгали в тачки.

– Увидимся, Руссо, – Резак нарочито дружески похлопал по моему плечу и сел за руль.

Я смотрел вслед отъезжающему эскорту и уже набирал телефон Годзиллы. Объяснил ситуацию и попросил кинуть ключ в чат. Нужно собрать всех на сход и покончить с Демоном. От догадки, что в его рядах затесался стукач Демона, Годзилла со стоном зарычал.

Садясь в такси, ответил на звонок кореша, владельца автосалона. Тот попросил подъехать, а значит, он выполнил мой заказ. Очень вовремя. После гонок с гайцами байк я свой продал, а к «Мустангу» резко охладел. Сегодня я загружен под завязку, поэтому прошу, чтобы новую тачку подогнали к ночному клубу.

Следующий звонок подтолкнул мои мысли в очень смелом направлении. По-началу я сам пришел от них в ужас. Мой партнер по фарма-бизнесу просил перенести встречу на следующую неделю, так как частным рейсом улетал с женой в Европу. Вот тут у меня все в голове и срослось. Выстроилась схема... как в бизнесе. Я увидел начало и логический конец всех наших с Вероной перипетий. Это как соединение миллионов нейронов в мозгу за одну наносекунду. Множество ниточек потянулось к разным спецам и знакомым, кто мог быть задействован в моей задумке.

– Влад, можешь мне оказать услугу? Буду твоим должником!

Выслушав меня, партнер затих и минуту все обмозговывал.

– Не думал, что ты способен на такие безумства, но не вопрос. Считаю, дело сделано. Лишь бы у тебя там все срослось.

Пока ехал в больницу, в голове крутились шальные мысли, они как всегда авантюрные и дерзкие, но это ведь я. По-другому жить не умею. Представляю, как отреагирует на них Верона, и расплываюсь в улыбке, как Чеширский Кот.

Залетаю в ординаторскую. Верона сидит на диване с отстраненным выражением на лице. Ее мать стоит у окна, скрестив руки на груди. Взгляд красноречивее слов. Как говорится, я худею уважаемая редакция!

– Руссо! – Верона бросается мне на шею и на душе у меня теплеет.

Я протягиваю ей сумку, целую в лоб и говорю, что подожду в коридоре.

Вера

Прячусь от мамы в туалете и закрываю дверь на щеколду. Не хочу, чтобы она видела следы на теле, оставленные Руссо, достаточно того, что на меня подозрительно косились медсестры. Мама уже сложила о Руссо свое мнение, и переубедить ее будет сложно. Я слишком рано расслабилась, решила, что мама и Руссо поладили. Сейчас понимаю, что путь к примирению займет много времени и сил. Мамины слова глубоко запали мне в душу, в какой-то степени она права, я понимаю ее логику и как она пришла к тому или иному выводу. Я все понимаю, но сердцем принять не могу. Что толку в пустых обещаниях, если я знаю: стоит только Руссо взглянуть на меня и протянуть руку, я пойду за ним хоть в огонь, хоть в воду.

Открываю сумку и замираю. Для чего Руссо привез джинсы, футболку, кроссовки мне понятно, сейчас в этом мне будет комфортно. Но в сумке еще лежат новое нижнее белье, белое шифоновое платье с открытой спиной и кремовые туфли. Мы что идем куда-то вечером? Но я только после больницы и меня еще немного подташнивает. Не думаю, что я смогу выдержать поход в клуб или в ресторан. Сейчас я как участник забега под названием «Зомбилэнд». Черные круги под глазами. Цвет лица блее, чем стены в больнице. А после разговора с мамой у меня еще и руки трясутся. Я вспомнила крылатую фразу из детской сказки «Буратино»: «Пациент скорее мертв, чем жив» и усмехнулась.

Переодевшись, выхожу в коридор. На маму не смотрю, не могу видеть ее осуждающего взгляда. Руссо забирает у меня сумку, дает знак Сане, и все вместе мы идем к лифту. Мама еле поспевает за нами. В кабине лифта все молчат, стараюсь избегать случайных взглядов. Напряжение достигает максимального пика. Руссо чувствует мамин настрой и прижимает меня к себе еще крепче. Его взгляд кричит: «Я тебя никому не отдам!», я улыбаюсь, моя рука ныряет под его футболку, мне нужен контакт с его горячим телом.

Родители Руссо и Сева стоят у своих машин на парковке. Не понимаю, почему они все еще здесь? Лицо Севы украшает кровавый подтек под правым глазом. Ох, не братья, а сплошное недоразумение. Мы с Севой перебрасываемся парочкой фраз. Сухим тоном он просит Руссо позвонить завтра и уезжает. Родители Руссо стоят в растерянности, мне их даже немного жаль. Сначала Руссо накинулся на Тимура, потом моя мама устроила мне взбучку. Не думаю, что они

видят такое каждый день. До знакомства со мной Руссо редко с ними общался, а с матерью говорил только по телефону. Теперь они в гуще событий, и все это происходит на фоне сердечного приступа Галины Сергеевны. Ох, кажется, до моего появления им было гораздо спокойнее.

– Дети, мне нужно с вами поговорить, – ледяным тоном говорит мама.

Оборачиваюсь и вижу перекошенное от боли лицо, словно она только что выпила яд и теперь он разъедает ее внутренности. Да что тут происходит? Я думала мы приедем в коттедж и спокойно все обсудим.

– Мама, сейчас не время и не место.

Я на пределе, Руссо это чувствует и говорит:

– Детка, нас ждет такси.

Мы двинулись в сторону такси, но мама меня окрикивает:

– Вера! Сейчас же остановись! Слышишь?! – я не реагирую, и она надрывным голосом добавляет: – Это касается твоего отца!

Я застываю, Руссо тоже вынужден затормозить. Нас обоих уже все достало. Поездка в бар запустила цепь событий, с которыми мы пока не в силах справиться.

– Я ездила к нему в тюрьму! – выпалила мама.

– Что ты сделала?! – кричу я в гневе и оборачиваюсь.

На мой взгляд, это самое настоящее предательство. Как она могла? Это после всего, что он с нами сделал? Не могу поверить!

Родители Руссо тянут сына в свою машину. Он сопротивляется, но отец что-то ему говорит, тот отпускает такси и нехотя плетется за ними. Меня будто ополовинили. Чувствую такую опустошенность, что еле сдерживаю слезы.

– Саня, отвези нас туда, где мы сможем спокойно поговорить, – говорит брату мама.

Я поднимаю глаза на Саню, он шокирован не меньше меня. Кулаки сжаты, лицо побелело. Брат молча кивает и садится за руль своего «Мустанга». Мама тянет меня за собой на заднее сиденье. Мы с Руссо бросаем друг на друга прощальный взгляд и мое сердце чуть не выпрыгивает из груди. Глаза наполняются слезами, я уже не сдерживаю эмоций. Забываюсь в угол, подальше

от мамы и прилипаю лицом к стеклу. К горлу подкатывает тошнота. Я беззвучно плачу.

На телефон приходит сообщение от Руссо.

Я с тобой, детка, все будет хорошо!

Я тут же пишу ответ:

Она хочет завтра увести меня домой.

Этому не бывать, малышка! Я не допущу! Держи меня в курсе ваших передвижений и доверься мне.

Не знаю, что задумала моя мама, но если это ее способ разлучить нас с Руссо, то она ошиблась. Она не знает, что таким поведением бросает ему вызов. Ох, думаю, что Руссо сейчас в том состоянии, когда может выкинуть какую-нибудь глупость.

Снова получаю сообщение от Руссо:

Малышка, я приготовил для тебя сюрприз!

Ну вот, чего и следовало ожидать. Знаю я его сюрпризы! Это будет очередное сумасшествие!

Саня привозит нас в парк. Неполный состав семьи Павловых бредет к пустующим столикам летнего кафе. Мы с братом садимся с одной стороны стола, мама с другой, как бы образуя два противоположных лагеря. Пока Саня с кем-то увеличено обменивается смс, мама потирает колени, готовясь к разговору. Под ногами листья разных оттенков осени. Я набираю охапку и раскладываю их в круг с плавным цветовым переходом. От зеленого цвета к желтому, замыкая круг красным. Это немного успокаивает.

– Мама, что ты хотела сказать? – подталкивает Саня ее к разговору и поглядывает на часы, видимо, у него свои планы.

– Комиссия по УДО удовлетворила заявление вашего отца. Он сообщил мне это через своего знакомого и попросил приехать.

Я потянулась к руке брата, он не рассчитал и сжал ее с такой силой, что я сморщилась от боли. Нам обоим было страшно, только Саня никогда в этом не

признается. Он написал в комиссию по освобождению письмо, но почему-то оно не возымело действия.

– Когда он выходит? – Саня нервно сглотнул.

Мама пожимает плечами.

– В любой день.

– И о чем вы говорили? – меня интересовал только один вопрос, что отец намерен делать дальше.

– Он попросил развод.

Смотрю на маму и не понимаю, почему развод вызывает в ней такую бурю отрицательных эмоций? Ведь это логическое завершение их брака. А что она думала, что он вернется и они снова будут счастливы? После того что он сделал? Почему она плачет?

– Что ты намерена делать? – спрашивает брат.

Похоже, не я одна сижу тут в смятении, Саня тоже ее не понимает.

– На этот раз я согласилась... – мама вытирает слезы и громко всхлипывает.

– Что значит, «на этот раз»? Что был и другой? – ухватилась я за ее ответ.

Мама сделала глубокий вдох и кивнула, жестом она изобразила, что ей нужно собраться с силами, и мы с Саней переглянулись. Теперь я поняла, почему она так внезапно приехала. Она примчалась к нам сразу из тюрьмы, чтобы рассказать новости, но застала меня с Руссо, а Саню с Софой и все пошло не по ее плану: поминки, знакомство с родителями Руссо, а потом я попала в реанимацию...

– Мы хранили это втайне от вас. Но, похоже, пришло время открыть завесу, – она теребила в руках носовой платок, руки дрожали. – За год до рождения двойняшек ваш отец встретил другую женщину. У них завязался роман. Мне об этом рассказали его сослуживцы и у нас был скандал. Сперва я подумала, что у него это несерьезно, подумаешь, гульнул от жены. В поселке это сплошь и рядом. Было больно, но я простила. Но после этого я была начеку и через три месяца поняла, что он снова с ней встречается.

Мы с братом переглянулись, это было для нас новостью. Никто и никогда не видел моего отца с другой женщиной. Поэтому мы ожидали чего угодно, но не рассказ об измене.

– Тогда я выследила ее и... – мама опустила голову, было видно, что ей тяжело все это рассказывать, тем более своим детям, – избила...

– Что? – я дар речи потеряла.

Мама? Избила? Да она муху в своей жизни не тронула.

– Я была не одна... с подругами. Хотела просто с ней поговорить. Но та держалась дерзко, кричала мне в лицо обидные слова, про меня как про женщину, и я не сдержалась. У подруг на нее тоже руки чесались и они подсобили. Мы как обезумели, – мама заломила руки и тихо застонала. – Мы ушли, а ее оставили... там на полу...

Саня заерзал, видимо, представил всю эту картину, а я смотрела на маму как на умалишенную. Моя мама пошла бить любовницу отца с подругами? Я не верила своим ушам.

– Кто-то из ее соседей видел нас и узнал. Позвонил вашему отцу на работу и тот помчался к ней. Вызвал «Скорую» и ее увезли в больницу.

Мама подняла глаза к небу, посмотрела на полуденное солнце, которое сегодня было ласковым и теплым. За секунду до того как она продолжила я поняла, что за всей этой историей скрывается большая трагедия. Иначе она бы не рассказывала нам все это. Она из тех, кто уносит все тайны в могилу. Видимо отец настоял, чтобы дети знали всю правду. Мы же видели в нем монстра и не понимали причину его ярости.

– Оказывается, она была беременна, – мама смахнула слезы, – поэтому они снова стали встречаться. Ребенка она потеряла. После этого ваш отец пришел домой и впервые избил меня. Я понимала, что если ничего не предпринять, то он уйдет к ней и делала все, чтобы сохранить наш брак.

– Зачем? – выпалила я. – Зачем сохранять то, что уже разрушено?

– Ох, дочка, вот будет у тебя семья, тогда поймешь.

– Что было потом, мама? Это ведь не конец истории? – прервал наши прения Саня.

– Потом, сынок, я боролась. За семью, за то чтобы у моих детей был отец, и ничего другого не придумала, как снова забеременеть.

Саня смачно выругался и потянулся в карман джинс за пачкой сигарет.

– Были плохие и хорошие дни, со временем все забылось и все наладилось. От людей я узнала, что его пассия уехала куда-то на Дальний Восток и вздохнула с облегчением. Разве я тогда могла предположить, что это далеко не конец истории.

Саня выпустил струю дыма и прошелся вокруг столиков.

– Когда младшим было по два года, она написала ему. Позвала к себе, и он тут же засобирался. Опять затянул разговор про развод. Я даже слышать не хотела, теперь-то у меня на руках было четверо детей. Он обещал помогать деньгами, клялся, что будет приезжать на дни рождения и забирать детей в отпуск. Но я просто обезумела от горя. Мы скандалили, кричали каждый вечер. И он снова меня бил. Как-то раз подружки мне нашептали, иди, мол, в больницу и зафиксируй все травмы. Я так и сделала. А вечером пришла и заявила ему, что если он уедет, подам на него заявление в милицию и его посадят.

Я выпучила глаза. Представляю, что было с отцом. Он не любил, когда ему перечили. Мама буквально повесила на себя мишень. Ох... если бы только на себя...

Мама словно читает мои мысли и говорит:

– Лучше бы я его тогда отпустила.

– Да мама, это было бы самым разумным решением в твоей жизни, – согласился Саня и раздавил недокуренную сигарету носком ботинка.

– Но тогда я ничего не соображала. Ходила как заколдованная. Валялась у него в ногах, говорила, что жить не смогу без него, что убью себя и детей. Я обезумела от горя.

– Что?! – я округлила глаза. – Убила бы детей?

Саня снова выругался. Мы оба уставились на маму и застыли как истуканы. Мама громко заплакала и закрыла лицо руками.

– Ты ведь не просто так нам это все рассказала, – до Сани тоже дошло. – Отец пригрозил сам рассказать, если ты этого не сделаешь?

Мама закивала и плач усилился. Я не знала, как реагировать, передо мной сидела незнакомая мне женщина. Мне не хотелось на нее смотреть, говорить с ней, сидеть в одной машине. Она испортила жизнь себе, отцу и детям. Побои продолжались не один год, она могла все это прекратить, но ничего не сделала.

Быстрыми движениями пальцев я напечатала сообщение Руссо:

Забери меня!

И указала адрес.

Руссо не отвечал и я запаниковала. Не представляю, как мне без него со всем этим справиться. Он стал неотъемлемой частью моей жизни. Для меня он как воздух, без которого нельзя прожить и минуты.

Мама плакала, прошло не меньше десяти минут, пока она удосужилась закончить свою историю.

– Она вернулась, когда его посадили. Приезжала к нему каждые три месяца. У них родилась дочь, – слышу я голос мамы из забытья. – Теперь они будут жить счастливо. Теперь я им не помеха. Я всю жизнь отдала мужу и детям, а на старость лет останусь одна. Скоро Лешка выпорхнет из гнезда, страшно подумать какая жизнь меня ждет.

Саня молчал. Я смотрела в одну точку. Не помню, сколько я так просидела. Очнулась, когда рука Руссо легла мне на плечо.

– Малышка, поехали домой.

– Ты не забереешь ее! – послышался истеричный крик мамы.

Я вскочила как ужаленная. Метнула в нее гневный взгляд и разразилась речью:

– После того что ты нам рассказала, ты не имеешь морального права даже рот свой открывать! Ты меня поняла? Не имеешь право! Все что отец сделал с нами на твоей совести! Пашка на твоей совести! У него никогда не будет нормальной жизни только потому, что ты, во что бы то ни стало, хотела быть с отцом, а твои дети заплатили за это слишком высокую цену. Разве нормальная мать будет смотреть, как избивают ее ребенка? Ты знала, как его остановить и не сделала этого! Твоя любовь оказалась важнее моего здоровья? Насколько теперь я понимаю, дело было не в деньгах, не в страхе, что не сможешь прокормить четверых детей. Он предлагал тебе помощь. Не могу поверить в то, что ты рассказала. В голове не укладывается. Я будто говорю сейчас с чужим человеком.

Подхожу ближе и заглядываю ей в глаза.

– Я совершеннолетняя и принимаю решения сама. Руссо – мой жених! Мы сами разберемся, куда нам ехать и зачем.

– Жених? – мама хохотнула сквозь слезы и добавила: – Ну-ну! Посмотрим, что из этого выйдет. Я не буду потом говорить тебе, что предупреждала, ты и сама это будешь знать. Но двери родного дома всегда для тебя открыты, дочка. Я приму тебя в любом состоянии: больной, беременной или избитой.

Глава седьмая

Аристарх

Завожу Верону в ночной клуб. Она бледная, прижалась к моему боку и еле передвигает ногами. После скандала с матерью она замкнулась и ни на что не реагировала. Ее мать меня взбесила. Видела, в каком она была состоянии и начала разборки. Еле сдержался, чтобы не высказать все, что о ней думаю, но кореш дал мне знак остыть и я понял, что дело серьезное. Черт! Что еще натворил ее папаша?

Честно говоря, я уже подумывал, как перевезти мать и брата Вероны в Москву. Но после того, что сегодня увидел и услышал, решил, что мою малышку лучше держать от всей ее семьи подальше.

Подвожу Верону к столику в углу зала – одно из самых укромных мест – и спрашиваю, хочет ли она есть. Она мотает головой и говорит, что сейчас ей кусок в горло не полезет. Я хотел попросить ее хоть на сегодня забыть про все проблемы, но вижу, что это не прокатит и прошу бармена принести для меня двойной эспрессо и бокал красного сухого вина для Вероны.

– Пей, детка, – говорю я, подвигая ей бокал. – До дна. А потом расскажи мне все. Я должен знать, что так выбило тебя из колеи.

Верона хмурится, но от вина не отказывается. Сама понимает, что взбодриться самое время. После третьего глотка она немного расслабилась и расстегнула куртку. Откинула волосы с плеч и поведала мне то, что ее мать держала в секрете многие годы. После этого я сам впал в шок.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спрашивает Верона и осушает бокал.

Делаю официанту знак повторить и с тяжелым вздохом откидываюсь на спинку кресла. В этот момент о ее семье я не думал. Мои мысли были о сегодняшнем вечере и ночи. Уместно ли мне в такой ситуации ставить Верону

перед выбором? Но подумав с минуту, решаю рискнуть. Ведь я дал себе зарок брать от жизни все.

– Любовь к другой женщине не оправдывает избиение собственных детей. Вот что я думаю.

– А про маму? – она тянется ко второму бокалу и делает два глотка, ее большие глазища пристально следят за моей мимикой. – Она ведь все это попускала.

Это уже была зыбкая почва, ступать по ней нужно предельно осторожно. Связь матери и дочери очень сильна, они рано или поздно наладят отношения, а я не хотел потом оказаться крайним. Язык чесался высказать какую-нибудь гадость, но я сдержался.

– Не знаю, детка. Ее мотивация мне не понятна. Тем более, что она не производит впечатления женщины, у которой секс стоит на первом месте. По твоим же словам, она заботилась о вас, баловала, насколько это было возможно.

– У меня не укладывается все это в голове. Она грозила, что убьет себя и нас. Ты можешь в это поверить?

– Я думаю, это была просто угроза, она никогда бы этого не сделала. И ты сама это понимаешь.

– Возможно, но сам факт такого заявления меня коробит.

– Знаешь, я взял за правило никогда не осуждать родителей. Да, черт возьми, – я зачесываю назад волосы и собираю их резинкой в самурайский пучок, – никого не осуждать! Никто, даже они не знают, почему случилось так, а не иначе. Иногда смотришь на них и понимаешь, что они сами охреневают от происходящего. Им кажется, что они действуют обдуманно и принимают самое правильное решение, но время показывает, что это не так. Подло давить на них в такой уязвимой ситуации. Родители поддерживают своих детей несмотря ни на что. Почему дети должны вести себя по-другому? Твоя мать поступила плохо, она не дура, сама это прекрасно понимает. Твои упреки ничего не изменят. Как тебе реагировать, решать только тебе. Это твоя мать и твоя жизнь. Но чтобы ты ни выбрала, с этим решением ты будешь жить всю оставшуюся жизнь. Вот что я думаю, детка...

За столом на минуту воцарилась тишина. Верона с потрясенным видом обдумывает мои слова. Я не хочу, чтобы она снова в себе замыкалась и спрашиваю:

– Отец после тюрьмы не вернется домой? Будет жить с той женщиной?

Верона кивает.

– Так сказала мама. Меня это только радует. Не могу даже представить, что будет, если я его увижу. У меня перед глазами все еще мелькает тот день, когда Пашку выносили на носилках.

Она передернула плечами, а я понял, что на этом «поминальные разговоры» надо заканчивать. Иначе сейчас начнутся слезы, потом она захочет спать и кирдык моему плану.

– Малышка, у меня к тебе просьба.

Она подняла на меня захмелевшие глаза.

– Сегодня в клубе будет банкет. Вечеринка–сюрприз. Один мой знакомый хочет отпраздновать какую-то там дату со своей девушкой...

Ее взгляд потеплел.

– ...но вот проблема, он ничего не сказал про кухню, да он и не знает что нужно. Можешь помочь с меню?

– Банкет? А сколько человек?

– Список гостей у Кобры.

– Выбор меню для банкета очень ответственный шаг, нужно учесть вкусы всех гостей. Может они веганы или мусульмане и не едят свинину.

– Нет-нет, ни то, ни другое.

– А возраст?

– От двадцати пяти до сорока...

– Девчонок будет много? Мы не любим калорийные блюда.

– Не думаю, хотя будут, но не много.

– Если основная масса гостей будут мужчины, то нужно делать акцент на мясные закуски, – выдает Верона, и я уже вижу, как на ее лице отражается ход мыслей.

– Я доверяю тебе.

Она уже хотела подняться, но я ее остановил.

– Детка, пока ты сама чего-нибудь не поешь, я тебя из-за стола не выпущу. У меня планы на вечер и я не хочу, чтобы ты упала от голодного обморока.

– Что за планы? Мне бы хотелось сегодня провести этот вечер с тобой дома. В тихой обстановке. А? Может, отложим твои планы? Ты сам вон не в лучшей форме. Не спал всю ночь.

От ее умоляющего взгляда я чуть не сдался, но потом подумал, что в четверг она улетит, а я вступлю в игру на чужом поле, и со мной может случиться что угодно.

– Это не обговаривается. Потом все поймешь. Я хочу, чтобы ты сейчас поела, потом занялась меню для банкета. В три придет спец по «штукатурке». К пяти часам ты должна быть в платье и при марафете. Справишься?

Верона закусила губу, вижу, как в ее глазах плещется любопытство. Я сам в предвкушении. Как только сделал первые звонки, где-то в области солнечного сплетения почувствовал томление, а теперь жар, будто внутри разгорается огонь. Такого я еще не испытывал и с интересом наблюдал и смаковал эти чувства.

Сегодня я лично позаботился, чтобы в клуб привезли несколько омаров и одного подали нам с Вероной на обед. Она осмотрела его со всех сторон, потом лукаво мне улыбнулась и сказала:

– Я не умею есть омара, ты меня научишь?

Уф! Я с шумом втянул воздух в легкие, мы оба понимали, что это значит. Я сразу вспомнил, как учил ее есть суши и какие чувства вызывали у нас первые интимные прикосновения. Поэтому, не задумываясь, перебрался к ней, прижался грудью к ее спине и обвил ногами ее бедра. Сэм сразу встрепенулся и напрягся. К тому моменту, когда я разделал омара и начал маленькими кусочками вскармливать свою малышку как птенца, Верона уже святилась от счастья, болтала под столом ногами и мурлыкала под фоновую клубную музыку.

Периодически я целовал ее шею, пробирался языком в ее маленькое ушко, от чего она выгибалась и охала. Мимо нас то и дело шнырял персонал, но Верона уже не смущалась, а полностью отдалась процессу. Это меня до одури радовало, мне хотелось, чтобы она раз и навсегда забыла обо всех и думала, только о нас и что мы можем дать друг другу.

– Я люблю тебя, милый. Ты – моя вселенная.

Новое словечко всколыхнуло нежные чувства, я снова припал к ее шее. Стал нашептывать ей разные сальности. Я знал, она их любит, хотя никогда в этом не признается.

– Может, – хитро щурится Верона, – нам ненадолго зайти в Vip-комнату?

Черт! Мне самому охота, но дел невпроворот. И как назло приходит сообщение от Годзиллы. Он приехал и ждет меня на стоянке. Я прошу его пройти в кабинет.

– Давай ты займешься меню, а я немного разгребу дела. А перед тем как ты пойдешь наводить марафет, мы уединимся. Как тебе такой план?

– План отличный, – улыбается она и припадает к моим губам.

Годзилла с озабоченным лицом расхаживает по кабинету.

– Руссо! Что за банкет? Зачем тебе столько охраны?

– Весь старый состав я завтра уволю. Тех, кто сегодня себя проявит, оставишь на постоянной. Всего мне надо добрать пятнадцать чел.

– Людей пришлю, без базара. Меня бесит, что ты взял в привычку все решать со скачка.

– Тебя это тоже касается. К девяти вечера, чтобы был здесь при всем параде и благоухал как майская роза.

Годзилла кривится, потом всматривается в мое подрихтованное медиками лицо и скалится.

– Так это твоя что ли сходка? Что ты задумал, Золотой Мальчик? Уж не окольцеваться ли?

Я хмыкаю, изгибаю бровь.

– Пока не знаю, бро. Это будет сюрприз для Вероны. Ясный пень она может отказать и тогда мне придется на ходу придумывать повод, почему я придурок, ничего не объясняя, заставил корешей все бросить и явиться сюда при всем параде.

– У тебя, что чердак снесло? Сколько вы знакомы?

Я усмехнулся. Это говорит мне тот, кто выволок девушку из дома в спортивных штанах и тапочках, с которой даже не встречался. Приволок к себе в новый дом и сказал, что теперь они будут жить вместе.

– Кто бы говорил, – буркнул я. – Себя вспомни, Пещерный Человек.

– Я хотя бы за своей полгода приглядывал. Знал, кого беру.

– А за моей всю жизнь Курт приглядывал. Я ему доверяю, как себе. К тому же чего мне в ее прошлом разглядывать? Я был у нее первым.

Годзилла вытаращился на меня, будто я заговорил на абракадабре.

Мне не нравилось, куда нас завел разговор.

– Хорош трепаться! – улыбка сползла с моего лица.

Годзилла отпрянул и выпрямился.

– Дел по горло.

Мы обсудили ситуацию в мотоклубе. Я подробно рассказал о захвате бара и все что об этом думаю. О драке с братом, о разговоре с Резаком, о том, что узнала моя мать от Севы. О странной смс перед захватом, о хвосте, что притащил за собой Дракон. Короче, я выложил ему все. Годзилла чесал затылок, пыхтел как паровоз и матюкался как сапожник.

– Демон с ментовки соскочил, а его две шестерки потянут срок, – выдал кореш. – Их пальчики на наркоте.

Кто бы сомневался!

– Вот посмотришь, – усмехаюсь я. – Он их даже вытаскивать не будет. Сделает вид, что тужится, но пальцем не пошевелит.

Годзилла нахмурился и заходил по кабинету. В движухе ему лучше думалось.

– Не нравится мне этот Демон. Зря мы его выбрали.

Гений оборотистой мысли! Дотумкал наконец-то!

На Годзиллу я спецом не давил, до таких вещей он должен сам дойти, выкуривая по бессонным ночам сигарету за сигаретой.

В кабинет постучали. Годзилла открыл дверь и впустил моего бухгалтера.

– Я пригоню ребят, – кинул на ходу кореш и юркнул в коридор.

После обычных приветствий, Ольга Васильевна разложила свои бумажки на столе и начала докладывать. Слушая ее, я почувствовал, как постепенно

каменеют мышцы лица. По ее словам ни один материальный актив не соответствовал учетным данным даже «черной» бухгалтерии. Недостача на складе и кухне. Некоторые документы ей пришлось восстанавливать через поставщиков. У меня сложилось мнение, что Бизон намеренно запутывал учет, чтобы невозможно было найти концов.

После доклада она положила передо мной графики и диаграммы. Я начал изучать, а она комментировать:

– Я считаю, тебе нужен приток инвестиций. Сумма в этой графе, – она показала на первую итоговую строчку. – Если внесешь эту сумму и будешь наращивать выручку за счет притока посетителей, то на прибыль можешь выйти уже к концу года.

В этот момент дверь кабинета распахивается с треском и влетает мать Вероны, за ней Курт.

– Где она?! Где моя девочка?!

Я остолбенел. Ольга Васильевна так и осталась сидеть с открытым ртом, тыкая ручкой в свои писульки.

– Мама, тебе сюда нельзя! Господи! Да ты бы хоть постучала! – кричит Курт. Увидев меня, он пояснил: – Я думал она села в автобус, набрал Софу и начал ей излагать наш план на вечер, поворачиваюсь, а она стоит за спиной.

– Черт! Курт! – я вскакиваю и от злости бью кулаком по столу.

– Я забираю дочь домой, я ее здесь не оставлю! – у матери Вероны обезумевший вид, похоже у нее нервный срыв и она плохо соображает.

– Аристарх, я могу зайти позже, – бухгалтер собирает документы.

– Нет-нет, Ольга Васильевна, останьтесь, – я сжимаю ее плечо. – Нам надо все это закончить. Потом у меня не будет времени.

Подхожу к матери Вероны и смотрю ей в глаза. Мое дыхание медленно восстанавливается. Не хочу с ней говорить, из этого ничего хорошего не выйдет. Это не моя война, поэтому поворачиваюсь к корешу.

– Курт, дай ей успокоительное. Выстави охрану перед дверью, – протягиваю ему рацию, – не дай ей выйти, пока мы не уедем. Твой прокол – твоя проблема.

Курт кивает и злобно чертыхается. Мария Алексеевна поднимает на меня свои огромные, как у Вероны глазища и смотрит с презрением.

– Ты меня не заткнешь, – шипит она на меня.

– Я и не собирался, Мария Алексеевна, просто вы себя сейчас не контролируете. Не думаю, что могу вас подпустить в таком виде к дочери. Она только-только оклемалась и вышла из ступора, в который, между прочим, вогнали ее *вы*. Успокойтесь, приведите себя в порядок. Тогда и поговорите.

Не дожидаясь ее ответа, возвращаюсь к рабочим вопросам, и пока Ольга Васильевна растолковывает мне остальные цифры и прогнозы, украдкой поглядываю на мать Вероны. Ей принесли стакан воды и валерьянку. Она закинула в рот сразу три таблетки и выпила всю воду. Вот так-то лучше.

– Без инвестиций никак нельзя? – спрашиваю я бухгалтера.

Та качает головой.

– Нет, Аристарх, нельзя. Нужно делать закупки. Рассчитываться с долгами.

Снова стук в дверь, входит Кобра и присоединяется к нам. Мы обсуждаем работу клуба на ближайшую неделю.

– Руссо, нужно вскрыть сейфы Бизона, – говорит Кобра, – я нашла спеца с лицензией. Вскроем при свидетелях, составим акт и все такое.

– Там могут быть наличные, – Ольга Васильевна намекает, что тогда возможно, мне не придется снова вкладываться.

– Лады. Давайте вскроем. Я и сам хотел, но все надеялся, что Бизон появится, – перевожу взгляд на Кобру. – Вызывай.

Она вскакивает и тянется к телефону.

– Кобра!

Она поворачивается и вопросительно на меня смотрит.

– Открывайте *очень* осторожно. Особенно тот, что в подсобке.

Она замирает, понимая мой намек.

– Может, тогда привлечь сапёра?

Жестом даю понять, что одобряю ход ее мыслей.

– Попроси контакт у Севы.

– Да, ладно, ребят, не думаете же вы, что он на такое пойдет? – всплескивает руками Ольга Васильевна.

Мы с Коброй одновременно многозначительно хмыкаем, мол, от этого можно ожидать что угодно.

Завершив свои дела бреду на кухню. Мать Вероны наконец-то успокоилась. Когда я уходил, Курт методично что-то ей втолковывал, но она сидела в прострации, смотря в одну точку. Мне показалось, что дело вовсе не в нас с Вероной, а в том, что до нее только сейчас дошло, что она потеряла мужа, а теперь теряет детей...

Распахиваю дверь кухни, «фартуки» пыhtят над кипящими и скворчащими посудинами. Верона в полном обмундировании рядом с шефом вкалывает наравне со всеми. Я прямо рванул к ней с перекошенным от гнева лицом.

Увидев меня, Верона хмурится, вид сосредоточенный. Она что, не рада меня видеть?

– Малышка, эй, ты чего? – быстро стягиваю с нее фартук. – Я сказал помочь с меню, а не становится у плиты. Ты забыла, где ночь провела?

– Со мной все в порядке, – она отстраняется, тянется к фартуку, но я не отдаю, – не беспокойся, милый. Мне нужно закончить, иначе продукты пропадут. Это мой личный рецепт, а я все делаю на глаз.

Я рычу, вот непонятливая. Не хватало, чтобы в такой день она еще и крутилась сама на кухне.

– Ты забыла? У нас с тобой дела, – моя ладонь ложится на ее поясницу и медленно движется к ягодицам.

Она мгновенно вспыхивает, даже уши красные. Вздыхает, смотрит на настенные часы. До прибытия «штукатурщика» остается час, а мы еще даже не раздетые.

– Дай мне десять минут.

Вижу, как она нервничает. Вот это точно нам сегодня не нужно. Как бы мне сейчас ее не хотелось, но то, что я запланировал на вечер важнее.

– Лады, не спеши, мы можем отложить то, что запланировали. Что с меню?

– Мы справимся, – отвечает Верона, и поворачивается к остальным. – Правда, мальчики?

Разноголосый хор мужских голосов уверяет меня, что все будет на мази.

Верона улыбается, подмигивает мне. Я заламываю левую бровь и поглядываю на нее игривым взглядом, знаю, ей это нравится. Моя малышка выдает свое коронное «ох» и я мгновенно возбуждаюсь. Черт!

Пока она не закончила возиться с какими-то мясными рулетами с зеленого цвета начинкой, стою в стороне и наблюдаю. В голове застучали первые сомнения, а вдруг я все испорчу? Вдруг выбрал неподходящий день? Что будет, если она мне откажет? Повлияет ли ее отказ на наши отношения? Не представляю как мне себя вести, если она скажет «нет». Мы что разряженные сядем снова в тачку и поедem в клуб? Будем делать вид, что ничего не произошло? Проклятье! Вот я влип! Еще ее мамаша...

Я планировал разместить «штукатурщика» в гримерной, там хорошее освещение. Но чтобы пройти туда из кухни, нужно миновать кабинет, а я хотел пока изолировать Верону от матери. Поэтому даю распоряжение подготовить Vip-кабинет. Мое решение Верона расценила как обиду и отказ от секса, меняется в лице и надувает губки. Вместо раздражения я ухмыляюсь, Верона хочет меня, так же сильно, как и я ее. Ну, хоть что-то сегодня меня радует.

Припадаю к ее шее и обнимаю за талию.

– Детка, чего губки надула? – еле сдерживаюсь, чтобы не заржать, ну до чего же она смешная.

– В Vip-зале единственный диван, – шепчет она.

– Да, но я и в пустыне найду способ, как тебя отрахать.

Она шикает на меня и косится на «фартуков». Эти хитрецы делаю вид, что ничего не слышат, типа каждый занят своим делом, а у самих радары сканируют горизонт. Верона отставляет в сторону блюдо с рулетами. Видимо, в отместку мне начинает замешивать тесто. У меня шары на лоб. Это еще что такое? Нет! Детка! Со мной такое не прокатит! Сдерживаю с нее фартук, закидываю ее на плечо и тащу к двери. Она на ходу кричит «фартукам» что она недоделала, те лыбятся и уверяют, что все сделают сами.

Опускаю в коридоре ее на ноги и прижимаю к стене.

– Подразнить меня решила?

Она смеется и показывает мне язык.

– Напрашиваешься на неприятности? – нарочито грозно спрашиваю я.

– Да! – выпаливает она, ныряет под руку и бежит к выходу в зал.

– Верона! Куда тебя несет?!

Она останавливается у двери, манит за собой пальчиком и ухмыляется.

– Я покажу тебе кое-что...

Мне уже не до шуток, вдруг рванет в кабинет, а там ее мать. Вот будет облом. А мне нужно, прежде чем мы выедем из клуба «зарядить» ее по полной. К моему удивлению она бежит к двери склада.

Что задумала эта Ходячая Дерзость?

Моя малышка залетает на склад, я за ней. Охранник вскакивает, кивком даю ему понять, что б вышел. Тот выходит, на ходу я ловлю его взгляд с ухмылкой. Да по фиг! Закрываю дверь на замок. Поворачиваюсь. Вероны нет. Отлично! Теперь мы еще и в прятки будет играть.

– У кого-то сегодня *очень* игривое настроение!

Слышу ее приглушенное хихиканье. Плутовка! Обхожу стеллажи, она лежит на горе матрасов, как принцесса на горошине. Голая! Черт! В паху мигом разгорается огонь. На ходу начинаю стягивать с себя куртку, футболку и ботинки. Скидываю джинсы и запрыгиваю к ней под бочок. Она вцепляется в мои боксеры и помогает снять. Ее мягкие руки добираются до Сэма, и из моей груди вырывается стон. Я до жути изголодался по ее ласкам. Мне кажется, прошла целая вечность после нашего последнего секса. Наваливаюсь на нее всем телом.

– Малышка, я тебя сейчас съем, – шепчу я ей на ухо и вторгаюсь языком в ушную раковину.

Верона изворачивается и стонет. Приподнимаюсь на локтях и заглядываю ей в глаза. С минуту мы просто смотрим друг на друга. Она с шумом сглатывает и говорит:

– Ты мой единственный.

На моем лице расплзается игривая улыбка.

– Я долго думал, какое тебе дать прозвище, чтобы подходило только тебе, и пока нес тебя сюда, придумал.

– Да? Какое? – она заинтригована, глаза светятся.

– Пушочек!

– Ох! – восклицает Верона и улыбается. – Мне нравится, скажи еще...

Целую ее шею, плечи, груди. Рука тянется к клитору. От нетерпения она вся извивается.

– Пушочек, – шепчу я ей на ухо и обдуваю ее лицо струей разгоряченного дыхания.

– Еще...

– Моя ненасытная Ходячая Дерзость. Верона, такими темпами мне скоро с тобой не справиться.

– А ты не расслабляйся, – смеется она.

– Ого! Это вызов детка? По-твоему, я расслабился?

Она кивает и прикусывает мой указательный палец. Черт! Я так возбудился, что уже не до ласк. Набрасываюсь на нее как зверь.

– А вот и Пиночет, – бормочет Верона и больно кусает меня за сосок.

– Капец тебе, Верона! – рычу я и одним рывком захожу в нее.

Она распахивает глазища и вскрикивает. Горячая плоть плотно обхватывает Сэма. Черт! Как же здорово! Резкими толчками я начал быстро вгонять Сэма в ее лоно. Мы оба застонали, и тут она впилась зубами мне в плечо.

– А-а-ах! Верона! Ты стала такой хулиганкой!

Выхожу из нее, она недовольно фыркает. Ставлю ее на колени, притягиваю к себе за бедра. Она изгибает спину и упирается локтями в матрас. От вида ее упругой попки мне в очередной раз сносит крышу...

Вера

Приподнимаюсь и наблюдаю, как Руссо поспешно надевает боксеры и джинсы. Я одурманенная после секса и плохо соображаю. Он что-то говорит, но мое сознание удерживает меня в плену только что полученного удовольствия. Все тело горит и плавится, словно внутри меня встроена раскопчегаренная печка.

Руссо смеется и машет перед моими глазами.

– Пушочек, приди в себя. У нас времени в обрез.

Я закидываю голову назад и разочарованно вздыхаю.

– Черт! Верона, не дразни меня!

– К чему такая спешка? Давай еще разок...

– Тебе мало двух раз? Какая ты ненасытная!

Руссо хватает меня за ноги, одним рывком подтягивает к себе и кусает за плечо. Я вскрикиваю и хихикаю. Стоило мне принять дозу своего наркотика под названием «Руссо» плохое настроение улетучилось, я снова полна сил и энергии и готова к его сюрпризу. Хотя надо признаться честно немного нервничаю. По тому, как горят от предвкушения его глаза, это должно быть что-то грандиозное.

Что же он задумал?

– Не встанешь через три секунды, я тебя отшлепаю, оставлю здесь на складе под замком и заберу твою одежду.

Ох! Надо вставать, а то из-за моей вошкатни собьется продуманный им до минуты план. Он разнервничается и будет потом на мне срываться. Вспоминаю нашу ночь на Сицилии и прикусываю губу.

– Что? Тебе нравится такое наказание? Да ты извращенка!

– Нет, я просто кое-что вспомнила.

Руссо натягивает ботинки и смотрит на часы.

– Черт! Мы выбиваемся из графика, – он тянется за курткой. – Что ты вспомнила, детка?

– Сицилию, – я лукаво улыбаюсь и притягиваю его к себе за куртку. – Бешеный стук кровати об стену. Твое багровое лицо. Вздувшиеся вены на лбу. Твои крики.

Руссо нервно сглатывает. Смотрит с такой страстью, словно мы и не занимались только что сексом.

– Пушочек, ты не представляешь, что еще я с тобой сделаю, – он обхватывает ладонями мое лицо и нежно целует в губы. – Кое-что я тебе сегодня ночью покажу, но не все, конечно, а то потом неинтересно будет. А сейчас вставай, нам пора. Я серьезно. Поднимай свою аппетитную попку!

– Встаю, – бормочу я с неохотой.

Руссо кидает в меня мое белье, я показываю ему язык, он пытается его поймать, но я резко прячу и плотно смыкаю губы. Несколько секунд мы дурачимся, потом я капитулирую. Ладно, нужно одеться.

Мы выходим в коридор, он стискивает мои плечи и тащит в душевую. На скамейке лежит пакет и записка с инструкцией кому и чем нужно помыть волосы. Боже мой, какая дотошность. Руссо раздевает меня и заталкивает в душевую кабину, вручает мне два пузырька: шампунь и кондиционер. Потом мы меняемся местами и уже через пятнадцать минут спешим в Vip-зал. Там нас ждут двое стилистов. Комната преобразилась, сюда из гримерной перенесли два стола, кресла и зеркала с вкрученными лампочками. В одно кресло усаживают меня, в другое – Руссо.

– Что ты задумал, милый? – меня распирает от любопытства.

– Секрет, – обрубает на корню все мои попытки Руссо, – наберись терпения и жди. Можешь пофантазировать.

– Ладно, мучитель, но если мне твой сюрприз не понравится, обещаю, что мы поедем домой и до утра не выйдем из спальни.

Руссо напрягся и сжал кулаки. Боже, что я такого сказала? Надо заткнуться, пока мой язык опять все не испортил.

Дальше началось реальное волшебство, мой макияж в салоне красоты в день примирения с Руссо просто детский лепет по сравнению с тем, что сегодня сотворили умелые руки визажиста. Мне запретили крутить головой, я не могла посмотреть, что делают с Руссо, но по металлическим звукам поняла, что его стригут. Он что решил состричь длинные волосы? Но они ему так идут. У них идеальная до плеч длинна. Может, просто чуть-чуть укоротят? Мне хочется вмешаться, но я делаю над собой усилие и сижу тихо как мышка. Даю себе установку успокоиться и дышу ровно. Хватит переживаний. Руссо хочет, чтобы я получила удовольствие от приготовлений и я это сделаю.

Когда визажист закончил, ко мне подошел парикмахер и начал колдовать с моими волосами. Сначала он завил каждую прядь мягкими локонами. С боков пряди ушли назад, он закрепил их шпильками в области затылка, а остальные пряди уложил в единый пучок, но не скреплял, а просто скрутил их так, чтобы они образовывали треугольник. Взглянув на себя, я пришла в такой восторг, что потеряла дар речи.

– Нравится? – спросил стилист.

Киваю, я не в состоянии вымолвить ни слова.

Затем меня попросили пройти за ширму, где на вешалке висело купленное в Милане для особых случаев белое платье, а на полу стояли туфли. Пока я вышагивала, стилист заслонил меня от Руссо. Это одновременно позабавило и насторожило. Боже, к чему такая таинственность? Пока я переодевалась, от волнения по всему телу бегали мурашки, а сердце громко бухало как барабан.

Когда я вышла из-за ширмы и предстала на строгий суд стилистов, Руссо уже в комнате не было. Стилисты осмотрели меня придирчивым взглядом, потом стали что-то обсуждать на непонятном языке и копаться в своих огромных сумках. Один из них выудил шифоновый шарф нежных оттенков и предложил его в качестве пояса. Теперь я поняла, что их смущает: переход между жестким корсетом и пышной юбкой был слишком резким, нужно было его чем-то смягчить. В итоге они сложили шарф складками и пришили его к талии.

– Мы еще взглянем на вас перед выходом, – сказал визажист и повел меня в кабинет управляющего.

Значит, это еще не все. Ох!

Пока мы шли по коридору, мне показалось, что я услышала голос мамы, при чем не тот, что ей был обычно свойственен, а дикий, почти истеричный. Ну вот, после всех потрясений меня уже преследуют слуховые галлюцинации.

Захожу в кабинет и замираю как вкопанная. Первым делом замечаю умопомрачительную стрижку Руссо. Зря я волновалась. Длинная челка высоко приподнята и уложена на бок, несколько прядей упали на лоб. Сзади и с боков все сострижено коротко, но переход к длинной челке мягкий. Визажист тоже над ним поработал, на лице нет и следа от бурной ночи в баре, исчез кровоподтек под левым глазом. Руссо стоит в черном приталенном костюме-тройке, белой рубашке, черной бабочке и в черных туфлях. В кармане пиджака уже знакомый мне темно-зеленый шелковый платок-паше. В таком облике он жутко сексуальный!

Мы пожираем друг друга глазами. Вокруг нас буквально все искрит и вот-вот зажжется. Мы еще не отошли от секса, а тут еще такое преобразование. Он ждет моей реакции, но я дар речи потеряла.

– Еще один штрих и ты готова.

Его слова выводят меня из транса. Только сейчас замечаю мужчину у него за спиной. Руссо дает знак и тот раскрывает дипломат на столе. Внутри он обит черным бархатом, а в центре лежат серьги в форме вытянутой трапеции усыпанные камнями трех цветов: синими, голубыми и цвета моих туфель – кремовыми. В комплект входит брошь в виде веточки. Ее мне крепят в волосы.

Стилист подводит меня к зеркальной стене и я ахаю. Восторженная улыбка не сходит с моего лица.

– Теперь ты готова, – руки Руссо ложатся мне на плечи.

– Это и есть сюрприз?

– Еще нет. Мы только приняли соответствующий вид. Умираешь от любопытства?

Я киваю и улыбаюсь.

– Так и задумано. Скоро все узнаешь. Совсем скоро... – шепчет он, целует меня в шею и вдыхает аромат кожи.

Но уже в следующую секунду он прежний Руссо. Собран и сосредоточен. Он ставит подпись на каком-то бланке и мужчина с дипломатом уходит, напоследок слегка склонив передо мною голову.

Руссо берет меня за руку и ведет к выходу из клуба. Мы уезжаем?

Мои глаза мечутся в поисках такси, но его нет. Вместо него перед входом стоит огромный джип серо-голубого цвета.

– Сегодня пригнали мой новый «Lexus», так что я решил не брать в аренду представительский седан, а поехать на новой тачке. Заодно и обкатаем.

Он открывает передо мной переднюю дверь, салон огромный, это настоящий дом на колесах. Никогда не сидела внутри такого огромного джипа.

Руссо садится за руль и выворачивает со стоянки. В обычной ситуации он бы светился от счастья, любая новая игрушка поднимает ему настроение, но сегодня даже покупка новой машины его не радует. Он волнуется и мне от этого не по себе. Его пальцы нервно отбивают ритм. Левая нога дергается – признак максимального напряжения. Он показывает, как установить климат-контроль для каждого пассажира, включить радио, потом замолкает и до конца пути не произносит ни слова.

Глава восьмая

Аристарх

Вот она – минута икс, которая раз и навсегда решит все в наших отношениях. Пока меня стригли, я успокоил себя тем, что если Верона мне откажет, значит, она не готова быть с таким как я. Размеренная ванильная жизнь не для меня и она это должна понимать. Я всегда в движухе. Ставлю перед собой самые амбициозные задачи. Лежать на диване с банкой пива и пялиться часами в ящик это не мое. Мне нужна выносливая женщина, которая поддержит, подставит свое плечо в трудную минуту, и не будет задавать лишних вопросов. У меня нет времени на ухаживания, на всю эту романтическую блабуду. Если все что я сделал до этого, не помогло Вероне определиться, то уже ничто не поможет.

Останавливаю джип и паркуюсь. Выключаю двигатель и делаю глубокий вдох. Все! Понеслось! Поворачиваюсь к ней вполоборота, беру за руку и заглядываю в глаза.

– Малышка, – голос срывается, я прочищаю горло, – через пару дней в моей жизни все изменится. Мне придется защищать свой бизнес, мотоклуб и репутацию. Поэтому я и отправляю тебя в Италию, чтобы ты была в безопасности.

Верона кивает и сжимает мою руку.

– И... я хочу... чтобы ты... уехала от меня женой, а не подругой.

Она распахивает глазища и тарашится на меня как на маньяка. Черт! Вот такой реакции я и боялся. Не даю ей опомниться и сразу иду в атаку:

– Это дверь в ЗАГС, – я показываю ей на ближайшее здание, она с опаской оглядывается, будто это ворота в ад, – Там все готово, нам нужно только поставить подписи. Не будет в нашей жизни больше Лили, Адама, Тимура и всех остальных, кто еще не проявился. Мы будем женаты, никто не посмеет к нам приблизиться.

– Что за спешка, Руссо?! Такое ощущение, что ты, то ли себе, то ли мне не доверяешь. Ты что думаешь, я уеду в Италию и брошусь в объятия первому встречному?

– Нет, я так не думаю.

– Но складывается именно такое впечатление...

– Когда меня сегодня не пускали к тебе в реанимацию, я вспомнил твой вопрос: «Кто я тебе?». И хоть для нас все предельно ясно, по закону я не имею на тебя никаких прав. Ты там могла умереть, могли возникнуть какие-то проблемы, которые я в состоянии решить, но меня вышвырнули. Я никто.

– Ты мой парень... мой жених...

– Мне этого мало. Я хочу контролировать нашу жизнь. Строить планы, идти к цели. Я такой. Без этого я мертв. Не хочу выслушивать истерики твоей матери или каких-то других родственников...

– Так это из-за моей мамы? Из-за того что она хочет меня увезти? – прерывает она меня.

Но я не слушаю, мне нужно выдать то, что я заготовил. Если собьюсь, мне кранты.

– ...не хочу, чтобы меня отпихивали от твоей палаты как мусор. Хочу, чтобы ты была моей, только моей! Ты знаешь мои сильные и слабые стороны. Верона, я не изменюсь. Не жди этого. Я осаждаю себя, сдерживаю ради какой-то цели, но не строй иллюзий. Ради твоего «да», я не буду давать пустых обещаний. Я такой, какой есть. Взрывной, ревнивый, безбашенный и расчетливый.

Ее рука выскользывает из моей лапищи, она садится прямо и смотрит на дорогу. Мысли где-то далеко. Проклятье! Я бы все сейчас отдал, чтобы залезть к ней в башку.

– Я люблю тебя, малышка, и хочу сделать счастливой. Никогда никого так не любил как тебя. Пушочек! Посмотри на меня.

Она медленно поворачивает голову.

– Ты лучшее, что было в моей жизни. Секс, четыре дня в Италии, то, как мы дурачимся, черт, да просто спать с тобой рядом для меня кайф. Я понимаю, впереди долгий и трудный путь. Нам придется притираться. Это болезненно, оголяется душа. Пойми меня, детка, я не хочу ее оголять, если ты не та самая...

– Так может я не та? Как это понять?

Тяжело вздыхаю и снова тянусь к ее руке. Но Верона мягко отстраняется и забивается в угол. Черт! Опять я пережал. На хрена я это ляпнул? Я ведь этого не планировал!

– Сейчас я здесь... с тобой. Если бы я так не считал, то этого всего не было. Но мне нужно чтобы ты взяла меня за руку и сделала прыжок. В бездну. Там полная неизвестность, но там мы будем вместе. Ты со мной?

Я протягиваю ей руку, но она ее не видит, смотрит на двери ЗАГСа и на мой вопрос задается своим:

– Правильно ли я тебя поняла? Если я скажу «нет», то ты меня бросишь?

Не в бровь, а в глаз! Верона как всегда узрела самую суть.

– А зачем нам быть вместе, если ты не готова к ответственности? Муж и жена – одно целое. Мы сейчас настолько близки, что пути назад нет. Либо мы идем вперед... вместе... либо это нужно прекратить... Мне будет больно, очень больно. Черт! Верона! Я даже не знаю, как мне выжить после всего этого, но жизнь мне диктует свои правила. Ты говоришь, что я скрытен. Да. Но как мне тебя посвятить во все, если ты не готова быть ответственной. Если каждый раз, когда я пытаюсь с тобой поговорить, ты начинаешь плакать и объясняешь это тем, что я якобы хочу от тебя избавиться.

– Но это ты сейчас и делаешь! – ее голос дрожит.

С минуту я молчал и смотрел на нее. Она вся сжалась. Руки трясутся.

– Нет. Я даю тебе выбор. Войти в эту дверь и стать моей по закону или...

– Жить без тебя, – добавила она.

– Именно так, – киваю и шумно сглатываю.

Нас окутала невыносимая бьющая по «локаторам» тишина. Она разрывала меня на куски. Точно так же меня колотило от неизвестности, когда мы всей семьей ждали известий от спасателей об Авроре.

– Если тебе нужно время подумать, я выйду.

Она кивнула, а внутри меня все оборвалось. Копец! Дал выбор! Больше ничего не придумал... Придурок! Твою мать!

Я злился сам на себя, на ситуацию, которая подталкивала меня принять такое жесткое решение, на Севу, на Демона, на врачей в реанимации, на мать Вероны, которая грозилась ее увезти. Меня переполняла злоба, я уже не мог себя контролировать. Чтобы не влечь кулаком по новой тачке, я отошел подальше и встал перед витриной магазина. Я смотрел на свое отражение в стекле и пытался предугадать дальнейший ход событий. Я сам выбрал Верону. Выделил ее из

множества женских лиц. Прилепился к ней как банный лист. Обхаживал. Заваливал подарками. Ради нее я избавился от трехлетнего наваждения – Лили. Так какого хрена я даю ей выбор? Я ведь все равно не смерюсь с ее отказом. Буду убеждать, таранить ее мозг. Мне без нее не жить!

Проклятье! Не могу же я ее насильно потащить в этот долбаный ЗАГС. Меня всего трясет. Как справиться с гневом?

Откуда-то из подсознания выплыл мужской голос. Это не голос отца, но кого-то очень мне близкого.

«Закрой глаза, Аристарх. Направь все свое внимание внутрь. Дыши медленно. Ты должен осознавать каждый свой вдох и выдох. Наблюдай, как воздух проникает через нос, наполняет твои легкие, как медленно выходит. Вдох. Раз... два... три... четыре... пять... А теперь выдох. Раз... два... три... четыре... пять... Повторяй, пока не успокоишься».

Черт! Откуда эта хрень в моей башке?

Глаза будто по чьей-то команде и против моей воли закрываются. Я замираю и начинаю медленно... и глубоко... дышать.

Вера

Тело напряжено и сотрясает как при судороге. Еще чуть-чуть и я впаду в ступор и провалюсь в забытье. Почему Руссо решил, что сегодня самый лучший день, чтобы поставить меня перед выбором? Неужели не видел, в каком я состоянии? Мне больно и обидно из-за того что он выдвинул ультиматум и это после того как мы почти час занимались любовью. Только поэтому мне хочется сказать «нет». Он ведет себя как сумасшедший. От его слов у меня сумбур в голове. Какая-то каша из причин и следствий. Вчера мы клялись в вечной любви, а сегодня ультиматум.

Руссо пугает сближение душ. Говорит, что не хочет оголяться, если я не та самая. С другой стороны сам тащит меня в ЗАГС и говорит, что во мне уверен. Его спонтанность пугает и настораживает. Еще Саня сказал в больнице, что удивлен, почему Руссо до сих пор не притащил работников ЗАГСа в больницу. И

вот оно! Он тащит меня сюда вечером. Брат его хорошо знает и поступок друга для него логичен, а для меня это дикость.

В памяти всплывает пламенная обвинительная речь мамы. Она боялась, что Руссо наиграется и выкинет меня как ненужную вещь, а он вот, стоит перед дверью ЗАГСа и ждет моего решения. Получается, это не он меня, а я его сейчас брошу, если скажу «нет». Но как я буду жить без него? Без его сумасшествий, которые мне, что уж душой кривить очень нравятся, хотя и пугают до чертиков. Без его страстной любви. Без его пламенного взгляда, под которым мое тело начинает буквально плавиться. Без его улыбки и едких шуточек. Без привычки на всех вешать ярлыки и прозвища. Да я дышать без него не смогу, не то чтобы жить.

Оглядываюсь и вижу его застывшим напротив витрины с закрытыми глазами. Он спокоен, не злится, что ему совсем не свойственно.

Пишу ему смс:

У меня есть вопросы.

Вижу, как он тянется к телефону и читает сообщение. Поворачивается и идет к машине. Спина сгорбленная, словно он несет на себе все тяготы мира. Мое сердце сжимается от боли. Должно быть, он так устал от всей этой кутерьмы, что готов сбежать от меня подальше в ту, прежнюю жизнь, лишь бы снова не разочароваться в любимой.

Руссо садится на водительское сиденье, рука ложиться на руль. Он что морально готов уже уехать? Думает, я скажу «нет»? Ох! Руссо!

– Почему ты не хочешь, чтобы тебя называли по имени? – задаю ему наболевший вопрос.

Из его груди вырвался протяжный выдох со свистом. Он заерзал, не ожидал такого вопроса.

– Две трагедии за полгода: Лили и Аврора, – голос уставший, тихий, смотрит на меня вымучено. – Мне хотелось в корне поменять жизнь. Когда вернулся с гастролей, вступил в мотоклуб. Там у всех клички. Никто не знает настоящих имен. Только Игнат не взял, но он в клубе из-за меня. Уйду я, уйдет и он. Раньше я много времени проводил в клубе. С семьей почти не общался. Так привык к «Руссо», что уже не откликался на имя.

– Мне нравится «Руссо», тебе подходит. Но мы избежали бы многих проблем, если бы ты позволил называть себя по имени... хотя бы при родственниках.

– Ты хочешь называть меня по имени? – голос теплеет, он пристально вглядывается в мое лицо.

– Да. Почему нет? – немного подумав, я призналась: – И в постели. Я хочу называть тебя по имени в постели.

Он был явно удивлен, но от того что я заговорила о своих желаниях, а не о расставании, немного взбодрился. В глазах замелькала надежда.

– Лады. Ты можешь называть меня по имени. Я не против.

Я смотрела на дорогу и молчала. Взглянув на часы, Руссо спросил:

– Есть еще вопросы?

– Не вопрос. Просьба, – я повернулась и заглянула ему в глаза. – Хочу, чтобы ты мне пообещал, если твои чувства ко мне будут ослабевать, ты мне об этом скажешь.

– Тогда и ты мне должна это пообещать.

– Я обещаю.

– Все! Верона! Хватит ерундой заниматься. Пошли!

Руссо выскочил из машины и пока обходил, чтобы открыть мне дверь я улыбалась так, что губы чуть не треснули.

Церемония регистрации брака прошла так быстро, что внутри здания мы пробыли не больше часа и это с учетом ожидания музыкантов, распития шампанского и того циркового представления что устроил Руссо.

Как только мы вошли в ЗАГС ко мне бросились Анна и София. Оказывается, они смотрели на нас через окно и томились, ожидая моего согласия. Меня поразил внешний вид брата: на нем был темно синий костюм и голубая рубашка. Никогда не видела его в костюме! Я долго не могла отвезти от него восторженных глаз, от чего он засмутился и прикрылся за своими ехидными шуточками про нашу экстрим-свадьбу. Затем сгреб меня в охапку и так громко

чмокнул, что звук, отражаясь от мраморных поверхностей, разлетелся по всему холлу.

– Верона! Какая ты красивая! – восклицает Анна и хлопает в ладоши.

Софа с ходу определила все бренды, включая серьги, чем развеяла всю магию моего наряда. Конечно, если бы Руссо дал мне время, я сама придумала фасон и сшила платье. Никогда не думала, что самый важный день в моей жизни окажется неожиданным сюрпризом, да еще в таких экстремальных условиях.

– Ты сумасшедший, но с тобой весело, – шутливо бьет по спине Руссо Анна и улыбается. – Вчера Верона была под дулом автоматов, потом прокатилась на «Скорой», сегодня выходит замуж. А что ты запланировал на завтра?

– Ты забыла про новую тачку, – вставляет Софа. – Руссо, мне нравится твой выбор. Мама тоже купила такой «Lexus», только белый.

Руссо смеется и целует подруг в щеки.

– Спасибо, что приехали. Я хотел, чтобы мы здесь были только впятером.

Он хотел! Я прямо закипела от злости. А у меня, конечно, было сложно спросить? Ну да, это же был сюрприз!

Девчонки в восторге, сияют как звезды над Парижем. Обняв за плечи, Руссо тащит их в просторный зал, мы с Саней плетемся следом. Нас встречают работники ЗАГСа и уведомляют что все готово. Высокая худощавая женщина в сером юбочном костюме обдает придиричивым взглядом моих подруг и спрашивает:

– Кто из вас невеста?

Руссо отпускает девчонок и поворачивается ко мне.

– Невеста! Где ты там?

– Ничего себе! – возмутилась я. – Мы еще не зарегистрировали брак, а он уже целуется и обнимается с другими.

– Держи себя в руках, Неандертальская Женщина. Ты сейчас лопнешь от ревности. Тебя тоже вчера целовали, я же сдержался.

Так это месть!

– Кто это меня вчера целовал? – упираю руки в бока.

– Двое омовцев делали тебе искусственное дыхание рот в рот и трое моих друзей присосались к тебе на сцене.

Он что считал? У меня глаза на лоб.

Не успеваю ответить, как он хватает меня на руки и вносит в зал торжеств. Но вопреки моим ожиданиям ничего торжественного там не происходило, хотя формально протокол был соблюден. Руссо не мог устоять на месте ни секунды. То проверял на прочность паркет, ему, видите ли, цвет понравился, а цвет так себе, если честно, то что-то спрашивал у Сани. Затем стал разглядывать лепнину на потолке и поинтересовался, нравится ли мне классический стиль. Я шикнула на него, и он выдал на весь зал, что если церемония продлится еще пять минут, он громко захрапит.

– Помните, что от вашего понимания и согласия будет зависеть счастье всей семьи, – с нарочитой торжественностью произносит работница ЗАГСа.

– Курт! Смотри, какие сиськи! – громко шепчет Руссо и показывает на одну из музыкантш.

От стыда я чуть не расплавилась. Благо Анна сжала мою руку и прошептала:

– Молчи. Он намеренно это делает.

Конечно, намеренно! Кто бы сомневался!

К моменту, когда ведущая церемонии спросила, согласен ли он вступить в брак, он так распалился, что сказал:

– Да черт его знает! Надо подумать. А сколько у меня есть времени?

Я зыркнула на него и хотела рвануть к выходу, но Саня меня резко тормознул и развернул к Руссо.

– Куда рванула, Козочка Горная?! – лицо непроницаемо, глаза Руссо горят так, что мне не понять, разгневан он или шутит. – Двери я приказал закрыть. Пока подпись не поставишь – не выпущу!

– Бро, кончай нервничать, просто сделай это, – Саня хлопает по плечу Руссо, а мне кивает в сторону ведущей церемонии, мол, слушай, что тетка говорит – тебе полезно.

– Со всей ответственностью заявляю, что я вступаю в брак под давлением брата невесты! – выкрикивает Руссо, потом поворачивается и спрашивает у Сани. – Курт, а ты кто мне теперь будешь?

– А хрен его знает, – выдает Саня и морщиться.

– Шурин, – подсказывает Анна, – а ты ему зять.

– Да заткнитесь вы! Ничего не слышно! – рывкает Софа, она единственная кто к этой церемонии отнеслась серьезно.

Руссо ненадолго замолкает, как раз тогда, когда работница ЗАГСа добралась до меня. Видимо, ответа от Руссо уже не ждали. В отместку меня подмывает что-нибудь отчебучить или тупо сказать «нет» и посмотреть, как из этого выпутается мой ненаглядный. Но Руссо меня опередил и стиснул мою руку так сильно, что я громко вскрикнула. «А-а!» было принято за «да» и ведущая церемонии продолжила зачитывать заученный до боли сценарий.

Что за бред? Это вообще законно?

Нам предлагают поставить подпись в книге регистрации. Руссо на своей волне, заламывает бровь, кидает на меня игривый взгляд.

– А секс по утрам будет? Если нет, я подпись ставить не буду.

Я краснею и закипаю как чайник. Опозорил при всем честном народе. Мне хочется отхлестать Руссо букетом невесты, который мне так бережно вручила Анна на входе. Музыкантши звонко смеются. Работница ЗАГСа стоит с таким же пунцовым как у меня лицом. Мне кажется, если бы она не боялась увольнения, то разбила бы пресс-папье об голову Руссо, что б он наконец-то успокоился.

Подходит мой черед ставить подпись, я с важным видом склоняюсь над книгой регистрации, надо же кому-то из нас не выглядеть клоуном. Старательно вывожу свою подпись. Нас отводят в сторону от гостей. Саня протягивает Руссо кольца. Конечно же, никто и не подумал согласовать со мной дизайн. Опять платина. Видимо, Руссо не признает другого металла, но надо признать кольца очень красивые.

– Это временный вариант, – бурчит Руссо, – мы сделаем кольца на заказ.

Ох! Спасибо! Успокоил!

Дальше цирк продолжается. Пытаюсь надеть ему кольцо на безымянный палец. Руки и так трясутся, а он еще согнул палец, как я на венчании и ухмыляется. Но в Италии нас видел только «священник», а здесь на меня уставились девять пар глаз. Никто не может понять, в чем заминка, что же за невеста такая криворукая, что даже кольцо на палец надеть не в состоянии.

С беззаботным видом Руссо выдает:

– Не переживай, Верона, если завтра по утра наша свадьба тебе покажется аферой века, то брак можно аннулировать, у тебя будет на это целый месяц.

Я выпучила глаза. Вот засранец! Выходит, для него это все развлечение? Пока я хлопала ресницами и судорожно придумывала, что ему ответить, он вкрутил мне кольцо на палец, заполучил свидетельство о регистрации брака и уже принимал поздравления от Сани и моих подруг. До ошарашенной невесты никому не было дела. Цветы почему-то все дарили ему, словно это только его праздник, а я тут просто для массовки.

Вот так в веселой и непринужденной атмосфере я вышла замуж! Весело было всем, кроме меня и ведущей церемонии. Та, наверное, после нашего отъезда хряпнула рюмку коньяка и выдохнула. Представление закончилось, клоуны уехали! Я бы заплакала прямо в машине, но вокруг были такие счастливые лица, что мне не хотелось портить им праздник. Их праздник!

Аристарх

Я женился! Охренеть! Твою ж мать!

Если бы мне сказали месяц назад, что я буду под марш Мендельсона стоять рядом с Вероной при всем параде и слушать мутату про дикое счастье в семейной жизни не поленился и упек бы убогого в психушку.

Все я это замутил только по двум причинам. Во-первых, я понял: или так или я этого никогда не сделаю. Буду тянуть резину не хуже Игната, и находить отмазки, почему женитьба сейчас не вариант. Во-вторых, чуйка подсказывала, что меня ждут лихие времена, придется многое открыть Вероне, а человеку временному я этого делать не хотел. Риск я люблю, но не когда на кону весь твой заработанный кровью и потом капитал.

Церемония в ЗАГСе – отстой! Не могу поверить, что я прошел через этот ад. До чего ж занудная тягомотина, думал, что крышу снесет. Ей богу, неужели нельзя для брачующихся придумать что-то более позитивное? Это хуже чем шопинг, а его я на дух не переношу. Серая Мышь зачитывала текст церемонии с застывшей трагедией на зеленом лице, будто мы хороним молодость, красоту и

здоровье Вероны. На мою малышку она смотрела с таким сочувствием, что я не удержался и начал язвить. А что? Она первая начала!

Уверен, что со временем Верона все поймет и оценит, но сейчас она, конечно, в шоке. Была попытка сбежать из ЗАГСа. Благо Курт ее перехватил. Меня уже накрывала волна бешенства, но взглянув ей в глаза, я мигом остыл. Верона была полностью дезориентирована. И без того огромные глазища дали максимальную амплитуду, во взгляде читалось: «На кой ляд я согласилась на это безумство?». Ноги подкашивались. Дважды она была на грани обморока. Я уже хотел сказать скрипачке, чтобы принесла нашатырь, она все равно дико фальшивила и раздражала коллег по несчастью своей дебиловатой улыбкой.

После церемонии мы выпили и закусили. Музыкантш я не отпустил. Заставил симфонический квинтет играть рок семидесятых. Виолончелистку посадили вперед, нам с Куртом нравилось пялиться на ее сиськи. К тому же она сжимала инструмент между ног с такой силой, что нагоняла на нас с корешом волну страсти.

Верона потребовала предъявить свидетельство о браке и дважды проверила печать и наши фамилии. Тут ее ждал новый сюрприз – теперь она Романова. Между нами состоялась короткая перепалка, которую смог погасить только Курт. Сегодня он был в ударе и стоял за меня горой.

– Какая тебе разница, Ангел? – выдал кореш с философским видом. – Павлова... Романова... один черт!

На всеобщее веселье Верона реагировала болезненно, будто мы глумимся над святым, а не празднуем безумие под названием «Жизнь в законе». Я понял, что шок у моей новоиспеченной женошки еще не прошел и старался ее не задевать.

В машине я открыл вторую бутылку шампанского и лично проследил, чтобы она осушила фужер. Только после этого она немного пришла в себя и стала улыбаться. Тут я оторвался по полной. Дразнил ее и рисовал мрачные картины совместного будущего, которые она, кстати, приняла за чистую монету. После чего я понял, что мы похоронили в ЗАГСе не только ее безнадежно утраченную молодость, но и чувство юмора.

К моменту, когда мы вернулись в клуб, нас обоих немного отпустило и из тачки мы вынырнули, окончательно осознав, что успели натворить.

– Руссо! Ты можешь себе представить, что мы – муж и жена?

Верона ждет меня перед входом, в руке букетик с ручкой. Он мне напоминает мороженое в вафельном стаканчике. Она и сама сейчас вся такая белая и пушистая. Так и хочется прижать ее к стенке и съесть. Я бы так и сделал, но в голове назойливо встает схема расположения охранных постов и еще всякая дребедень, которую нужно проверить, пока я совсем не расслабился и тупо не стал праздновать самый парадоксальный день своей жизни.

Наши свидетели пошли вперед. У Курта была еще одна миссия, убедиться, что его мамаша не бросится на Верону с кулаками. К этому моменту ее должны были уже привезти в порядок, чтобы она в человеческом облики предстала перед гостями. Я хотел зарыть топор войны и на ее наряд не поспешил. Надеюсь, Верона это оценит. Иначе, это последний жест в сторону ее матери.

– Значит, готовила я для собственной свадьбы? – улыбается Верона.

Она даже не обращает внимания на то, что я не отвечаю.

– А кого ты пригласил?

Я останавливаюсь и смотрю ей в глаза. Она вздрагивает, понимает, что я чем-то недоволен.

– Ты хотела сбежать, – говорю я, голос хрипит, – и как я, по-твоему, должен на это реагировать?

Она нервно сглатывает и, не сводя с меня своих огромных синих глаз, в которых светится вселенская любовь, отвечает:

– Ты устроил там цирк. Мне было стыдно. Я просто хотела выйти и остыть, чтобы не наговорить того, о чем потом пожалею.

Уф! Так вот что это было...

– А ты не задумывалась о том, что для меня это тоже шок? Сначала ждать полчаса пока ты подумаешь, стою ли я того чтобы прожить со мной жизнь. Потом наблюдать, как ты трясешься от неверно принятого решения. Черт! Верона! Это для меня не просто шок, а безумие в последней стадии. А клоунада – защитная маска, чтобы не слететь с катушек.

– Теперь, когда ты все объяснил, я поняла.

Остынь! Не дави на нее! Она держится молодцом!

– Лады. Пристрелялись. А теперь самое главное, – я показываю на вход. – Верона, теперь ты моя жена. Это наш бизнес. Там собрались мои деловые партнеры с женами подругами. Я хочу, чтобы ты со всеми была мила, запомнила имена и их вкусы. Потому что я этого никогда не смогу сделать. Узнай, какие у них предпочтения в еде, у кого на что аллергия, нам придется всех их приглашать в гости. Тебе предстоит покупать для них подарки, составлять тексты поздравительных открыток и делать прочую блабуду. Справишься?

Она выпучивает глаза, но хочет, чтобы я успокоился и покорно кивает.

– И еще... – я окидываю взглядом ее наряд и прическу, – я так нервничал, что даже не сказал тебе, как ты сегодня красива и роскошна. Ты моя принцесса. Надеюсь, ночью ты будешь такая же вкусная, как и красивая, потому что я планирую кое-что особенное. Так что не выматывайся до предела. Не забывай, что сама ты ничего не должна делать. Мы платим кучу бабла нанятым сотрудникам, а они должны отрабатывать, тем более, сегодня.

Я нежно притягиваю к себе ее лицо и целую в губы. Она пахнет шампанским и шоколадом – убийственное сочетание.

– К середине церемонии ты уже пожалела, что согласилась стать моей женой. Это было видно по твоему лицу. Но я ни я, если не сотру эту гримаску, детка.

– Ты не прав, я не пожалела. Просто мне страшно. Ты говорил про ответственность, а я не знаю, что конкретно ты под этим подразумеваешь.

– Пойдем, детка, нас ждут гости. Обо всем, что мы не успели обсудить, поговорим до твоего отлета.

Мы взялись за руки и вошли в здание. Первым нас поздравил стоявший на входе с осоловелой улыбочкой Годзилла. В черном костюме он походил на работника похоронного бюро. На этот раз Верона его подпустила и даже позволила обнять и поцеловать. Перед входом в клуб я взял ее на руки и, сосчитав до трех, вошел в зал. Переступая порог, я сказал себе: «Вот она, черта между новой и старой жизнью».

Вера

Если бы меня спросили, что я запомнила из последующих четырех часов, а именно столько мы пробыли с гостями, я бы ответила: тост и песня Руссо, которую он посвятил нашей любви. Все остальное напрочь стерлось из памяти уже через неделю. А все потому, что в сущности это был не мой праздник, а моего теперь уже мужа. Нас окружали его партнеры, друзья и близкие родственники. А с моей стороны были только подруги, Саня и... мама.

Мама – это отдельная тема. Ни до, ни после этого дня она себя так больше не вела, но в день свадьбы это было что-то. Сначала она допытывалась, как Руссо ухитрился меня уговорить выйти за него замуж и не повлиял ли на мое решение наш разговор в парке. Когда все эти вопросы были закрыты, она обрушилась на меня из-за того, что ей не позволили присутствовать на церемонии бракосочетания. Следом начала ворчать из-за недостаточно разнообразных блюд на столе, хотя никто из гостей не жаловался. Потом из-за того что Руссо выбрал для нее слишком дорогой наряд. Но справедливости ради, хочу отметить, что мама была великолепна. Ее перекрасили в блондинку. Нанесли вечерний макияж. Теперь ей смело можно было дать не больше сорока, а если учесть, что освещение в зале было приглушенным, она вполне могла сойти за ровесницу жен партнеров Руссо. Я видела ее на танцполе в объятиях не менее трех мужчин. Ей говорили комплементы, от чего она вся святилась и нервно поправляла волнистые локоны. Кажется, прическу она оценила, как и новый цвет волос.

Партнеры Руссо. Ох! Тут надо признаться, что я облажалась по полной. Большинство пришли с женами. После первого тоста, который сказали совершенно обалдевшие от происходящего родители, Руссо провел меня по залу, знакомя с каждым партнером. Он перекидывался с ними парочкой фраз, назначал встречи. У кого-то просил прощения, что не мог подъехать, когда его просили, на что ему с пониманием кивали. Мол, понятно на кого ты тратил время. С кем-то объятия были жаркими и пылкими, было видно, что это тесная связь, а кто-то просто пожимал руку и мило улыбался, но в этой улыбке не было ни теплоты, ни доверия.

При такой быстро сменяющейся декорации, я не запоминала ни имен, ни лиц. С мужчинами было как-то проще, все они были очень разные, а вот

женщины... тут я просто была поражена. Да, у них был разный цвет волос, разные наряды, но внешность... как под единый стандарт: гладкие блестящие и открытые лбы, худые стянутые лица, татуаж бровей – никогда не понимала эту моду. Взгляд пронизывающий, как рентген. Типаж женщин – хищницы. И что меня поразило еще больше, ни одна из них не могла поддержать выбранную тему для разговора. Они заметно скучали и зыркали по сторонам голодными глазками. Но так как еды на столе было достаточно, я поняла, что ищут они совершенно другое. Складывалось впечатление, что выбрав мужчину, они не останавливались на достигнутом. Видимо, в этом кругу брак носил временный статус, поэтому дамы желали иметь парочку вариантов про запас.

Правда, с одной из жен партнеров я все же познакомилась в тот день *очень близко*. Мы с Софией со смехом ввалились в туалет, обсуждая, как Кобра лихо справляется со своими новыми обязанностями и столкнулись нос к носу с парочкой, занимающейся сексом.

– Экстрим-секс? – хмыкнула Софа и вошла в кабинку.

Мне бы ее выдержку!

Я осталась на пороге, не решаясь войти. Парень стусевался и начал быстро натягивать брюки. Женщина же, не торопилась. Обдала меня уничтожающим взглядом, в котором еще плескалась похоть и начала медленно поправлять задранный лифчик. На вид она была старше своего партнера лет на десять. Я сразу ее узнала, это была жена партнера, с которым Руссо вложился в ювелирную мастерскую. Имя ее, как ни странно, я тоже запомнила – Яна. Но не, потому что она мне чем-то приглянулась. Мне не понравилось, с какой жадностью она смотрела на Руссо. Она его хотела! Раздевала глазами, да так откровенно, что пока я не нахмурилась, и это не заметил ее муж, она свои плотоядные глазки даже не подумала отвести. То, что между ними ничего не было, я была уверена. О таких вещах Руссо меня предупреждал заранее.

В этот момент Руссо говорил с Годзиллой и наблюдал за мной из коридора. Увидев мое замешательство, он подошел ко мне как раз в тот момент, когда эта мадам выпорхнула из туалета.

– Руссо, что-то ты сегодня не весел... Когда ждать пополнения в семье? Через месяцев так пять или шесть? – пропела она томным низким голосом и, виляя бедрами, пошла в зал.

Ох! Видимо некоторые из партнеров Руссо подумали, что он женился «по залету». Меня аж в жар бросило.

Яну никто не посмел остановить, но ее партнеру по экстриму не так повезло. Руссохватило секунды, чтобы оценить ситуацию. Он выпихнул парня в коридор, где того подхватил Годзилла и уволок на склад. Яну это только позабавило. Особое удовольствие ей доставило то, что именно Руссо очищал женский туалет от мужского присутствия.

– Ее муж знает, чем она занимается? – спросила я, когда мы вернулись за наш столик.

– Конечно, знает, – буркнул Руссо. – Я не удивлюсь, если он тому парню еще и приплачивает.

– Что? – у меня глаза вылезли из орбит.

– Похоже, Макс уже ни на что не годится. Бурная молодость иногда заканчивается плачевно.

– О! – я смутилась, поняв, о чем идет речь. – Так зачем она с ним живет?

– Семейная жизнь не заканчивается после импотенции, Верона.

– Я понимаю, но так позорить мужа... уж лучше разойтись, если ей нейдет.

– Давай не будем их обсуждать, – раздраженно отмахивается Руссо. – Они странные... оба. Меня интересует только мозг Макса, а он варит у него, дай боже.

– Не хотела бы я дружить с этой парочкой.

– Они нормальные, главное, не оставаться у них с ночевкой.

Я чуть не подпрыгнула от шока. В голове мелькал навязчивый вопрос, как он пришел к этому выводу, но Руссо меня опередил.

– Нас познакомил Егор, и когда у меня с Максом все с делами завертелось, он меня предупредил, чтобы я никогда не оставался у них с ночевкой. По ночам за закрытыми дверями их дома творится черте что. Тематические секс-вечеринки и так далее. Егор был у них однажды. Сказал, они там все под коксом одуревшие перетрахались как кролики. Вот так вот, детка.

– Но ведь это же не наша тема? – мне вдруг стало страшно, а что если и нас пригласят.

– Не наша, Пушочек. Никому не позволю на тебя смотреть, не то чтобы дотронуться.

Руссо перетащил меня к себе на колени и заглянул в глаза.

– Хочу, чтобы ты оставалась такой, как сейчас: наивная, чистая, честная, бесхитростная, заботливая и нежная. Хотя по поводу бесхитростной я погорячился. Ты еще та плутовка! Шмякнулась в обморок как заправская актриса, – усмехается он. – Понимаю, это нереально, грязный и беспощадный мир будет с каждым днем тебя портить. Но мне очень хочется, чтобы ты была такая подольше.

Он притянул мою ладонь к губам.

– Я так люблю тебя, детка.

Трудно было поверить, что этот же человек несколько часов назад поставил мне ультиматум. Не сводя с него глаз, я спросила:

– Неужели ты бы бросил меня, если б я сказала, что *пока* не готова стать твоей женой?

Уже через секунду я пожалела, что задала этот вопрос. Руссо закрыл глаза и сжал челюсть. Все его тело напряглось. Я невольно вздрогнула. Ничего себе!

– Ох, не думала, что ты такой жестокий, – вырвалось у меня.

Я приподнялась, стараясь высвободиться из его объятий, в которых мне стало до жути холодно и неудобно. Но он прижал меня с такой силой, что я вскрикнула.

– Скажи ты «нет», у меня бы сердце разорвалось в груди.

Его слова заставили меня закрыть эту тему. С минуту мы просто смотрели друг другу в глаза. Вокруг шумели подвыпившие гости, играла музыка. Кто-то за соседним столиком рассказывал, как познакомился с Руссо, и мне бы хотелось это послушать, но глаза любимого меня не отпускали. Он будто хотел проникнуть в мою голову и сердце. Мысленно я отсекала все звуки, здесь и сейчас только мы. Больше я не дулась и не брыкалась. Мои руки обвилились вокруг его шеи.

– Мне нравится твоя новая стрижка, – прошептала я и прикусила мочку его уха, – он застонал, а я продолжила в том же духе и перешла к его шее. Покрывая

ее поцелуями, я шептала: – Мне нравится твое сумасшествие. Сначала я впадаю в шок, но потом меня подхватывает волна возбуждения, внизу живота начинает разгораться огонь. Он томится и разогревает, пока твои руки или пронизательный взгляд не дает ему толчок, а потом... – я облизала губы и тяжело задышала, – он разливается по телу и мечется по мне, делает меня нетерпеливой... вот как сейчас...

– Малышка, сохрани этот настрой до брачной ночи.

Я ахнула. Брачная ночь! У меня напрочь вылетели из головы его слова о том, что он задумал что-то особенное.

– И не спрашивай, где она будет. Это тоже сюрприз!

Аристарх

Сегодня явно мой день! Звезды мне благоволят. Такое бывает редко, чтобы за одни сутки я выправил буквально все свои косяки. Надо признать честно, помогла мне в этом Верона, из-за нее я пребывал в легкой эйфории. Она была на высоте. Всех очаровала, особенно моих партнеров. Я и не подозревал что в такой экстремальной обстановке она сможет быстро собраться и обойти со мной всех гостей. Глаза партнеров горели азартом и нескрываемым интересом, что я сразу оборачивал себе на пользу. И пока они пялились на то, как Верона щебетала с их женами о всякой бабской ерунде, я по ходу решил все конфликтные вопросы, заделал образовавшиеся трещины и уладил разногласия, при этом ни разу не пойдя на компромисс.

Своих корешей по мото клубу я посадил отдельно, ближе к бару, но Верону к ним не подвел. Обойдутся, они и так пускали на нее слюни, когда подходили к столику для поздравлений. Вели они себя на редкость тихо, хотя я их ни в чем не ограничивал. Видать, настрой у всех, после омовского часа был ниже плинтуса. Никто и словом не обмолвился о том, что произошло, но в глазах братьев я видел, что многие понимают, если мы не вмешаемся, нас ждут перемены и не в лучшую сторону.

Последним из гостей приехал Комбат. Годзилла закрылся с ним в кабинете и долго ему втолковывал о создавшейся ситуации. Я не мог оставить надолго

Верону одну и подошел к концу разговора, высказать свои опасения о Демоне и его планах. Мы рассказали ему про кокс, который нашли в тайнике Бизона и что отдали его дилерам в тот же день. Что Демон нам трубы оборвал в ожидании, когда мы его типа найдем. Фейс Комбата был непроницаемым. Но я его уже хорошо изучил, когда он нервничал, то смотрел в одну точку. А сейчас эта точка была где-то поверх головы Годзиллы.

Вернувшись в зал, я увидел на лице Вероны скучающую гримасу и понял, что среди моих гостей она чувствует себя не в своей тарелке. Вспомнил ее реакцию, когда пел для нее в баре и решил прилюдно сказать ей о своей любви, подкрепить сказанное песней, которая сейчас подходила к моему настроению.

Выйдя на сцену, где группа нанятых для этого вечера музыкантов настраивала оборудование, я сказал, что хочу спеть песню группы «Whitesnake» «Is This Love». И пока они готовились, я подошел к микрофону, прочистил горло и размял голос: «Раз... раз... раз... два... три...». Все внимание присутствующих обратилось на меня. Я видел, как у Вероны засверкали глаза. Моя малышка сразу догадалась, что я вышел на сцену ради нее.

– Как говорится, в ревматизм и любовь люди не верят до первого приступа, – все заржали. – Вот и я не верил. Мне казалось, мое сердце давно превратилось в кусок льда. Пока однажды на ринг не выскочила разъяренная цыпа и не начала метелить Волка.

Волк соскакивает с места, свистит и размахивает курткой. Верона прикрывает рот ладонью, а Курт ржет и сжимает ее плечи. Половина зала не понимает о чем речь, но мне плевать, главное, чтобы Верона меня понимала.

– С этого дня я ни думать, ни спать нормально не мог. Сердце рвалось на куски. Меня раздирали противоречия. Как мог я сопротивлялся собственным чувствам. Но потом так вымотался, что сдался и поплыл по течению. И вот куда оно меня привело, – я опустил глаза в пол, сделал небольшую паузу и, собравшись силами, продолжил: – А вчера мы случайно попали в передрыгу. Верона надышалась газа и лежала в отключке. Я смотрел, как ее откачивают, как погружают в «Скорую помощь»... а потом меня даже к ней в реанимацию не пустили... Сказали: «Только близкие родственники». И тогда я понял, что нужно что-то менять.

Кто-то засвистел из толпы корешей и прокричал:

– Молодчик, бро! Она супер!

Когда все уgomонились, я продолжил:

– Прости меня, малышка, что устроил тебе сегодня такой тест-драйв. Наверное, ты думала, что я везу тебя на необычное свидание, а я тебя буквально втащил в ЗАГС, – по залу прокатился гул удивленных голосов. – Да, бро! Наша свадьба для Вероны – сюрприз!

– Руссо, ты как всегда в своем репертуаре! – кричит Кирилл, мой партнер.

– Верона, я лишил тебя девичника, свадебного платья и всей прочей бабской блабуды. Я – тиран, ревнивец и жуткий собственник! Но я так люблю тебя, малышка, что аж крышу сносит. Спасибо, что ты не испугалась, а прыгнула со мной в эту бездну. Ты доказала, что пойдешь за мной в огонь и в воду. Разделишь горести и печали. Ты делаешь меня счастливым. Каждое мгновение я чувствую твою любовь и заботу. Теперь ты моя жена, моя половинка и от этого я просто дурею. Эта песня звучит для тебя, Пушочек!

Пока я пел, смотрел только на свою малышку. Глаза у нее были на мокром месте. До чего же она у меня сентиментальная. Сил нет! К концу песни она уже стояла передо мной, восторженно улыбалась и покачивала бедрами в такт. Ее щеки покраснелись, я чувствовал, как она изнывает от желания. Кто-то из бро выкрикнул: «Горько!». Я терпеть не могу эту муть. Но момент был подходящий, я спустился к своей жене и впился в нее губами так, что мы еле устояли на ногах.

В этот вечер я ждал подвоха от тещи, но к своему удивлению получил нежданку от собственной матери. Заканчивался наш с Вероной танец, когда моя мать, говоря с кем-то по телефону, выскочила из зала как ошпаренная. Я, было, подумал, может, что случилось у нее на работе или с внуками, но взглянув на отца, понял, что это их – семейное. Он сидел бледный, как полотно и смотрел на меня так, будто отправляет на войну. В принципе, он был недалек от истины. Но мои родаки ничего не знали о масштабах предстоящих разборок.

Я довел Верону до нашего стола и попросил Курта за ней присмотреть, а сам двинулся к выходу. Охрана доложила по рации, что моя мать стоит на парковке рядом с каким-то джипом и говорит с водителем на повышенных тонах.

Я рванул так, что за одну минуту оказался рядом с ней и услышал конец разговора.

– Не делай этого! Прошу тебя! Ты погубишь всех! Ты ничего этим не добьешься, сделаешь только хуже!

Тачка, к которой прильнула мать, стояла в неосвещенной части стоянки. Стекла джипа затонированы, регистрационный номер отсутствовал. Я быстро приближался.

– Да как ты не понимаешь?! У меня нет другого выбора! – прокричал ей водитель.

Голос! Где я слышал этот голос?

– Ма! – крикнул я, до джипа оставалось пять шагов.

Мать вздрогнула и отшатнулась от меня как от чумы. Черт! Что это с ней?

Когда я подошел к джипу со стороны водителя, стекло было уже поднято, я увидел только собственное отражение и ужаснулся реакции матери.

– Нет! – закричала она так истошно, будто от этого зависела ее жизнь.

– Ма? Что тут происходит? Этот человек тебя обидел?

К нам приближались трое моих охранников, водитель это тоже заметил и рванул с места как подорванный. Визг колес. Резкий разворот в конце стоянки, затем на предельной скорости джип помчался в сторону шлагбаума и снес его к чертям собачим. Постовые выскочили из будки, почесывая затылки. Секьюрити потянулись к рациям, но я дал знак, что разберусь сам.

Проклятье! Теперь еще и шлагбаум надо ремонтировать!

– Это что за хрен?! Ма! – прокричал я матери прямо в лицо.

– Не вмешивайся, сынок. Это мое дело, – мать была бледная как мел.

Через мгновение у нее задрожал подбородок, она боролась с душившими ее слезами, а потом упала мне на грудь и разрыдалась. Ее тело дрожало, не то от холода – она выскочила в одном платье – не то от страха. Как я ни старался до нее достучаться, на контакт она не шла. Только причитала:

– Я так виновата... так виновата...

Обхватив за плечи, я повел мать к клубу. Затащил в кабинет и дал стакан воды. И что странно... отец так и не подошел к нам, а ведь видел, как я вел заплаканную мать через зал. Вероне я дал знак, чтобы она не вмешивалась и

занималась гостями. Не прошло и пяти минут, как в кабинет ввалились Сева и Алена, но я вполголоса попросил их уйти и те быстро ретировались.

Битых полчаса ушло на то чтобы добиться от матери первого объяснения.

– Прости сынок, что в такой день порчу тебе настроение. У тебя сегодня свадьба и я так рада, что Вера вошла в нашу семью.

Я пропустил мимо ушей слова матери, положил руку на ее плечо, от чего она вздрогнула и спросил:

– Ма, не заговаривай мне зубы. Кто это был? Почему вы ругались?

– Прости, сынок. Я бы с тобой поговорила, но мне что-то нехорошо. Вызови мне такси. Мы с отцом поедem домой.

Родители о чем-то ожесточенно спорили перед входом в клуб. И пока такси не подъехало, они кидались взаимными обвинениями сути, которых я так и не понял.

Верона подросла, когда такси отъезжало, а моя мать, расположившись на заднем сиденье, плакала.

– Что это с ними? Это из-за нас? – спросила она и схватила мою руку.

– Нет, детка, это точно не из-за нас.

Родители кричали о каком-то неправильно принятом решении, деталей я не разобрал, поэтому не стал грузить Верону проблемами моей семьи.

– Пойдем, нас ждут гости.

– Никого они не ждут, – отмахнулась Верона. – Если мы сейчас уедем, они даже не заметят, особенно твои дружки из мотоклуба, они пьяны в хлам. Музыканты врубили рок, и они отплясывают как пираты на палубе.

Я улыбнулся.

– Ну, это же свадьба. Мы еще даже не дрались, а мы это красиво делаем.

– Не-е-ет! – запротестовала Верона. – Только не на моей свадьбе!

Не доходя до зала, я прижал ее к себе и спросил:

– Малышка, а я услышу сегодня твой голос со сцены? Сделай мне подарок.

Она растерялась, покраснела.

– Знаю, ты не готовилась, я могу дать тебе время.

– Ладно, я что-нибудь придумаю... – пролепетала она, на лице отразился весь мыслительный процесс. Она уже сочиняла речь.

Вера

Это случилось, когда я своим появлением на сцене привлекла внимание гостей. Постучала по микрофону, убедилась, что он подключен, от страха и навалившихся сомнений тяжело вздохнула. Именно тогда пробегая взглядом по залу, я увидела темную мужскую фигуру, привалившуюся к стене в неосвещенной части зала. Я не видела лица мужчины, но почувствовала на себе его пристальный взгляд. Если быть точной, магнетический взгляд.

– Говорят сердца людей соединяют ангелы. Представляю, как им пришлось потрудиться, чтобы свести в одну точку меня и Руссо, – по залу пробежал насмешливый хохоток, в основном женский. – Он часто мне говорил, что мы не пара, что мы из разных миров. Я думаю, что именно поэтому мы так и привлекаем друг друга.

– Инь и ян, детка! – кричит Руссо.

– Руссо невозможно не любить. На него невозможно долго злиться. Он самый непредсказуемый человек в мире, поэтому просчитать его действия тоже не представляется возможным. Например, сегодня он сказал: «Детка, у меня для тебя сюрприз!». А через несколько часов привез к дверям ЗАГСа и поставил ультиматум: либо я захожу с ним в эти двери, либо никогда больше его не увижу...

– Круто, чувак! – закричал один из партнеров Руссо, кажется, Крест. Он целый вечер реагировал на все очень эмоционально. – Твое предложение руки и сердца попадет в книгу рекордов Гиннеса, как «Самое романтическое»!

– ...и я рассудила: даже если мы будем знакомы год или два, я не приближусь ни на шаг к разгадке явления под названием «Руссо». Когда мне кажется, что я его уже знаю, – я закатываю глаза, – ну хоть чуточку, он откалывает очередной номер и снова заставляет меня удивляться.

Видимо, я затронула болезную тему для многих присутствующих. Мой монолог снова прервали мужские возгласы. Со всех сторон слышались короткие реплики о выходках Руссо. В зале смех.

Мой взгляд снова метнулся в сторону темной фигуры незнакомца. Я была уверена, что он все еще там, его энергия держала меня в напряжении. Он будто только этого и ждал, сверкнул огонек зажигалки, на секунду озаряя его лицо. Пирсинг на нижней губе. Длинная челка, закрывающая неестественно поблескивающие в темноте глаза.

Казалось, что прошла вечность, я будто выпала из реальности. Забыла где и с кем нахожусь. И что намеревалась сделать. Так сильно меня притягивал этот таинственный мужчина.

– Детка...

Вздрагиваю и смотрю вниз. На танцполе передо мной стоит Руссо. Он снял пиджак и закатал рукава рубашки, оголяя татуировки. Бабочка развязана и висит вокруг ворота.

– Прости, эти олухи все время тебя прерывают. Они не специально, это от переизбытка эмоций.

Я заморгала, медленно приходя в себя. Что я хотела сказать? Или сделать? Песня! Я хотела спеть песню!

– Вроде я все сказала, – соврала я, все равно не смогу собраться с мыслями.

Поворачиваюсь к музыкантам, я уже говорила им, что буду петь песню «Скажи, не молчи» группы «Серебро». Не знаю, почему я ее выбрала, но когда-то она мне легла на душу и я часто ее слушала дома. Слова знаю, заминки не должно быть. Звучит вступление.

Почему-то энергия, исходящая от незнакомца меня не отпускает. Кто он? Почему там прячется? За жаром, который охватил меня с первых секунд нашей «перестрелки» взглядами последовал ледяной холод. Я обхватываю себя за плечи, ежусь. Мой голос тихо разлетается по залу. Глаза Руссо буравят меня. Он чувствует, что со мной творится что-то неладное. На танцпол выходят парочки и плавно качаются в такт песни. Она проникновенная. Каждый раз, когда я ее слышу, у меня мороз пробегает по коже.

*Скажи, не молчи,
Что любишь меня.
Скажи, не молчи,
Что любишь меня.*

Глаза закрываю и будто бы легче.
Опять вспоминаю последние встречи.
Скажи не молчи,
Что ты любишь меня.

Вижу, как Руссо нервно сглатывает, глаза блестят в полутьме. Ноги широко расставлены. Руки скрещены на груди. Прямо за его спиной Саня и Софа слились в танце. Подруга смотрит на моего брата так, словно хочет вырвать из него те самые заветные слова, о которых я пою. Но Саня как скала, его лицо непроницаемо и Софа отворачивается. После чего брат сжимает ее еще сильнее. Интересно, подруга понимает, что это и есть его признание?

Последний припев я почти кричу, в голосе пробивается хрипотца.

Когда песня заканчивается, я улыбаюсь Руссо, подхожу к краю сцены. Он расставляет руки в стороны и говорит:

– Прыгай, детка.

Я падаю ему в объятия, он крепко сжимает меня и держит так несколько секунд, потом ставит на пол и чуть наклоняет ко мне голову. Во взгляде столько нежности и обожания... не помню, когда он на меня так смотрел. У нас у обоих пылают щеки. Мы готовы слиться в поцелуе... но тут на плечо Руссо ложится мужская рука.

– Поздравляю, Руссо.

Звучный глубокий баритон пронизывает меня насквозь, от неожиданности я вздрагиваю. Мною овладевает та самая энергия, что струилась ко мне как змейка от незнакомца у стены, и я не сомневаюсь что это он.

Руссо поворачивается, натянуто улыбается. Он явно удивлен. Здоровается за руку, но парень тянет его на себя, приобнимает и похлопывает по спине.

Я неотрывно смотрю на незнакомца. Одет в черную кожаную куртку, обтягивающие черные джинсы и сапоги-казаки. Куртка распахнута, а под ней голое татуированное жилистое тело. Пирсинг в центре нижней губы. Нависшая на лицо челка. Под виском маленькая тату: револьвер, из которого вылетела пуля в сторону глаза. Между прядями жгуче черных волос проглядывают *красные* глаза. Они реально красные! Глаза зверя, высматривающего добычу.

Наши взгляды снова скрещиваются. В нем клокочет мощнейшая энергия и, хотя незнакомец излучает жар, будто только что вышел из самой преисподни, от

его присутствия я холодею. Он, как огромная черная дыра, засасывающая в себя все – планеты, звезды и галактики. У него тяжелое хриплое дыхание, словно он выиграл стометровку в жесточайшей борьбе.

– Привет, Дюймовочка.

Еле касаясь, он проводит костяшками пальцев по моей щеке, от чего меня словно пронизывает током, я отпрянула и впала в ступор. Не могу отвезти от него глаз. Он будто загипнотизировал меня.

– Как же Руссо умудрился тебя от меня скрыть? Уж я бы такую не упустил.

Кто-то окликнул мужа, он отвлекся на минуту, давая распоряжения о какой-то поездке. Татуированный парень тут же воспользовался моментом и протиснулся ближе. Меня обдал жар его тела. Губы прильнули к моему уху, он с горячностью зашептал:

– Ты ведь чувствуешь меня?

Он так сексуально застонал, что внутри меня мгновенно полыхнул ответный огонь.

– Да? Скажи, Дюймовочка, – и, не дожидаясь от меня ответа, тут же добавил: – Я тебя чувствую. Каждый твой вздох, взмах ресниц и биение сердечка... тук-тук... при виде меня оно учащается и бьется с моим мотором в унисон. Еще чуть-чуть и они сольются в едином танце, и тогда я украду тебя... всю... без остатка.

Тяжелое дыхание, раздувающиеся ноздри. Он до жути страшный... и в то же время красивый...

– Ты мне не нравишься, – вдруг выпалила я и попятилась за спину Руссо.

Я еще никогда никому не говорила такого, смотря прямо в глаза. Слова буквально вылетели из меня, как из пушки и это была защитная реакция на его наступление.

– Оборотень, не пугай мою жену, – рявкнул Руссо и отодвинул от меня татуированного парня.

Оборотень! Как ему подходит эта кличка!

– Не напрягайся, Руссо, тебе еще предстоит исполнить свой супружеский долг, – съязвил Оборотень и одарил меня обворожительной улыбкой, которая никак не вязалась с его агрессивным обликом.

Его зубы были неестественно белые, словно из фарфора. Клыки немного удлинены и заострены.

Я вцепилась в рубашку Руссо, будто меня кто-то пытался от него оторвать, а я изо всех сил сопротивлялась.

– Приводи ее в салон, бро, – Оборотень попытался понюхать мои волосы, но Руссо резко его отпихнул, – я сделаю ей тату, это будет мой свадебный подарок.

Руссо тут же запротестовал.

– О, нет, у моей жены тело останется чистым.

– Пусть она сама решает, брат, – он заглядывает за плечи Руссо и подмигивает мне. – Я буду у тебя первым, Дюймовочка. Первым, кто воткнет в твою девственную кожу иглу и наполнит ее огнем. Я изменю тебя. Пробужу твою природу. Руссо этого сделать не сможет, у него кишка тонка.

Оборотень разразился раскатистым хохотом. Начал делать обманные выпады в мою сторону и насмехаться над реакцией Руссо, который каждый раз преграждал ему путь. Движения легкие, быстрые, он гораздо проворнее Руссо и при желании мог бы меня уже не единожды достать. Это он сейчас и демонстрирует. Показывает, что мой муж для него не преграда. Но он ошибается. Поднимаю глаза на Руссо и понимаю, если бы не торжество, он давно бы врзал этому наглому и настырному уроду.

Гости, особенно в той части зала, где сидели партнеры Руссо, замолчали и с опаской поглядывали на происходящее. Мой брат тоже напрягся, по этой реакции я поняла, что сейчас может произойти то, чего я так боялась.

– Чего скалишься? – съехидничал Руссо. – Зубы жмут? Кончай чушь нести! Отвали от моей жены, – голос Руссо пронизан металлом, кулаки сжаты.

Ого, кому-то сейчас точно достанется! Нет, на моей свадьбе драки не будет, по крайней мере, не при мне! Я глажу мужа по спине, давая понять, что Оборотень его нервов не стоит. Руссо сжимает мою руку. Рядом с нами как из-под земли вырастают двое охранников, видимо, Руссо незаметно дал им знак вмешаться.

– Выведите его на улицу, пусть воздухом подышит. Возбужден не в тему, – говорит Руссо охранникам и те, схватив Оборотня за куртку, выводят гостя из зала, но тот выворачивается и первым ныряет в темноту коридора.

Руссо ведет меня к нашему столику. Спрашивает по рации Годзиллу, кто пропустил Оборотня. Тот отвечает, что через посты он не проходил и обещает разобраться. Кто этот Оборотень? Какие у него дела с мужем? Оказывается он пришел без приглашения.

– У меня все тело заледенело от страха. Он жуткий и неприятный, – выдала я на ходу.

– Детка, у него было трудное детство, полегче с ним. Он совершенно без тормозов. Когда девчонки ему бросают вызов, он слетает с катушек. Принимает это как флирт и долбит в их мозги пока свое не возьмет. А ты сказала, что он тебе не нравится и завела этим.

На свою беду предостережения в словах Руссо я тогда не услышала. Меня трясло и колотило, по телу прокатывалась одна волна адреналина за другой. Я не сказала мужу, что свое «наступление» Оборотень начал задолго до моих слов. Его пытливый взгляд я ощутила еще на сцене. Мне не хотелось, чтобы в такую ночь мы говорили о внезапно появившемся без приглашения госте. Сегодня наш день, наша ночь и никто не должен испортить нам праздник.

– У него красные глаза!

– Это линзы, детка.

– Откуда ты его знаешь?

Вместо ответа Руссо показывает на татуировки на руках.

– Это его работа? Он татуировщик?

Руссо кивает.

– Самый лучший в Москве. Вид у него жутковатый, ты права, но свое дело он знает. Мы познакомились в мотоклубе. Когда главным стал Демон, они не ладили и Оборотень свалил. Теперь он одиночка.

– У тебя какие-то с ним дела? Почему он вообще пришел, если ты его не приглашала? – я так разгорячилась, что никак не могла свернуть с выбранной темы.

– Мы – партнеры, совладельцы тату-салона. Бизнес небольшой, но стабильный.

– А как он узнал, что ты женишься?

– Хороший вопрос, детка.

– Исчадие ада! – выпалила я, садясь рядом с братом.

Ох, если бы я тогда знала, насколько это сравнение было близко к правде!

Продолжение следует...

Июль 2016г.